

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

R G G U B U L L E T I N

№ 1/08

Scientific monthly

Series Political Science
Social and Communicative Studies

Moscow 2008

В Е С Т Н И К Р Г Г У

№ 1/08

Ежемесячный научный журнал

Серия «Политология.
Социально-коммуникативные науки»

Москва 2008

УДК 309
ББК 66.0я43
П 50

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Главный художник
В.В. Сурков

Редколлегия серии
«Политология. Социально-коммуникативные науки»

Логунов А.П. – ответственный редактор
Клягин С.В. – заместитель ответственного редактора
Амбросьева Г.В. – ответственный секретарь
Антонова И.Б.
Барышева Е.В.
Калмыков А.А.
Шагилов А.Б.
Шугрина Е.С.

© Коллектив авторов, 2008
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	9
<hr/> Форум <hr/>	
<i>И.Э. Клюканов</i> Коммуникативная природа события	11
<hr/> Общество в коммуникации <hr/>	
<i>Д.И. Аксеновский</i> Политическое событие как экономия и предел власти: опыт категоризации	25
<i>А.А. Калмыков</i> Коммуникатология и виртуалистика: опыт построения социальной онтологии	36
<i>С.В. Клягин</i> Поэзис времени в пространстве события	49
<hr/> Политика в обществе <hr/>	
<i>М.А. Гордеева, Я.В. Лапицкая</i> Интерпретации политических событий в процессе европейской интеграции: между словом и делом	66
<i>В.Д. Зимина</i> Революционная событийность в контексте политического дискурса России начала XX в.	76
<i>А.Л. Зверев</i> Влияние событийного контекста на политическую социализацию российских граждан	95
<i>Г.М. Михалёва</i> Институт партий: европейская история и российский опыт многопартийности	118
	5

<i>А.А. Сиполс</i> Событие как инструмент политической коммуникации	141
--	-----

Практики исследований

<i>Н.В. Иллерицкая</i> Прошлое в современности: к вопросу о технологии конструирования политического события	150
--	-----

<i>А.С. Мадатов</i> Роль политических событий в смене режима	161
---	-----

<i>Е.В. Барышева</i> Политическое событие как способ легитимации диктатуры пролетариата	180
---	-----

<i>Е.А. Архипова</i> Земский собор как феномен политического дискурса середины XIX в.	186
---	-----

Исследование практик

<i>Н.А. Борисов</i> Политические события на Украине–2007: «вечное возвращение», политический кризис или путь к консолидации демократии?	202
---	-----

<i>Н.В. Шатина</i> «Политическое событие» как область интерпретации российского экспертного сообщества	217
--	-----

<i>М.А. Штейнман</i> Кризис самоидентификации в обществе потребления	227
---	-----

Abstracts	238
-----------	-----

Сведения об авторах	245
---------------------	-----

CONTENTS

Editorial Column	9
<hr/> Forum <hr/>	
<i>I. Klyukanov</i> The Event of Communication	11
<hr/> Society in the Communication Process <hr/>	
<i>D.I. Axenovskiy</i> A Political Event as an Economy and Limit of Power: the Experience of Categorisation	25
<i>A.A. Kalmykov</i> The Communicatology and the Virtualistics: the Experience of Social Ontology Engineering	36
<i>S.V. Klyagin</i> Timing as Mapping the Ontology of Event	49
<hr/> Politics in Society <hr/>	
<i>M.A. Gordeyeva, Ya.V. Lapitskaya</i> Interpretations of Political Events in the Process of European Political Integration: between Intention and Implementation	66
<i>V.D. Zimina</i> Revolutionary Eventuality in the Context of Russian Political Discourse in Early 20th Century	76
<i>A.L. Zverev</i> The Impact of Event Context on the Political Socialization of Russian Citizens	95
<i>G.M. Mikhaleva</i> The Institute of Political Parties: the European History and the Russian Experience of Establishing Multi-Party System	118
	7

<i>A.A. Sipols</i> Event as a Tool of Political Communication	141
--	-----

Case Studies

<i>N.V. Illeritskaya</i> The Past in the Present: the Technology of Constructing a Political Event	150
--	-----

<i>A.S. Madatov</i> The Role of Political Events in Regime Change	161
--	-----

<i>E.V. Barysheva</i> A Political Event as the Way to Legitimate Diktatura Proletariata	180
---	-----

<i>E.A. Arkhipova</i> Zemsky Sobor as a Phenomenon of Political Discourse in the Middle of the XIX th Century	186
--	-----

Field Studies

<i>N.A. Borisov</i> Political Events in Ukraine–2007: Perpetual Repetition, Political Crisis or the Way to the Consolidation of Democracy?	202
--	-----

<i>N.V. Shatina</i> “Political Event” as a Field of Interpretation for Russian Expert Community	217
---	-----

<i>M.A. Shteynman</i> Modern Russia: Crisis of Identity in Consumer Society	227
--	-----

Abstracts	238
-----------	-----

От редакции

Повышенный динамизм политической жизни последнего времени, расширивший политический год за рамки года календарного, актуализировал целый ряд дискуссий в экспертном политологическом сообществе, связанных не только с реакцией на конкретные сюжеты избирательной кампании и перестановки во властных структурах, но и по более значительным вопросам – вопросам понимания и интерпретации природы и качества политики и политического.

Насыщенность современной жизни масштабными политическими событиями повысила исследовательский интерес к их природе, внутренней динамике и воздействию на различные стороны нашей жизни. Не случайно почти все общественно-политические издания посвятили специальные выпуски или большие центральные обзоры выстраиванию собственных рейтингов «событий года». 2007 год оказался действительно насыщенным международными и внутрироссийскими событиями. Их влияние еще долго будет сказываться на общественно-политической ситуации в мире: углубление кризиса в Ираке, Афганистане, обострение курдской и косовской проблем, острые этнонациональные противоречия в развитых демократических странах, нарастание социальных конфликтов в Грузии, своеобразные выборы на Украине и в России, смена политических лидеров во Франции и политический кризис в Италии... Но кто знает, может быть, более значимыми окажутся открытия в области исследования стволовых клеток и углубление представлений о природе наследственности...

В череде этих событий трудно решить, какие из них определяют нашу жизнь на долгосрочную перспективу, какие повлияют лишь на ближайшую ситуацию, а какие забудутся, утратив обаяние новизны.

В связи с этим мы посвятили очередной сборник серии «Вестника РГГУ» «Политология. Социально-коммуникативные науки» исследованию природы *события*.

За внешней прозрачностью данного нарратива стоит целый комплекс серьезных исследовательских проблем, начиная от определения самого понятия «событие», включая характеристику его внутренней природы и структуры и заканчивая разнообразными аспектами влияния события на политический дизайн современности.

В фокусе исследовательского внимания оказывается определение роли и места события в конструировании современности, понимание события как важнейшего звена, вокруг которого строятся коммуникативные практики. Не менее значимым представляется и исследование возможностей проектирования события и формирования контекстуальных событийных рядов. Контекстуальность события нередко выступает не просто как способ его актуализации, а как важнейшая среда существования события и его влияния на сам контекст.

В предлагаемом вашему вниманию сборнике целый ряд статей посвящены как раз проблемам понятийного аппарата и категоризации события. Их авторы Д.И. Аксеновский, А.А. Калмыков, С.В. Клягин, М.А. Гордеева, Н.В. Шатина высказывают различные точки зрения по данному вопросу, предоставляя читателю возможность не только познакомиться с имеющимися вариантами интерпретации, но и включиться в диалог вокруг различных способов осмысления дискурсивной практики.

Еще один блок статей посвящен различным типам политических событий. Авторы статей – В.Д. Зимина, Е.В. Барышева, Г.М. Михалёва, Е.А. Архипова, Н.А. Борисов – выносят на суд читателей свои размышления о роли событий в поворотные моменты политической истории.

О факторах влияния события на социальные процессы размышляют в своих статьях А.Л. Зверев и А.С. Мадатов.

Поставленные исследователями проблемы формируют интеллектуальное поле для исследования содержания событий и их роли в социально-политическом развитии.

От решения обозначенных проблем очень часто зависит сам процесс выстраивания событийной хроники, а следовательно, видения и восприятия социальной жизни в ее многообразных проявлениях. Выбор данной темы позволил, как нам представляется, достаточно полно использовать преимущества политико-коммуникативного подхода для выявления внутренней структуры и коммуникативной природы события, факторов, обеспечивающих активность и существование событийного взаимодействия, а также постижение тонких механизмов влияния на природу события и влияния события на трансформацию социума.

Мы надеемся, что представленные материалы вызовут интерес у читателей и желание продолжить диалог вокруг поставленных авторами сборника проблем.

А.П. Логунов

КОММУНИКАТИВНАЯ ПРИРОДА СОБЫТИЯ

Связь события с коммуникацией на первый взгляд кажется довольно опосредованной. Под событием традиционно понимается то, что произошло, то или иное значительное явление, факт общественной, личной жизни (ср., например, словарь С.И. Ожегова). Иными словами, событие явно мыслится как (статичное) существительное, как свершившийся факт коммуникации. Тем самым, однако, подчеркивается лишь узкопонимаемый репрезентативный характер коммуникации. Между тем в коммуникативном акте событие не просто репрезентируется как уже созданный факт действительности, но конструируется. Именно так, например, понимал репрезентацию М. Хайдеггер, для которого репрезентация (*Vorstellung*) – это креативный процесс воображения, представления, т. е. событие, в процессе которого возникают сложные субъектно-объектные взаимоотношения¹.

Таким образом, стоит сместить акценты, причем в прямом смысле – с события на событие, как оно предстает в новом, динамическом качестве, и его отношение к коммуникации становится самым непосредственным.

Соответственно, природу события возможно и необходимо осмысливать в рамках коммуникативных наук. Такое осмысление, однако, представляет трудности по сравнению с устоявшимися дисциплинами. Так, Г. Шеперд² приводит пример того, что можно сказать о стуле в рамках разных дисциплин: «Какой прочный!» (физика), «Какой естественный!» (биология), «Какой красивый!» (живопись, т. е., по сути, художественная критика) и «Какой дорогой?», т. е. «сколько стоит?» (экономика). Коммуникативист, наверное, сказал бы по поводу стула, как, впрочем, и любого другого события: «Какой (со)существующий, т. е. признаваемый предметом (со)общения!» Именно признание (со)существования чего-то, позволяющего и требующего с этим

И.Э. Клюканов

чем-то (со)общаться, и составляет суть коммуникации. Таким образом, можно утверждать, что событие (во всей сложности его значения) является по своей природе коммуникативным.

Данный подход показывает, что сущность коммуникации нельзя искать только в рамках онтологии, как это ни парадоксально. Понимание события как коммуникативного явления включает в себя как онтологическую, так и этическую составляющие. Именно в этом плане, например, понимал природу коммуникации Э. Левинас, с точки зрения которого внимание к Другому – это неизбежное вовлечение в ситуацию, требующее как бы прерывания себя, своего самосознания, приводящее к обязательству, которое мы никогда не давали, но которое тем не менее мы должны выполнять³. Коммуникативное событие – это процесс, который постоянно заставляет нас на что-то обращать внимание и отвечать на это, т. е. быть ответственными. С этой точки зрения не клеточная структура, не масса, не энергия, не эстетические качества или стоимость предметов, а коммуникация является сущностью события.

Коммуникация, понимаемая как диалогичность, это не то, что человек сознательно может (а может и не) делать, а то, что происходит с человеком, поскольку не может не происходить. С данной точки зрения любое коммуникативное событие – это био-семиотическая, трагикомичная попытка и неудача совершения, закрытия, т. е. укрытия в самом себе, попытка оставаться безразличным. Таким образом, событие как акт коммуникации – это невозможность безразличия к Другому, при этом мир других не ограничивается только миром людей. Таким образом, живым, т. е. достойным ответа, является все, что признается (со)существующим; в этом плане нет различия между людьми и вещами. К сожалению, однако, «людям не хватает сил любить и почитать Бога даже в образе друг друга; тем более они склонны потребительски относиться к вещам, превращая их в самые низкие, рабски послушные и безответные орудия своего благополучия»⁴. По большому счету, коммуникация как признание обречена на неудачу, как только мы начинаем считать другие культуры, другие существа Другими, экзотичными, вместо того чтобы видеть в качестве Другого себя⁵. Коммуникативное событие по природе своей феноменологично, и разрушить это ничем нельзя. Неслучайно «деконструкция в своем начале есть отвержение феноменологии (критика Жака Деррида в адрес Гуссерля), но в своем конце, точнее, бесконечности, – возвращение на круг феноменологии, встраивание в новую, гораздо более сложную, многоступенчатую, опосредованную феноменологию предмета. Именно через деконструк-

цию как через бесконечную регрессию феномена, его отступление в область непредставимого, отсроченного совершается раскрытие самого феномена в его нарастающей знаковой опосредованности с самим собой как мыслимой немислимости, как явленного отсутствия»⁶.

Итак, событие является по природе коммуникативным явлением. Базовой характеристикой коммуникации как мыслительного процесса является, пожалуй, слово «знать». В процессе коммуникации создается зна(че)ние – со всеми вытекающими последствиями его (зло)употребления.

Часто коммуникацию отождествляют с передачей зна(че)ния с помощью определенных языковых и неязыковых средств. Тем самым коммуникация сводится к механической передаче информации, т. е. к простой функции, например, снижения неопределенности. При таком понимании субъект («источник информации») устанавливает контроль над окружающей его действительностью (по сути, как бы «получателем информации»). Легко заметить позитивистско-картезианскую направленность подобного подхода: противопоставление себя как источника коммуникации предметам окружающей действительности основывается на идеях номинализма, т. е. редукции всего богатства эмпирических данных к набору атомарных компонентов зна(че)ния.

Отражение данного подхода мы находим в различных направлениях традиционной лингвистики, ср. ономазиологические исследования. Большинство традиционно лингвистических исследований проводятся на уровне слова, словосочетания и предложения, что неудивительно, поскольку именно на примере данного языкового материала легче всего представить предметы окружающей действительности как бы в застывшем виде. Подобный подход прежде всего акцентирует внимание на (пространственном) присутствии реальности в виде надежных зна(че)ний и носит статичный характер. Субъект как бы пытается окружить себя верными предметами, над которыми – при наличии определенных зна(че)ний – можно постоянно осуществлять эффективный контроль.

Парадоксальность такого позитивистско-экстенционального подхода к коммуникации заключается в том, что картина коммуникации как речемыслительного процесса предстает абстрактно-схематичной, т. е. начисто лишенной конкретного субъекта. Ирония заключается в том, что эмпирическая природа коммуникации сводится к вневременному объему зна(че)ний. При акцентировании взгляда на соотношении зна(че)ний и

предметов действительности сам субъект как бы выносится за скобки процесса коммуникации; вместо него мы имеем элементарную функцию, а не существо, которое дышит, любит, ошибается и т. д. Коммуникация, по сути, сводится к узнаванию предметов. Иными словами, в коммуникации присутствуют лишь предметы, за которыми закреплены зна(че)ния, а так называемый человеческий фактор отсутствует. Подобный взгляд на коммуникацию является по преимуществу пространственным, линейным, механистическим, «бездуховным».

В то же время коммуникация продолжается именно благодаря абстрагированию зна(че)ния от чувственных данных (предметов); тем самым и субъект как таковой получает шанс на спасение. Оказывается, зна(че)ния предметов не являются незбылемыми; оказывается, зна(че)ния нельзя свести к статичным предметам, поскольку предметы изменяются во времени, при этом зна(че)ния начинают обретать глубину. Иными словами, коммуникация проявляет свой динамический характер; любое начало имеет по определению временной характер.

Зна(че)ние становится более подвижным в силу того, что оказывается возможным посмотреть на один и тот же предмет с другой точки зрения, т. е. обозначить его по-другому. Тем самым на первый план выдвигается роль Другого в коммуникации и соответственно других средств репрезентации предметов. Данный взгляд на коммуникацию начинает высвечивать интенциональную природу зна(че)ний, которая рождена самими предметами. Так, известный пример Вальтера Скотта и автора «Веверлея», который в большинстве книг по семантике представляется как одно и то же зна(че)ние (в его интенциональной и экстенциональной ипостасях), можно интерпретировать по-другому (по Другому). «Вряд ли имело бы смысл называть новорожденного автором “Веверлея”, разве что будущим. Но каждый знает, что быть будущим, например, доктором – это совсем не то, что быть настоящим... Поэтому не является ли требование обязательного различения смысла и значения выражений, восходящее к Фреге, результатом недоразумения, связанного со слишком узким пониманием вещи, *отождествляющим ее с неким объемом, занимаемым в пространстве, то есть с телом?*»⁷ (курсив мой. – И. К.). Конечно, такое узкое понимание зна(че)ния можно считать положительным моментом, поскольку «субъект, т. е. имя вещи, естественнее всего мыслится в терминах пространства»⁸, в результате чего выражается и закрепляется сущность вещи. Тем не менее такой взгляд на зна(че)ние в то же время раскрывает его условный и динамический характер; коммуникацию нельзя мыслить в одних пространственных термини-

нах, как бы заманчиво это ни было, поскольку зна(че)ние изменяется, развиваясь во времени.

Таким образом, становится ясной узость позитивистско-экстенционального подхода к коммуникации, поскольку предметы не просто называются и, соответственно, узнаются, но и обозначаются и, соответственно, познаются. Зна(че)ния предстают не просто в виде референтов, закрепленных определенными языковыми и неязыковыми средствами, но в виде различных понятийных признаков, в результате чего неизбежно возникает коммуникативное напряжение. Подчеркнем еще раз: данное значимое напряжение вырастает на эмпирической почве. Именно на этой питательной почве предметы как бы оживают и приходят в движение, причем не только одушевленные предметы, что более естественно (ср., впрочем, рабство и любое проявление патологической коммуникации), но и неодушевленные. Например: если стакан падает и разбивается, его легче всего продолжать именовать стаканом, ср. «разбитый стакан». Тем не менее в данном зна(че)нии уже выделяется новый признак, в результате чего более правильное понимание ситуации требует нового обозначения, ср. «осколки стакана»⁹. Последующая жизнь референта может становиться все более подвижной и дробной, заканчиваясь его исчезновением, «смертью», ср. «осколки стекла». Таким образом, даже неодушевленные предметы, вернее, их зна(че)ния, живут и умирают.

Подобно стакану, разбивается взгляд на коммуникацию, согласно которому она сводится только к узнаванию или познанию предметов. Именно из этих осколков, однако, складывается ее дальнейшее теоретическое осмысление. Поиск зна(че)ния продолжается, и попытки остановить его распад начинают осуществляться с новой силой. В результате этих попыток возникают различные социально-культурные конструкции, которые – с той или иной долей успешности – снимают коммуникативное напряжение, т. е. учитывают различия в понимании предметной реальности, выявленные на предыдущей стадии развития коммуникации. Подобные конструкции можно рассматривать, например, в терминах социального порядка, мифа, метанарратива, картины мира и т. д. Все данные попытки социально-культурного конструирования являются сознательными, т. е. строятся на основе результатов своего познания и результатов познания Другого. Таким образом, зна(че)ние предстает в виде со-знания.

Казалось бы, процесс коммуникации с достижением данной стадии можно считать законченным. Проблема, однако, заключается в том, что процесс этот неостановим и включает в

себя все новые и новые явления. Соответственно, символическая масса коммуникации все возрастает, далеко выходя уже за уровни слова, словосочетания и предложения; теперь уже требуется оперирование высказываниями и текстами, выход за рамки текста в интертекстуальность, в дискурс. В результате приходится тратить все больше энергии на то, чтобы «остановить мгновение» в виде того или иного конструкта. Коммуникация набирает обороты, интегративные единицы смысла становятся все сложнее и сложнее (и все более отдаленными от предметной реальности как таковой), все больше и больше энергии (когнитивной, эмоциональной) тратится на данное конструирование, все сильнее и сильнее коммуникативный азарт. Кажется, вот-вот будет найдено то самое заветное зна(че)ние; коммуникация, однако, всегда на полдыханья впереди самых отчаянных и изобретательных попыток ее осмысления. Неудивительно поэтому, что теоретическая мысль как бы выбивается из сил, задыхается, ср. идеи усталости, разочарования, деконструкции зна(че)ния, связываемые с постмодернистскими течениями.

Итак, складывается следующая ситуация. С одной стороны, коммуникацию нельзя представить в виде набора зна(че)ний, которые закрепляются теми или иными средствами за предметами, расположенными в пространстве, поскольку такой подход является «бездуховным», вынося за скобки конкретного субъекта коммуникации. С другой стороны, коммуникацию нельзя представить в виде постоянной погони за зна(че)ниями, поскольку такой подход рано или поздно «задыхается» и – с ироничной усталостью – сводит коммуникацию к постоянной игре, к симулякру.

Примечательно, что даже из такой безвыходной ситуации можно пытаться извлечь выгоду, манипулируя ее составляющими. Так, свою позицию легко считать правильной, если подходить к ней позитивистски, ограничиваясь фиксированным взглядом на положение (sic!) вещей. Позицию, которую по разным причинам не хочется разделять, можно с такой же легкостью раскритиковать как социальную конструкцию, лишённую какой бы то ни было значимости. Ирония заключается в том, что, двигаясь за зна(че)нием по пути социального конструкционизма, мы приходим к мгновенному ревизионизму; любое зна(че)ние можно тотчас же деконструировать, стереть (ср. *erase*). Иными словами, все, во что мы верим, считается значимым фактом действительности; все, во что мы не хотим верить, объявляется фетишом¹⁰. Можно провести параллель между подобными попытками разобраться с коммуникацией и так называемой

фундаментальной атрибутивной ошибкой¹¹, которая заключается в манипулировании диспозиционными и ситуативными факторами – всегда в свою пользу. Позитивистская позиция, естественно, имеет диспозиционную природу, а антифетишистская – ситуативную. Проще говоря, моя позиция значима, поскольку обладает (вневременной) сущностью, а позиция Другого является незначительным исключением из правил и, соответственно, достойна исключения из процесса коммуникации. Таким образом, пытаясь понять природу коммуникации, мы или смотрим на нее застывшим взглядом, или напоминаем сумасшедшего ученого, который выпустил из бутылки вирус критики, мутирующий и сжирающий все на своем пути. Что же делать? Продолжать движение вперед, т. е. назад.

Задача коммуникации – не убежать, не оторваться от события, а, наоборот, приблизиться, возвратиться к нему и тем самым помочь тому, кто осуществляет коммуникацию, т. е. приблизиться наконец к себе. Победить эмпирику – чувственные данные, чувства – нельзя; вместо борьбы с эмпиризмом необходимо вернуться к чувственной материи и помочь ей возродиться из пепла, из тех осколков, на которые с нашей помощью она оказалось разбитой. Именно на этой стадии задачей коммуникации становится переход на уровень «второго эмпиризма», т. е. возврат к реальности, к тому, что касается всех, и прежде всего – нас самих.

Данная стадия является критической – в буквальном смысле слова. Критиковать – это не значит разрушать и стирать все созданные зна(че)ния. Критиковать – это значит судить, т. е. осуществлять (критические) суждения о чем-то. Критик – не тот, после кого не остается никаких следов; критик – тот, кто отслеживает и сохраняет зна(че)ния для последующих поколений. Критическое суждение является не просто актом сознания, но о-сознания: необходимо осознать все, что было сконструировано до данного момента, все, что мы «натворили». Так мы осознаем себя, обретаем свою судьбу; неслучайно «корень понятия “судьба” – суд»¹².

Акт критического осознания коммуникации – вопрос времени. Иными словами, в какой-то момент мы соизмеряем себя со всем, что присутствует в виде зна(че)ний. На первый план в этой связи выступает мера, т. е. соотношение себя со всем сущим. На этой стадии мы наиболее чутко прислушиваемся к мирозданию, вглядываемся в зна(че)ния, стараемся найти внутреннюю форму культуры и языка, почувствовать их дух, «дыхание этимологии»¹³. Примечательно, что мы находим меру, осознаем себя не с помощью самых сложных и громоздких явлений, а с помощью наимельчайших элементов, тех, которые раньше мы как бы не за-

И.Э. Клюканов

мечали. Иными словами, «смысловое мироустройство для своего постижения требует микроскопического проникновения в такую глубину, где исчезают крупные и раскрываются мельчайшие смыслы»¹⁴.

В погоне за зна(че)ниями мы слишком увлекаемся абстракциями и перестаем замечать детали, которые позволяют нам понять целое. В какой-то момент, однако, необходимо осознать, что на субатомарном уровне зна(че)ний бурлит жизнь. Примером такого наноязыкового явления выступают служебные слова – предлоги, союзы, частицы, «которые выражают более глубокую, так сказать, бессознательную мысль языка»¹⁵. Мы также стараемся не замечать то, что коробит наш утонченный вкус. Между тем следует вспомнить, например, о скатологической функции культуры¹⁶. В этом плане нет «грязных» предметов для исследования; напротив, такие явления, как экскременты¹⁷ или граффити¹⁸ могут нам рассказать многое о нас самих. Следовательно, без возврата к служебным словам, к маргинальным явлениям нельзя осознать себя, коммуникацию, свою роль в коммуникации. Необходимо вспомнить, «из какого сора» растут зна(че)ния.

Итак, спасение существа коммуникации (существа и как творения и как творителя) заключается в возвращении на круги своя. Коммуникацию «можно определить как акт возвращения существа к самому себе»¹⁹. Коммуникация – это процесс как бы возведения себя в квадрат, реализация замысла, который на начальных стадиях еще не так ясен. В конечном итоге смысл – это реализованное зна(че)ние. Осознание, которое наступает на завершающей стадии коммуникации, это осознание эфемерности, «семиотической эфирности»²⁰ зна(че)ний. Эта стадия заканчивается тем, что темпоральность переходит назад в пространственные рамки; круг коммуникации завершается. В результате «логические абстракции, которые в ходе исторического развития возвысили человеческий разум над эмпирикой простых ощущений, как бы вновь возвращаются к исходной точке, единичной вещи для того, чтобы раскрыть в ней свернутое богатство всей человеческой культуры и вселенского смысла»²¹.

Иными словами, единство всех предыдущих зна(че)ний оказывается сосредоточенным в единичной вещи; так осознание переходит в узнавание предметов, только теперь уже каждый предмет предстает как вещь, соответственно задача коммуникации – выявлять его зна(че)ние здесь и сейчас. Таким образом, «смысл, обретенный вещью, с благодарностью возвращается обратно к человеку, заново подтверждая его соб-

ственную неслучайность»²². Важно подчеркнуть, что смысл в виде реализованных зна(че)ний каждый раз возникает *заново*. Коммуникация, направленная на вещь, в корне (sic!) отличается от коммуникации, направленной на предмет. В последнем случае происходит одно и то же узнавание, т. е. идентификация застывших зна(че)ний; в первом случае узнавание носит характер не только механистической идентификации, но и обретения новых зна(че)ний. Узнавать – это не просто опознавать что-то, это еще и получать новые зна(че)ния. Коммуникация приобретает характер общения со знакомым незнакомцем, становится ритуальной. Как чайная церемония, коммуникация происходит как бы автоматически, однако ее природа на самом деле является чрезвычайно значимой и интимной. В ней все – люди и вещи – одновременно и однопространственно гости и хозяева, и несмотря на свою регламентированность она каждый раз выявляет что-то новое, какие-то новые зна(че)ния, даже если это луч солнца, осветивший всех присутствующих на минуту позже, чем вчера. Существует различие между чаепитием как утолением жажды и ритуалом чайной церемонии. Коммуникация становится привычной, как жизнь, с которой, однако, невозможно расстаться.

По мере того как коммуникация возвращается от логических абстракций к конкретике, возрастает значимость ее невербальных средств. Приблизиться к безусловному, почувствовать дух культуры проще с помощью бессловесных (невербальных) средств. Неслучайно, например, отмечают преобладание невербальных элементов в восточных культурах, их высококонтекстность²³.

Соответственно, в корне меняется отношение к реальности: вместо (в лучшем случае) слепого, а (в худшем случае) надменного отношения становится человеческим, *человечным*. В подобном уважительном и бережном обращении с реальностью можно видеть проявление экологического характера коммуникации. Коммуникация как семиотический (опосредованный) процесс характеризуется вниманием к знакам, которые подает природа, особенно – к болезненным знакам²⁴. Если на каком-то этапе коммуникации не осознаешь, что все – в меру, если продолжаешь жить не по средствам, не замечая всего того, что делает возможным твое собственное существование, то коммуникация начинает носить патологический характер. И наоборот: если осознаешь, что любая вещь – равноправный участник коммуникации, такой же, как ты сам, коммуникация как общая среда обитания будет сохранена, т. е. рождена заново. Мы должны рас-

И.Э. Клюканов

твориться в вещах, чтобы коммуникация продолжалась. В идеале наша культурная идентичность – это идентичность со всем, что существует в процессе коммуникации. В идеале различие человека и чайной чашки – не существенное, не сущее и в то же время несущее коммуникацию.

Осознание существа коммуникации представляет собой акт рефлексии участников коммуникации, «самоудвоение в зеркале собственного сознания»²⁵. Каждый агент коммуникации стремится полностью осознать свою сущность, овладеть зна(че)ниями о себе и своей роли в мире. Разумеется, каждый стремится представить свое видение как наиболее значимое и наиболее полно отражающее картину мира. Иными словами, каждый – со своей точки зрения – пытается выявить универсальную природу коммуникации. Каждый как бы пытается поставить точку в споре (очном или заочном) со всеми остальными. Однако поставить точку никак не удается, так же как не удается полностью увидеть себя в зеркале. Поэтому статус зна(че)ния следует рассматривать «в системе некоторой над-субъективности: знание есть знание независимо от того, кто им обладает – “Я”, “Ты”, “Он” и т. п.»²⁶. Оказывается, что зна(че)нием никто не в силах обладать; оно постоянно ускользает от субъекта как агента коммуникации, оно находится вне субъекта. По сути, зна(че)ние можно рассматривать лишь в терминах вневходимости, или трансценденции. В конечном итоге, следовательно, осознание природы коммуникации включает в себя «шаг, трансцендирующий окружающую, родную, свою собственную культуру и среду ради ничего. Не ради другой культуры, а ради ничего. Трансценденция в ничто. ...Это и есть первичный метафизический акт»²⁷. Именно в результате этого шага, в результате жертвования всеми и прежде всего своими зна(че)ниями (самопожертвования) коммуникация возрождается, возвращаясь к своему существу, но в уже обновленном виде. Так агент коммуникации наконец узнает себя, т. е. идентифицирует себя и видит в себе что-то новое. Таким образом, то, куда постоянно исчезает точка, то, что стоит за коммуникацией и движет ею, это ничто, пробел²⁸.

С этой точки зрения трудность феноменологической редукции заключается в том, что приходится как бы выносить за скобки себя, чтобы (со)общение п(р)оявлялось как бы само собой. Именно таким образом, однако, мы возвращаемся к самим вещам (по Э. Гуссерлю), и наше (со)общение оживает. Вынося себя за скобки, мы учимся выносить наше существование как (со)существование с другими и с собой. Возможно, всех (со)об-

щающихся можно разделить на тех, кто на том или ином этапе приходит к осознанию того, что делать что-то надо (т. е. надо посылать [со]общение), но не знает (не уверен), как это будет (вос)принято, и тех, кто знает (уверен), как (со)общение будет происходить и чем закончится, но не уверен (в глубине души), надо ли его вообще посылать.

Итак, природа коммуникации экологична; коммуникативная среда обитания постоянно создается взаимодействием ее агентов, вырастая как бы на пустом месте. Осознание природы коммуникативного события в конечном счете приводит к признанию бессилия схватить смысл, остановить мгновение, осознать (увидеть) себя полностью. Приходится признать, что смысла как такового нет; именно в этот момент, однако, мы обретаем настоящую силу. Мы осознаем, что, поскольку смысла нет, его необходимо постоянно конструировать и чувствовать. Мы понимаем, что наш мир вымысливается; мир – это гигантский бутстрап²⁹. Те, кто это осознает, начинают жить по-настоящему осмысленно, т. е. в настоящем пространстве и времени, здесь и сейчас. Природа коммуникации не только экологична, но и антиномична; основной вопрос коммуникации в принципе неразрешаем, как и в принципе ненаходим смысл – к нему можно только постоянно возвращаться.

Итак, в данной статье было выделено (разумеется, аналитически-условно) несколько этапов развития зна(че)ния как сущности коммуникации. Прежде всего, коммуникацию можно представить как эмпирическое узнавание предметов действительности, которые расположены в пространстве и могут быть однозначно обозначены, в результате чего агентом коммуникации устанавливается контроль над окружением³⁰. Такой взгляд на коммуникацию имеет преимущественно экстенциональную природу, пытаясь охватить всю объективную действительность, всю ее содержательную ширину.

Такой чисто позитивистский взгляд дает трещину, как только оказывается, что один и тот же предмет можно обозначить по-разному. Инакость выходит на первый план, стимулируя познавательные тенденции коммуникативного процесса. Другие знаки, другие признаки предметов, Другие – вот отличительные характеристики данной стадии развития зна(че)ний.

Коммуникация становится все более сложной и динамичной, поскольку зна(че)ния все более абстрагируются от предметов. Интенциональность данной стадии заключается в стремлении сконструировать свой социально-культурный мир на основе результатов своего познания вместе с результатами познания

И.Э. Клюканов

других агентов коммуникации. Данный мир обретает уже определенную содержательную глубину – результат сознательной интерпретативной деятельности.

Следующая стадия является критической, поскольку здесь осуществляется решение пожертвовать всеми зна(че)ниями, в первую очередь – своими. Такое решение – самый отчаянный шаг в процессе коммуникации, и на принятие такого решения нужно время. Данная стадия коммуникации наиболее универсальна, над-субъективна, трансцендентна. Именно здесь для всего существа коммуникации наступает момент истины; приходит осознание того, что круг завершен и дальше – тишина, пробел, ничто. Если агент коммуникации принимает такое решение, то он, по сути, признает, что он – чистая выдумка, и спасти его может лишь полная капитуляция перед коммуникацией как таковой. Так агент коммуникации обретает новую силу и новую плоть, возвращаясь в эмпирический мир – знакомый и незнакомый.

Наконец, коммуникация снова возвращается в привычное русло, к объективной реальности. Только это уже другая реальность; предмет превратился в вещь, агент коммуникации возвел себя в квадрат, разбитый стакан собрал все свои осколки и снова стал целым (или совсем не стаканом, но все равно чем-то целым). Эта реальность – уже одухотворенная реальность, умудренная жизненным опытом. Теперь уже каждый коммуникативный акт происходит не просто здесь (как на первой стадии), но здесь и сейчас, при этом, как и раньше, постоянно ускользая из-под рук. Поэтому, когда возвращаешься назад, начинаешь чувствовать и ценить хрупкость и преходящность этого мира.

В заключение отметим еще раз, что понимание события как коммуникативного явления включает в себя как онтологическую, так и этическую составляющие, поскольку коммуникативное событие – это процесс, который постоянно заставляет нас на что-то обращать внимание и отвечать на это, т. е. быть ответственными. С этой точки зрения, именно коммуникация является сущностью события. Именно поэтому любое коммуникативное событие не может быть осмыслено лишь в рамках социальных и тем более точных наук, поскольку осмысление его природы требует привлечения идей коммуникативных дисциплин.

В этом плане понимание физического мира как такового, который можно познавать вне коммуникации, является ограниченным. Так, М. Газзанига приводит пример оптометристов, которые могут точно измерить зрение человека, но не могут с точностью установить, начиная с какой меры признавать человека официально слепым и, следовательно, судить, является ли

этот человек ответственным за свои действия³¹. Действительно, данные этические суждения не могут не быть условными, т. е. зависеть от каких-то социокультурных условий, вместо того чтобы быть «научно» основанными только на эмпирических данных.

Человек привносит в (со)общение с реальностью всю свою метафизику, в результате чего любое событие как бы пронизывается его духом, т. е. его системой ценностей. Соответственно, приборы, с помощью которых постигается мир, несут на себе метафизическую печать. Зрение человека можно точно измерить лишь в рамках той или иной – созданной человеком – системы. Мир п(р)оявляется не сам по себе, а на основе наших коммуникативных практик, которые ведут к созданию определенных приборов измерения и т. д. Исследование (со)общения не может оставить в покое «науку как таковую», ср. дискурс вокруг таких, казалось бы, чисто физико-биологических вопросов, как клонирование, фармацевтика и т. д. То, каким образом будет осуществляться дискурс в каждом отдельном случае, не может не отразиться на том, как будет изучаться и измеряться физический или социальный мир, состоящий из значимых фактов («событий»).

Примечания

- 1 *Jameson F.* A singular modernity: Essays on the ontology of the present. L.; N.Y., 2002. P. 46.
- 2 См.: *Shepherd G.* Building a discipline of communication // *Journal of Communication.* 1993. Vol. 43. P. 28.
- 3 См.: *Pinchevski A.* By way of interruption: Levinas and the ethics of communication. Pittsburgh: Duquesne Univ. Press, 2005. P. 80.
- 4 *Эпштейн М.* Знак _ пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 673.
- 5 См.: *Peters J.D.* Speaking into the air: A history of the idea of Communication. Chicago; L.: The Univ. of Chicago Press, 1999. P. 260.
- 6 *Эпштейн М.* Указ соч. С. 726–727.
- 7 *Уемов А.И.* Послесловие // Тондл Л. Проблемы семантики. М.: Прогресс, 1975. С. 457–459.
- 8 *Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985. С. 23.
- 9 См.: Логический анализ языка / Под ред. Арутюновой Н.Д., Левонтиной И.Б. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 45.
- 10 См.: *Latour B.* Why has critique run out of steam: From matters of fact to matters of concern // *Critical Inquiry.* 2004. Vol. 30. № 2.
- 11 См.: *Reason J.* Human error. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.

И.Э. Клюканов

- 12 *Эпштейн М.* Указ. соч. С. 581.
- 13 См.: *Беляевская Е.Г.* Концепция А.А. Потебни в свете когнитивной лингвистики (учение о слове) // Языковое человека и этноса: Психолингвистический и когнитивный аспекты. М: МГЭИ, 2004. Вып. 7. С. 23.
- 14 *Эпштейн М.* Указ. соч. С. 668.
- 15 Там же. С. 228.
- 16 См.: *Dolgoplov G.* World history in 60 seconds: How Bank Imperial re-edited Russian binary logic // Social Semiotics. 2000. Vol. 10(1). P. 7.
- 17 См.: *Laporte D.* History of shit. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 2000.
- 18 См.: *Rodriguez A., Clair R.P.* Graffiti as communication: Exploring the Discursive Tensions of Anonymous Texts. Vol. 65. № 1. С. 1–15.
- 19 *Эпштейн М.* Указ. соч. С. 377.
- 20 Там же. С. 203.
- 21 Там же. С. 678.
- 22 Там же. С. 669.
- 23 См.: *Hall E.* Beyond culture. Garden City; N. Y: Doubleday, 1976.
- 24 *Степанов Ю.С.* Указ. соч. С. 39.
- 25 *Эпштейн М.* Указ. соч. С. 378.
- 26 *Пятигорский А.М.* «Знание» как «знак личности» в духовной культуре древней Индии // Труды по востоковедению. 1973. Вып. 2. С. 217.
- 27 *Мамардашвили М.* Как я понимаю философию. 2-е изд., испр. и доп. М.: Прогресс. Культура, 1992. С. 336–337.
- 28 См.: *Эпштейн М.* Указ. соч.
- 29 Имеется в виду модель, где все составляющие элементы образуют динамическую целостность взаимосвязанных событий, которые не являются определяющими сами по себе, но которые вытекают друг из друга; тем самым данная целостность создает себя, как бы поднимая себя за шнурки («бутстрап» значит «зашнуровка»). См.: *Базылев В.Н.* Синергетика языка: Овнешнение в гадательных практиках. М.: Диалог-МГУ, 1998. С. 33.
- 30 См.: *Парахонский Б.А.* Язык культуры и генезис знания. Киев: Наукова думка, 1988.
- 31 См.: *Gazzaniga M.* The ethical brain. N.Y.: Dana Press, 2005.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ КАК ЭКОНОМИЯ И ПРЕДЕЛ ВЛАСТИ: ОПЫТ КАТЕГОРИЗАЦИИ

Что такое политическое событие? Ответить на этот вопрос можно двумя способами. Первый способ заключается в том, чтобы построить определение понятия через рассмотрение признаков политического и событийности. Здесь «политика» и «событие» выступают как взаимобратимые понятия, прочитывающиеся одно в другом до такой степени, что становится ясной их неразделенность, когда событие есть форма проявления политики, а политика наполняет содержанием событие. Недостаток такого способа выражается в подведении изучаемого феномена под некоторые теоретически или эмпирически обоснованные утверждения, когда известное объясняется в новых терминах и акцентируется лишь связь политического и событийного.

Однако при более внимательном рассмотрении прилагательное «политическое» в словосочетании «политическое событие» обозначает отнюдь не связь, а разрыв с существительным «политика» в его обычном смысле как борьбы за власть и исполнение этой власти. Акцент на политическом, а не на политике, подчеркивает, что рассуждения строятся вокруг соотношения власти и общества, когда объектом является не политическое действие, а инстанция повседневного. «Политическое» в отличие от «политики» выражает не борьбу, а идею «совместной жизни», стремление уживаться друг с другом.

Второй способ – провести категоризацию как соотнесение изучаемого феномена с классом подобных объектов в сведении многообразия их проявлений к отдельным чертам, принимаемым как типичные. Результатом категоризации является формирование категории как понятия, предельно обобщающего и классифицирующего. Категория обладает минимальным содержанием, т. е. фиксирует минимум признаков охватываемых предметов, но эти признаки выражают наиболее существенные отношения.

Д.И. Аксеновский

В данной статье в качестве категории политического события выбрана категория обмена. Выбор в пользу категории обмена сделан потому, что такое направление рассуждений лишено возможности замкнуть исследование в логике концептуализации понятия или в конкретности эмпирических фактов. Поэтому политическое событие рассматривается в признаках обмена и не рассматриваются другие варианты трактовки политического события или конкретные проявления данного феномена. Основу для понимания обмена составляет теория коммуникации, позволяющая продолжить рассуждения, предложенные Т. Парсонсом и развитые Н. Луманом, о сравнении власти с деньгами, дополнив их идеей М. Маклюэна о деньгах как способе «распространения торгового на весь социальный комплекс»¹.

Использование категоризации для прояснения понимания политического события и связанные с этим вопросы проживания, представления, дискурсивной практики и выбора стратегии поведения выявили потребность в максимально широком обобщении, что привело, в свою очередь, к макроуровню описания через понятия, с которыми коннотирует понятие «политическое событие»: политика, власть, сила, воля, возможность, действие, институт, подчинение, право, мотивирование, знак.

Что есть политическое событие?

При обращении к проблеме политического события прежде всего встает вопрос о настоящем, так как интерес к конструированию «светлого будущего» или совершенствованию «вековых традиций» подорван критикой идейной базы тоталитаризма и изоляционизма. Внимание к настоящему сводит вопрос о политическом событии к проблеме пересечения практик управления и форм жизни общества, а также к феномену власти, поддерживающему разделение функций между людьми в отношениях подчинения. На уровне повседневности политическое настоящее дано в формах поведения субъектов политики (бюрократии, крупного бизнеса, экспертов, самодеятельного населения), создающих политические манифестации власти, институты которой признаются «продуктами человеческого творчества и... их сознательное изменение обсуждается в терминах их пригодности для достижения человеческих целей и намерений»².

Так понимаемое политическое событие отличается от его толкований, где оно рассматривается как опосредование и

выражение политической власти, иначе говоря, оказывается глубоко служебным моментом или своеобразным знаком («знаковое событие»), отсылающим к представлению существующей власти, утверждающей, что она *есть*. И если трактовать политическое событие в этом плане, то к пониманию реальности власти оно добавило бы весьма небольшое.

Более перспективным с исследовательской точки зрения представляется понимание политического события как взаимодополнения отношений подчинения и отношений обозначения сущностей с утверждением их существования (превращением в символы). Иными словами, когда «полицейское право легитимируется универсальными ценностями... Нужно ли воспринимать это... как процесс, который, основываясь на элементах неустойчивости исторического порядка, приводит в действие машину регулирования, движимую универсальными силами справедливости и мира... Все мы вплотную подходим к вопросам, касающимся основы основ, и оказываемся перед лицом радикальных альтернатив»³.

Пределами политической событийности согласно такой точке зрения выступают, с одной стороны, указание на применение силы (власть как возможность проведения своей воли вопреки воле других), а с другой – выражение осмысленности действий (власть как необходимость ограничения воли каждого ради тех целей, которые не могут быть достигнуты индивидуально).

Это удваивает властные отношения, и суть обращения к политическому событию состоит в понимании двойственной реальности власти через такое взаимодополнение двух оснований – силового и символического. Власть как некое создание и удержание общественного порядка, а также порядка в сознании людей «сама по себе... предшествует порядку, а любое изъяснение власти вторично по отношению к сложившемуся порядку власти»⁴. В таком случае единственным условием реальности власти является знание о том, *что* есть власть: «Политическая власть – это когда один человек посылает другого к третьему, чтобы другой сделал так, как хочет первый... То есть действует первый на третьего посредством другого. Хотя... скорее (политика. – А. Д.) начинается там, где я говорю другому, как ему действовать с третьим... Первый должен знать, что у него есть власть, второй должен знать, что он делает с третьим, а третий должен знать: да, вот первый прикажет, и со мной расправятся»⁵.

Политическое событие, понятое как настоящее через знание о том, *что* (символическое) *есть* (силовое) власть, будучи

Д.И. Аксеновский

включенным в сферу и физического, и символического принуждения, превосходит эти сферы тем, что становится событием памяти как коллективного тела (утверждение К. Леви-Строса о производстве социального человека из биологического с помощью «следов боли» на теле индивида как памяти о том, что можно, а что нельзя), так и коллективного сознания (идея Р. Барта о принуждающей силе языка как следствии самого факта употребления языка), являя собой мнемотехнический знак совершенного обмена между властью формально подчиняющего и властью формально подчиненного.

Термин «формальный» здесь подчеркивает то, что власть номинального властителя создается только возможностями номинально подвластного, т. е. подчиненный обладает, по сути, такой же властью, что и подчиняющий, так как эти виды власти взаимообусловлены и недостаточны сами по себе, поэтому и нуждаются друг в друге для компенсации своей выявленной недостаточности. Такое понимание двойственности власти как производной от двусубъектности схемы политического действия⁶ восходит еще к рассуждениям Аристотеля, обосновывавшего взаимную выгоду отношений господина и раба, когда один «разумно движет, оставаясь неподвижным», а другой – «разумно движется, оставаясь неразумным». Однако идея двусубъектности политического действия может быть оценена двояко: «Она является слишком сильной, поскольку наводит на мысль, что народ должен быть управляемым и контролируемым. Она является слишком слабой, поскольку даже самые жестокие правители в известной мере нуждаются в “согласии управляемых” и обычно добиваются его, причем не только силой»⁷.

Демонстрация альтернатив в политическом событии

Именно став событием памяти, войдя в содержание коллективного тела (универсум физических действий) и коллективного сознания (универсум символов), образующих двусубъектность схемы политического действия, политическое событие приобретает свою осмысленную единичность, становится тем когнитивным фоном, на который проецируется и от которого отсчитывается реализация политических инициатив, предпринимаемых в текущем моменте. Политическое событие представляет само себя, а не указывает на эмпирическое или риторическое проявление власти, это «действительность поименованная,

символически освоенная, но не присвоенная господствующим языком, дискурсом или парадигмой»⁸.

Следовательно, причиной появления политического события является не обмен смыслами для достижения социально-психологической общности и не демонстрация силы в «поигрывании мускулами», а «производство воли» и затем ее «обуздание и приручение», когда инициатор политического события рассматривает других участников не только как средство достижения своих целей, как объект управления, но и как возможность самоорганизации, как еще один субъект управления.

Здесь важно подчеркнуть сложность такой коммуникации, функционирующей как политическое событие, в силу того что знание о власти должно быть одинаковым у подчиняющего и подчиненного, являя собой условие исполнения власти, тогда как действовать (а также не действовать) в соответствии с этим знанием о власти можно по-разному.

Это утверждение служит основанием для перехода к пониманию необходимости ограничения свободы в целях повышения вероятности совершения требуемого действия. В том числе и свободы властвующего, который может искать способы «ухода» от сложности исполнения своих властных функций. Наиболее часто применяемым способом подобного «ухода» является прием «черного ящика», когда двусубъектность схемы политического действия упрощается в субъект-объектном представлении, в соответствии с которым воздействие субъекта властных отношений на объект осуществляется через стимулы на «вход» и оценивается на «выход» по результату. Например: руководитель заявляет подчиненному, что его не интересует то, как подчиненный справится с заданием, но к такому-то сроку требуется представить соответствующий результат.

Исходя из требования ограничения свободы, результативность политического события определяется тем, какова вероятность реализации требуемого действия – соответственно, чем ниже вероятность альтернативных действий, тем выше вероятность требуемого. Это значит, что властвующий должен демонстрировать альтернативы требуемого действия так, чтобы они оценивались подвластным как те возможности, которых следует избегать, – негативно оцениваемые варианты действий. Убеждающая сила формулирования альтернатив определяется тем, что в процессе обоснования участники политического события не ограничиваются анализом только требуемого варианта действия, а рассматривают и возможные альтернативы, тем самым демонстрируя всесторонность обос-

Д.И. Аксеновский

нования, что придает политическому событию мотивирующее воздействие.

В предельном случае такой альтернативой выступает насилие, строго говоря, властью уже не являющееся, так как здесь действия подчиненного подменяются действиями подчиняющего, который уже не сможет выполнять свои функции: «К насилию прибегают ввиду недостатка власти»⁹. Власть по этой причине сама стремится избежать реализации негативно оцениваемых подчиненным альтернатив, иначе такое развитие событий приведет к ликвидации власти. В итоге реализуется та альтернатива, которая и властвующим и подвластным оценивается как наименее негативная.

Политическое событие как торг мотивированными альтернативами

Создаваемое в стремлении избежать крайностей силового и символического принуждения, которые связаны друг с другом взаимокompенсацией, политическое событие является феноменом, а не, еще раз подчеркнем, средством выражения. Это особого рода ценность, возникающая как результат экономии власти: «Власть предполагает, что оба партнера (властвующий и подвластный. – А. Д.) видят альтернативы, реализации которых они хотели бы избежать... На основании этой предпосылки обе стороны способны производить гипотетическую комбинацию альтернатив избегания. В простейших случаях это осуществляется посредством угрозы санкций, которых и сам власть имущий предпочел бы избежать: “Если ты этого не сделаешь, я тебя ударю!”... Власть, следовательно, покоится на том, что существуют возможности, реализации которых стараются избежать»¹⁰.

Благодаря знанию о тех альтернативах, которых и властвующий и подвластный стремятся избежать, возникающая в политическом событии экономия власти позволяет сжимать в себе сразу несколько обменов, снимая неопределенность действий и сберегая тем самым время в настоящем: во-первых, это прояснение последствий негативных санкций и для властвующего и для подвластного в организации торга по исполнению власти – подчиняющий демонстрирует не только силу добиться выполнения своего решения, но и свою зависимость от подчиненного, действиями которого обуславливается желаемое изменение ситуации; во-вторых, определение результатов позитивных санкций, когда властвующий предлагает вознаграждение подвластному и возникает

торг в достижении соглашения о приемлемом размере такого вознаграждения, что, однако, проявляет для подчиненного временный характер властных отношений, производных от способности власти приобретать ценные для подчиненного ресурсы, чтобы они затем могли быть переданы в качестве вознаграждения.

Итак, политическое событие существует для того, чтобы предельно экономить власть в ситуации, когда степень вероятности реализации ожидаемых изменений очень низка. При этом создаются условия для проведения торга по формулированию и обоснованию альтернатив возможных способов политического действия.

Развертывание и свертывание политического события как торга

Политическое событие отличается от завершенности эмпирической фактичности политического – оно манифестировано как ценность избегания реализации негативных санкций, и последующие тематизации и интерпретации события имеют дело со знаком памяти символического обмена, зафиксировавшего понимание возможностей и ограничений действий участников властных отношений. Такая фиксация политического события может быть оформлена документально и получить правовое основание, но в отличие от договора событие будет соотноситься не с кодифицированной нормой, т. е. подпадать под определение, а с другими событиями.

Политическое событие единично, но не самодостаточно. В его содержание входят элементы других событий (прежде всего опыт или представление негативных и позитивных санкций), поэтому политическое событие представляет собой соотнесенность с другими событиями. Такая соотнесенность, выступая в качестве составляющей процесса мотивирования альтернатив действия как объяснительных конструкций через подбор и интерпретацию связываемых событий (часто это связь с событиями политической мифологии), является первым способом развертывания политического события как торга. Такой способ развертывания обозначим как соотнесенность событий-символов.

Второй способ определяется возможностью использовать концепты, составляющие актуальное содержание политической культуры коллективного сознания и политического дискурса. К числу таких концептов следует отнести «демократию», «собственность», «рынок», «достойную жизнь» (понятия взяты в кавычки, так как в них вкладывается разными субъектами полити-

Д.И. Аксеновский

ки различного содержание). Этот способ следует обозначить как использование в конструировании политического события концептов-символов.

Третий способ – включение в содержание политического события людей-символов, персонифицирующих знание о власти, точнее, знание о разных практиках власти, которые выступают в качестве либо олицетворения политической позиции, либо примера опыта применения негативных или позитивных санкций.

При этом важно понимать то, что политическое событие разворачивается как разногласие, выражаемое через противопоставление событий, концептов и персон, точнее, результатов их символической обработки с учетом требований текущего момента, аккумулированных в цели политического события как акта коммуникации. Но разногласие в данном случае – это не столкновение интересов или мнений. Это не борьба за власть, а проявление нетождественности знаний политических субъектов о власти. Политическая манифестация делает доступной, буквально осязаемой с помощью формулировок подобную нетождественность через выдвигание в споре аргументов, обозначающих политические позиции. Тем самым политическое событие является всегда моментным и даже случайным, а ее субъекты – временными.

Но наряду с возможностью разворачивания политического события в продлении связей событийной, концептуальной и персональной символической соотнесенности, выводящей и локализирующей каждый феномен в более широкое поле обмена властными отношениями, в котором отдельно взятое политическое событие и обнаруживает себя как событие, не меньшее значение имеет потенциал ограничения, свертывания политического события в продуктивном стремлении выработать решение в условиях экономии времени.

Торг по исполнению власти прекращается при угрозе достижения предельного состояния власти – высокой вероятности реализации избегаемых альтернатив, когда власть, как это уже отмечалось, перестает быть властью, так как властвующий превращается в карателя или надзирателя и тем самым становится частью подчиняемого действия, утратив свою автономию. Стремление власти, как власти номинально властвующего, так и власти номинально подвластного, остаться властью, сохранить свое *есть*, может привести к саморазрушению политического события как обмена, когда от сложности взаимодополнения силового и символического, определяющего *что* есть власть, как правило, осуществляется переход к мнимой простоте силового решения, утверждающего лишь пустоту знака «*есть*».

Это четко проявляется в кризисных (особенно революционных) ситуациях, когда изменяющееся общество стремится к собственному пределу для того, чтобы стать новым, другим для самого себя, и в этой связи активно изменяет язык и, как следствие, коллективное сознание, в результате чего ощущается нехватка политического знания, неспособность преодолеть возникший разрыв между понятиями и реальностью, а выход из этого состояния осуществляется путем насилия, сворачивающего «опередившие свое время» проекты: «Именно поэтому подлинная демократия – такое редкое и относительно быстротечное явление в мировой истории... Но наряду с открытыми политическими схватками и баррикадными боями... мы не должны забывать и ту порой неслышную, но непрерывную борьбу, которую вело знание с невежеством... Ибо она-то и готовила почву для окончательной победы. Там же, где такой борьбе не придавалось значения, где все надежды возлагались на баррикады и бомбометателей, там демократия утвердиться не могла»¹¹.

Это значит, что политическое событие предполагает работу с пределом власти, с предельно изменяемыми состояниями власти. Можно сказать, что политическое событие предстает как постоянное сохранение предела власти, когда власть еще *есть* власть, а не насилие, но уже идет работа по изменению того, *что* есть власть в сокращении на какое-то время нетождественности знаний политических субъектов о власти, идет торг по определению новых комбинаций силового и символического, осуществляется мотивирование вариантов политических действий, происходит обмен между властью подчиняющего и властью подчиненного в избегании нежелательных альтернатив и реализации взаимоприемлемых вариантов. Поэтому политическое событие предполагает «не просто разрыв, “нормального” распределения позиций между тем, кто осуществляет власть, и тем, кто ее претерпевает, но и разрыв в идее предрасположенностей, подводящих к этим позициям»¹².

Категоризация политического события

Политическое событие не является знаком осуществления власти. Политическое событие определяется как способ экономии власти через конструирование особой рациональности – знание о тех альтернативах политических действий, которых политические субъекты стремятся избежать, и проведение на этой основе торга по выработке приемлемого варианта. Полученный

Д.И. Аксеновский

приемлемый вариант фиксирует ту степень контроля, которую подчиняющий осуществляет по отношению к подчиненному – с одной стороны, и ту степень автономии, которую подчиненный сохраняет по отношению к подчиняющему – с другой, и, наоборот, ту степень контроля, которую сохраняет подчиненный по отношению к подчиняющему – с одной стороны, и ту степень автономии, которую подчиняющий сохраняет по отношению к подчиненному – с другой.

Поэтому политическое событие есть мнемотехнический знак совершенного обмена между властвующим и подвластным, в силу чего политическое событие не представляет собой форму сцепления власти с практиками жизни общества – это работа с возможными вариантами политических действий через формулирование и обоснование альтернатив в проявлении пределов власти участников политических отношений. Именно политическое событие позволяет помыслить политический субъект, а не наоборот.

Получается также, что причиной и целью политического события является получение ответа на вопрос о самом существовании политики как факте властвования и подвластности. Политическое проявляется как временная случайность властных отношений, полученная в результате торга, но эти результаты могут быть снова и снова пересмотрены, т. е. торг может быть продолжен до тех пор, пока власть будет оставаться властью и не возникнет угроза ликвидации власти в акте насилия.

Примечания

- 1 *Маклюен Г.М.* Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.; Жуковский: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. С. 149.
- 2 *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992. С. 364.
- 3 *Хардт М., Negri А.* Империя. М.: Праксис, 2004. С. 32–33.
- 4 *Шайхутдинов Р.Г.* Современный политик: охота на власть. М.: Европа, 2006. С. 11.
- 5 *Пятигорский А.* Что такое политическая философия: размышления и соображения: Цикл лекций. М.: Европа, 2007. С. 40–41.
- 6 См.: *Петров М.К.* Историко-философские исследования. М.: РОССПЭН, 1996. С. 51.
- 7 *Хомский Н.* Прибыль на людях. М.: Праксис, 2002. С. 65.
- 8 *Грыкалов А.А.* Письмо и событие. М.: Наука, 2004. С. 34.

Политическое событие как экономия и предел власти...

- 9 *Луман Н.* Власть. М.: Практис, 2001. С. 19.
- 10 Там же. С. 38–40.
- 11 *Ефимов И.М.* Метаполитика: Наш выбор и история. Л.: Лениздат, 1991.
С. 156–157.
- 12 *Рансьер Ж.* На краю политического. М.: Практис, 2006. С. 200.

А.А. Калмыков

КОММУНИКАТОЛОГИЯ
И ВИРТУАЛИСТИКА:
ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ

Статус виртуального социума

Современное состояние общества можно охарактеризовать двумя модными словами: коммуникативность и виртуальность. Действительно, коммуникация постепенно переместилась в фокус внимания специалистов разных отраслей, что подчас создает впечатление, будто бы коммуникация возникла только в XXI веке. Раньше про нее мало кто говорил, как будто ее и не было. Хотя совершенно очевидно, что социальность не может состояться без коммуникации, коммуникация по-прежнему трактуется как взаимодействие двух субъектов, как форма общения. С виртуальностью в научном дискурсе все обстоит еще запутаннее. Как будет показано ниже, существуют как минимум три несовместимых подхода к этому понятию. Вместе с тем современное общество со всех этих точек зрения действительно виртуализируется. Это и заставляет говорить о новой социальной онтологии, учитывающей коммуникатологическую и виртуальную сущность реальности.

Другая задача этой статьи – это продолжение¹ усилий ее автора показать, что коммуникацию с теоретической точки зрения удобно описывать, используя концептуологию виртуалистики. Что же касается практической стороны коммуникатологии, то и здесь могут быть применимы наработки, сделанные в практике виртуалистики – артеи². Для этого достаточно осознать, что коммуникативные практики и есть формы артеи, поскольку они на современном уровне понимаются не только как установление каких-то отношений между индивидами или группами, но и как то, что проектирует и конструирует реальность, точнее, способствует переходу одной реальности в другую. Последнее означает не что иное, как виртуализацию и девиртуализацию в тех или иных организованных. Поэтому можно ожидать, что виртуалистика

и артея, с одной стороны, коммуникатология и коммуникативные практики – с другой, способны обогатить друг друга.

Затрудняет подобное взаимопроникновение тот факт, что на данный момент сложились три направления интерпретации виртуальности.

Первое направление разрабатываемое в трудах Н.А. Носова и других авторов³, базируется на идее полионтологичности и трактует виртуал как самостоятельную философскую категорию, стоящую в ряду таких фундаментальных категорий, как пространство, время, материя и т. п.

Второе направление, большинство представителей которого остались в рамках моноонтической парадигмы, понимает виртуальность как возможное, потенциальное, умозрительное замещение реальных объектов их образами – симуляциями и т. д.⁴

Третье направление – «киберпейс» – представлено в основном в трудах иностранных авторов, понимающих виртуальность как киберпространство, существующее как продукт компьютерной индустрии.

Подобное разночтение в понимании виртуальности, естественно, не способствует расширению влияния концептуалогии виртуалистики, тем более что в обыденном сознании за термином «виртуальная реальность» прочно закрепилось представление о «невсамделишности», иллюзорности, ложности, искусственности. Это коренным образом отличается от интерпретации виртуальности как особой философской категории, что резко ограничивает использование виртуалистических концепций, идей и технологий в практике.

Поэтому понятно, что наиболее продуктивным подходом в интерпретации виртуальности остается первый из выше перечисленных, именно он позволяет говорить о новом научном направлении – виртуалистике, изучающей феномены виртуальной реальности.

Тем не менее вследствие вышеупомянутых причин виртуалистика пока находится в достаточно ограниченной научно-практической лагуне, в то время как коммуникатология активно захватывает различные области социальных практик, несмотря на то что в понимании предмета коммуникатологии – «коммуникации» – еще меньше ясности и согласия, чем в понимании предмета виртуалистики – «виртуала». Это обстоятельство методологически роднит коммуникатологию и виртуалистику, и та и другая дисциплины являются классическими примерами постнеклассического знания.

Содержательная родственность между ними заключается еще и в том, что виртуалистика наработала потенциал, который

представляет особую значимость для коммуникатологии и расширяющихся социально-культурных практик. Не случайно в тезаурусе коммуникативных наук укрепились такие понятия, как «конструирование и проектирование реальности», «текстовое пространство», «социальный инжиниринг». В рамках коммуникатологии, как и виртуалистики, реальность представляется определенным рода конструкцией, однако коммуникатология пока не различает константную и виртуальную реальность, не знает понятия «виртуальный человек», не вскрывает механизмы соположения реальностей, не анализирует морфологию социальности организованных и т. п.

Более того, «виртуальное» в коммуникативных науках это чаще всего оценочная или метафорическая характеристика объекта исследования, фактически снижающая его онтологический статус, ограничивающая возможность его объективации и, следовательно, выводящая его за пределы возможности применения к нему научно-исследовательского инструментария.

Если «девиртуализировать виртуальность», т. е. отказать от противопоставления «реальное – виртуальное», коммуникативные науки смогут значительно расширить свое предметное поле. В частности, становится возможным проблематизировать такой интересный феномен, как коммуникация реальностей.

Коммуникация реальностей

Утверждение Н.А. Носова о равном онтологическом статусе виртуала и категорий пространства и времени позволяет ввести простую геометрическую модель, добавив к двум базисным векторам (пространство, время) дополнительную ось – виртуал. Тогда плоскость «пространство–время» можно будет назвать онтологией. По оси «виртуал» разместятся все возможные онтологии. Движение из одной онтологии в другую – так называемый виртуальный переход – может быть интерпретировано как коммуницирование, и на этой основе возможно создание виртуалистической теории коммуникации. На этом уровне абстракции объектами коммуникации становятся уже не личности, не сообщества, не какие-то другие организации, а сами онтологии. Следовательно, коммуникация – это фактор связи между различными виртуальными реальностями и основной двигатель виртуальных переходов. Она должна обладать какими-то энергетическими и информационными характеристиками. Более того, виртуал может быть подвергнут дискретизации, подобно тому

как в физике могут быть дискретизированы (квантованы) пространство и время. Это означает, что существует некая единичная (элементарная) коммуникация, переводящая с одного уровня виртуализации на следующий. Таким элементарным актом будет, например, переход к онтологии, содержащей один дополнительный объект, что аналогично хорошо изученной базовой операции познания – операции различения. Отсюда следуют два вывода. Первый – теоретически возможны исчисления как коммуникаций, так и виртуалов⁵, правда, здесь, вероятно, есть необходимость разработки новых математических методов. Второй – несмотря на парадигмальный вызов, скрывающийся в тезисе полионтологичности реальности, и виртуалистика и коммуникатология остаются в русле научного познания, используя базовые научные методы.

Не меньший интерес представляют гиперплоскости «виртуал – пространство» с фиксированным (вырожденным) временем и «виртуал – время» с фиксированной пространственной координатой. Первые можно назвать *со-держаниями*, вторые *со-стояниями*. Таким образом может быть получена виртуалистическая модель реальности, включающая три компонента: онтологию, содержание и состояние. Причем отсутствие какого-либо из этих компонентов делает реальность невозможной, превращает ее в небытие (отрицание онтологии), ирреальность (отрицание содержания), инобытие (отрицание состояния).

Причем действие коммуникации в состояниях и содержаниях уже не дискретно, как в онтологиях, а континуально. Последнюю мысль можно пояснить, воспользовавшись схемой О.И. Генисаретского⁶, созданной в процессе реконструкции представлений о пространственности о. Павла Флоренского. По Флоренскому, действительность «расчленяется на отдельные, относительно замкнутые в себе единства»⁷, причем подобные расчленения достигаются, «когда мы стараемся представить себе мысленную модель действительности всей зараз, – из некоторых простых и всюду одних и тех же мысленных образований». Этими образованиями, по П.А. Флоренскому, являются пространства, среды, вещи.

Отталкиваясь от этой идеи, О.И. Генисаретский строит следующую схему:

Непрерывное		Дискретное
Пространство	Среда	Вещи
Пустотное	Полнотное	

Применяя эту схему к понятию «коммуникация», т. е. рассматривая коммуникацию и как пространство, и как среду, и как вещь, мы можем убедиться в том, что коммуникация может быть понимаема и как некое условие коммуницирования (коммуникативное пространство), и как некая среда (силовое поле коммуникаций), и как некий набор коммуникативных акторов. Причем только в последнем случае коммуникации могут быть сосчитаны, т. е. дискретизированы. При этом пространственность и средовость коммуникации, как легко убедиться, соответствуют описанным нами вырожденным случаям чистого состояния и содержания, в то время как вещьность или предметность коммуникации соотносятся с онтологией.

Здесь речь идет уже о коммуникациях, определяющих отношения между онтологиями. Именно с такими коммуникациями имеют дело современные коммуникативные технологии, целевая функция которых заключается в переформатировании (рефреминге) реальностей объектов воздействия. Причем это переформатирование может идти в трех направлениях: изменение онтологий, изменение состояний, изменение содержаний.

В качестве примера возьмем известную маркетинговую и PR-технология – брендинг. Суть брендинга сводится к внедрению в массовое сознание (возможно, и глубже – в массовое бессознательное) образа либо нового предмета потребления, либо производителя предмета потребления, либо политического лидера, обещающего новый уровень потребления. Троекратное повторение здесь слова «потребление» не случайно, поскольку брендинг возможен только в обществе потребления.

В результате реальность, в которой присутствовал «обычный» стиральный порошок, преобразуется в реальность маркированных стиральных порошков. Происходит как будто бы ее усложнение, поскольку появляются новые различия – количество различных объектов увеличивается. Однако это усложнение видимое. На самом деле происходит замещение личного опыта, ориентирующего на функциональность вещи, доверием к бренду. В общественном сознании формируется ориентация на презентационные качества бренда. Реальность преобразуется в мир бренда⁸.

Для обеспечения подобного эффекта требуется построить отношения между состоявшейся реальностью обычного стирального порошка и возможной реальностью порошка маркированного, т. е. девиртуализировать первую реальность и виртуализировать вторую. Точнее, придать первой виртуальный статус ингратуала (т. е. реальности, находящейся на уров-

не ниже обычной *константной* реальности), а вторую возвысить до уровня гратуала⁹. Иными словами, запустить процесс коммуникации между этими реальностями и управлять им таким образом, чтобы субъект почувствовал, что останется несчастен до тех пор, пока не познает радости потребления маркированного продукта. Эта радость и станет для него знаком освоения новой («продвинутой») реальности.

При этом произойдут следующие изменения реальности:

- в онтологии – мир потребителя дополнится новым объектом;
- в состоянии – обыденность раскрасится эйфорией потребления;
- в содержании – произойдет дематериализация вещественности посредством замены функциональных свойств информационно-коммуникативными.

Можно было бы показать и более строго, что суть брендинга – в управлении именно виртуальными реальностями и что реальность «товарного счастья» обладает всеми известными признаками виртуала¹⁰, однако достаточно обратить внимание на то, что бренд рано или поздно требует обновления, т. е. запуска процесса ребрендинга. Действительно, виртуальная реальность – образование неустойчивое и рано или поздно опривычивается, переходя в свое константное состояние. Поэтому бренд и требует специальных усилий по своей виртуализации.

Наш современник постоянно находится в связи с коммуникативными пространствами, полями и вещами, оставаясь как бы в точке бифуркации, т. е. подвергаясь действию то одной, то другой коммуникации, включаясь то в один, то в другой коммуникативный процесс, погружаясь то в одну, то в другую виртуальную реальность. Если погружения в виртуал не происходит, не происходит и коммуникации. Без коммуникации нет и бытия. Отказ от коммуникации – это переход либо в небытие, либо в инобытие. Мысль эта, правда, далеко не нова, все медитативные практики основаны на закрытии и отказе от коммуникации с реальностью обыденности.

Комментируя йенские лекции Гегеля, Ю. Хабермас пишет: «Дух¹¹ есть коммуникация единичных в среде всеобщего, которая напоминает отношение грамматики языка к говорящим индивидам или системы значимых норм к действующим субъектам, она не выделяет момент всеобщности в противоположность единичному, а устанавливает их своеобразную связь»¹². Иначе говоря, коммуникация трансцендентна своим субъектам и временно нивелирует различие в них всеобщего и единичного,

т. е. индивидуализирует, фактически порождает своих субъектов. Включенность в тот или иной коммуникативный процесс означает для субъекта приобретение иной или новой идентичности или, на языке виртуалистики, иной или новой виртуальной телесности, вот почему можно говорить о порождении коммуникацией своих субъектов. Но поскольку коммуникация интерактивна, верно и обратное – коммуникация изменяется после завершения процесса коммуникации.

Имеет место довольно любопытный феномен, когда пустой знак – симулякр – способствует приращению виртуальной телесности субъекта, коммуницируя с ним, например с каким-нибудь брендом, субъект присваивает себе его свойства, а точнее, воссоздает атрибуты телесности, которой сам по себе бренд не обладает. Он становится человеком, катающимся (чаще всего в воображении) только на «Феррари». Характерно, что при этом интеракция в какой-то степени овеществляет и сам симулякр.

Следует отметить особенность настоящего момента. Все, о чем мы говорили выше, присуще социокультурной реальности. Коммуникации действовали всегда, в том числе и те, что меняли онтологии. Но рефлексия дискретности коммуникаций могла возникнуть только с полионтичными интуициями, поэтому коммуникативные процессы не различались, находясь в латентных зонах содержаний и состояний, равно как и виртуальная реальность оставалась в положении нереальности. Так что современное общество, помимо эпитетов «информационное», «потребительское», «постиндустриальное», действительно можно наделить именованиями: «виртуальное», «коммуникационное», «полионтичное», «дискретное (дегитальное)».

Собь социума (морфология политического)

Важнейшим понятием, которым может поделиться виртуалистика, является понятие «собь». По определению Н.А. Носова, собь это – виртуальная реальность, посредством которой человек самоидентифицируется. Виртуал порождается как разворачивание одного образа в целую реальность, собь образуется совокупностью имеющих у человека виртуалов, ставших консуеталами¹³. Иными словами, собь – это свертка виртуалов, перешедших в форму консуеталов, в которых пребывает человек.

В монографии «Виртуальная психология» Н.А. Носов выделил и описал пять уровней (пять реальностей), составляющих собь человека, которые мы будем называть онтомодалностями:

реальность телесности, сознания, личности, воли и внутреннего человека. В этой же работе показано, что онтомодальности формируются в процессе онтогенеза в указанной ниже последовательности.

Онтомодальность телесности обеспечивает выделение своего тела из других материальных объектов.

Онтомодальность сознания обеспечивает выделение своей психики (мысли, чувства, переживания) из психики другого человека.

Онтомодальность личности обеспечивает выделение себя через противопоставление позиции другого человека.

Онтомодальность воли обеспечивает возможность сделать объектом управления самого себя в целом и осуществлять управление своей жизнью.

Онтомодальность внутреннего человека обеспечивает возможность сопоставления себя со всем остальным миром и, соответственно, выделения себя в качестве мироподобного суверена.

Подобная схема предоставляет коммуникатологии два методологических ключа.

Первый. Оказывается возможным различать каналы коммуникации (телесности, сознания, личности, воли и внутреннего человека). Причем эффективной коммуникация будет только в том случае, если коммуницируют однородные онтомодальности: воля с волей, телесность с телесностью и т. п. Иными словами, коммуникация будет сопровождаться ковиртуализацией, т. е. погружением коммуникантов в реальность одного и того же рода и статуса, проще говоря, в одну и ту же реальность. В противном случае потребуется включение механизма интерпретации с соответствующими интерактивными издержками. Очевидно, что понимание данного факта может послужить оптимизации различных коммуникативных проектов.

Второй. Открывается возможность экстраполяции понятия «собь» и соответствующих онтомодальностей на социальные организации от малых групп до государственных образований. Опыт подобной экстраполяции был обобщен в диссертационном исследовании Э.Ф. Асадуллина¹⁴. В этой работе развивается виртуалистический подход к истории, предполагающий реконструкцию «реальностей не только отдельных людей, но и целых общностей, их коллективных собей, родовых собей, собей социальных общностей и собей этнических групп на различных уровнях»¹⁵.

Последняя мысль позволяет нам отнести к понятию «политическое событие» с коммуникативно-виртуалистических

позиций. Для этого достаточно предположить, что политическое событие – это такое событие, которое качественно меняет политическую реальность, т. е. онтологию, содержание и состояние политических субъектов, воздействуя на одну или несколько их онтомодалностей.

Если в качестве такого политического субъекта взять «государство», то можно будет перенести смыслы, содержащиеся в понятии «собь индивидуума», на собь государства.

Онтомодалность телесности государства – это собственно его границы, территория, климат, ландшафт и т. п. Поскольку онтомодалность телесности порождает все следующие политические реальности, то ее приращение или уменьшение является самым чувствительным политическим событием, затрагивающим каждого гражданина, т. е. человека, собь которого содержит политическую реальность государства. Тот факт, что коммунистическому режиму удалось сохранить под контролем практически всю территорию Российской империи и выиграть захватническую войну с глобалистическим Третьим рейхом, означает, что вопреки распространенному мнению население России не было изначально деполитизировано. Виртуальный образ Родины-матери оставался актуальным до тех пор, пока коммунистическая власть планомерно и сознательно не отсекала большинство населения от политической реальности. Следующая перестроечная революция привела к потере гигантских территорий, т. е. катастрофическому сокращению онтомодалности телесности. Последовавшее за этим депрессивное состояние всех сфер общественной жизни можно интерпретировать как снижение статуса политической реальности до ингратуального уровня, что было особенно заметно по поведению политических лидеров того времени. Понимание того, что онтомодалность телесности является базовой, позволяет по-новому взглянуть на такие явления, как космополитизм и его современная форма – глобализм. Строго говоря, ни то ни другое просто невозможно, так как гражданство мира предполагает отсутствие границ, т. е. отсутствие онтомодалности телесности, что выводит эти явления за рамки политической реальности. Следовательно, это либо частная вера отдельного индивида (или замкнутой социальной группы), либо обман-манипуляция общественным сознанием. В последнем случае под маркой глобалистической политики скрываются интересы определенных государств.

Онтомодалность сознания государства – это особенности менталитета ее граждан. Поскольку реальность сознания порождается реальностью телесности, то логично искать связь между

географическим и территориальным положением и менталитетом. В случае с Россией мы имеем гигантскую слабоосвоенную территорию, неблагоприятные климатические условия и евразийское местоположение. Отсюда следует, что осознавая свою принадлежность к России и одновременно принадлежность России к себе, русский¹⁶ человек вынужден осознавать и разделять ответственность наследования одной шестой части земли, мириться с невзгодами, отстраиваться от действия совершенно разнородных цивилизационных потоков с Востока и Запада. «Широк русский человек. Я бы сузил», – писал Достоевский. Действительно, мы в большей степени ориентированы на перспективу, на решение мировых проблем, продвижение больших проектов, чем на наведение элементарного порядка у себя на кухне. Эту особенность онтомодалности сознания с успехом использовали большевики, отправив все население страны на стройки коммунизма во имя «великой» цели. Необходимо признать, что во многих случаях подобная политика привела к реальным достижениям. Однако неизвестно, чего было больше – потерь или приобретений. Во всяком случае, власть не могла паразитировать на этом вечно. Перестроечный кризис обесценил прежние ценности и отверг прежние цели. Постперестроечные времена характеризовались инградуальностью сознания. Страна как-то резко поглупела. Характерно, что в это время активно проявил себя уходящий «хомо советикус». Это наносное образование, сформированное в русском менталитете за годы советской власти, базировалось на парадигме «Все вокруг колхозное – все вокруг мое», т. е., с одной стороны, на привычке кормить свою корову колхозными сеном, с другой – на бесконечной наивной вере в то, что сено в колхозе будет всегда. Иными словами, в «хомо советикусе» сочеталась социальная и личностная безответственность, и в зависимости от того, что доминировало в индивидууме, он либо обманывал, либо обманывался. Популярность финансовых пирамид именно этим обстоятельством и была обусловлена. Таким образом, онтомодалность сознания в первое десятилетие после перестроечного кризиса в российском обществе практически отсутствовала и, следовательно, не могли актуализироваться онтомодалности личности, воли и внутреннего человека.

Онтомодалность личности стала формироваться после окончания ельцинского периода управления страной. Россия начала осознавать себя в новых географических границах, реконструируя онтомодалность телесности. Последнему также способствовало пассионарное давление со стороны бывших

братских республик. Порожденная новой телесностью онтомода́льность сознания строилась на новом геополитическом значении России и традиционных ценностях, наследованных у Российской империи. При этом наслоения «хомо советикуса» окончательно переместились в маргинальную зону. Все это создало предпосылки для актуализации реальности личности. Знаменитый вопрос, заданный В.В. Путину: «Кто Вы, мистер Путин?» – относился больше не к Путину, а к стране, пребывавшей в аморфном и непредсказуемом состоянии. Сегодня такой вопрос вряд ли возникнет, следовательно, Россия вновь обретает свое лицо, т. е. находится в состоянии личностного становления. Задачей следующего периода нашей истории – этапа развития – станет актуализация реальностей воли и внутреннего человека.

Онтомода́льность воли государства – это его способность управлять не только управляемыми, но и управляющими, т. е. иметь власть над властью. Достаточно общим местом является утверждение, что подобного состояния власть в России не достигла. Напротив, из СМИ известны многочисленные случаи произвола чиновников, которые не подчиняются ни закону, ни своему непосредственному начальству. Не будем обсуждать здесь технологию выхода из подобного кризиса управления. Возможно, нужно укреплять парламентаризм и соответствующие демократические институты, а возможно, напротив, усиливать вертикаль власти – все это в конце концов вопрос о механизме решения проблемы. Ее содержание, по нашей гипотезе, следует из того, что Россия является вновь возрожденным государством, которому предстоит пройти последовательно стадии взросления (этапы виртуализации онтомода́льностей). Следовательно, по мере того как будет укрепляться реальность личности государства, будут создаваться условия для актуализации реальности воли и необходимые для этого инструменты: законодательство, структуры управления, представительские собрания и т. п. Этот оптимистический прогноз основан на предположении, что в основе политической реальности лежат закономерности более мощные, чем личные пристрастия отдельных политиков. Кроме того, нельзя не видеть положительной тенденции в направлении от стабилизации к развитию. А развитие невозможно при параличе воли.

Реальность внутреннего человека в отношении государства – идеологическая и духовная основа его существования, тот этап развития народа, когда определена его миссия, понята и осознана так называемая национальная идея. Не случайно все многочисленные постперестроечные попытки сформулировать русскую

идею успехом не увенчались. Не случайна также достаточно странная ситуация, сложившаяся с партийным строительством, – практически ни одна партия так и не смогла определиться в своей идеологии. Даже КПРФ мечется между большевизмом ленинского типа и социал-демократией. Политические партии сегодня больше напоминают профсоюзы управленцев разного уровня и разных сфер деятельности, т. е. не связаны ни со стратами, ни с классами. По нашему предположению, это следствие все той же несформированности онтомодалности воли, которая не позволяет актуализироваться ценностно-идеологической структуре общества.

Вышеописанная модель современной политической реальности позволяет сделать следующие выводы.

В настоящее время в России актуализирована реальность личности, это означает, что эффективными будут политические коммуникативные действия, способствующие укреплению статуса России, ее суверенности, ее достоинства, ее авторитета. Это одномерно подготовит почву для актуализации реальности воли.

Политический курс от стабилизации к развитию практически независимо от того, кто станет президентом, заставит приступить к оптимизации структур государственного управления. Стратегия коммуникативной политики – в возвращении доверия народа к всем ветвям власти.

Только после решения этих задач можно будет говорить об актуализации сверхцелей, о формировании ценностных ориентиров, национальной идеи.

Примечания

- 1 См.: *Калмыков А.А.* Онтология коммуникации как социально-атропологическая проблема // *Вестник РГГУ: Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки».* № 1/07. С. 47–61; *Он же.* О виртуальной природе коммуникации: *Философские исследования* [в печати].
- 2 «Артея – область практической работы с виртуальными объектами: консуеталами, виртуалами и собью. Артея основывается на виртуальных моделях, т. е. полионтичных, включающих в себя минимум две онтологические реальности. <...> Артея не имеет предметной отнесенности, так же как и виртуалистика» (*Носов Н.А.* *Словарь виртуальных терминов* // *Труды лаборатории виртуалистики. Вып. 7. Труды Центра профориентации.* М.: *Путь*, 2000).
- 3 О.И. Генисаретский, В.И. Фалько, Р.А. Нуруллин, Ф.И. Гиренок, М.В. Шугуров, С.А. Борчиков, О.А. Анисимов, Т.В. Носова, С.Х. Асадул-

- лина, Г.П. Юрьев, А.Н. Михайлов, М.А. Пронин, Ю.Т. Яценко, И.И. Силантьев, В.Ф. Жданов, Ю.Г. Клименко, Т.В. Смирнова, Я.В. Чеснов и др.
4 В.Д. Иванов, И.Г. Корсунцев, М.Ю. Опенков, С.С. Хоружий и др.
5 Подобную попытку подхода к исчислению виртуалов см.: *Калмыков А.А.*
Структура виртуального события // *Виртуальные реальности в психологии и психопрактике*. М., 1995. С. 79–105.
6 См.: *Генисаретский О.И.* Пространственность в иконологии и эстетике священника Павла Флоренского // *Флоренский П.А.*, священник. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / Сост. игумен Андроник (А.С. Трубачев); ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев). М.: Мысль, 2000. С. 13–14. (Филос. наследие.)
7 *Флоренский П.А.* Анализ пространственности и времени в художественно-образительных произведениях искусства // Там же. С. 81.
8 Не случайно коммерческие предприятия любят называться мирами: «Мир кожи», «Мир обоев» и т. п., вскрывая тем самым свои тайные претензии на онтологичность «товарного счастья».
9 Ингратуал и гратуал – термины виртуалистики, означающие состояния переживания реальности, сопровождающиеся негативными и позитивными психологическими реакциями соответственно.
10 Свойства виртуальной реальности: порожденность, актуальность, интерактивность (см.: *Носов Н.А.* Психологические виртуальные реальности. М., 1994). Свойства виртуального события: непривыкаемость, спонтанность, фрагментарность, объективность, измененность статуса реальности, измененность статуса личности, измененность статуса сознания, измененность статуса воли (см.: *Носова Т.В.* Психологические признаки виртуального состояния в деятельности пилота // *Авиамедицинские и эргономические исследования человеческого фактора в гражданской авиации: Труды ГосНИИГА*. Вып. 294. М., 1992).
11 Здесь речь идет о духе народа, эпохи, команды и т. п.
12 *Хабермас Ю.* Труд и интеракция: Заметки к гегелевской «Философии духа» йенского периода // *Техника и наука как идеология / Пер. с нем.* М.Л. Хорькова. М.: Праксис, 2007. С. 14.
13 Консуетал – ощущение в самообразе субъективной нормальности протекания человеческой деятельности. Консуетал переживается, ощущается человеком как обычное событие, относящееся к тому типу психологической реальности, в которой «в норме» живет человек.
14 *Асадуллин Э.Ф.* Виртуальный подход в социально-историческом познании. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Казань, 2007.
15 Там же. С. 7.
16 Под русским здесь подразумевается не только этнически русский, что вообще достаточно трудно выделить вследствие суперэтничности русского народа, а тот, кто идентифицирует себя в качестве русского, отвечая на вопрос «ты чей и какой?», а не «кто ты?».

С.В. Клягин

ПОЭЗИС ВРЕМЕНИ В ПРОСТРАНСТВЕ СОБЫТИЯ

События как исторические, социальные, биографические и социоприродные артефакты становятся все более важными инструментами воздействия на жизнь человека и общества. В информационно-коммуникативных ландшафтах современного социума, уплощенных мощью и прагматизмом медийной индустрии, постепенно накапливается смысловое однообразие. Из-за собственной навязчивости и избыточности социальные дискурсы начинают «ускользать» из зоны упорядочивающей рефлексии и ответственного действия различных социальных субъектов. В этих условиях события становятся местом, где «обыденность не приносится в жертву синтезированному образу, а документирует невероятную реальность»¹, превращаются в своего рода печати достоверности для зыбких, искусственно сгенерированных социальных декораций.

Потребность в событии, в «сдерживании» набегающего потока времени осмысленной определенностью дней и периодов жизни является существенной и необходимой для конечного человека в его предстоянии необъятному миру. Однако в удовлетворении этой, по сути, естественной человеческой потребности в настоящее время неуклонно увеличивается доля принудительного социального функционализма. Апелляция к событиям становится распространенным макроязыком для сообщений корпоративных, маркетинговых и политических коммуникаций. Когда жизни людей, народа, страны в целом лишаются смысла, растворяются в пустой бессобытийности, тогда оказываются востребованными практики, в которых события искусственно создаются, конструируются и предлагаются целевым аудиториям, предусмотрительно отделенным от собственной событийной корневой системы. Так участники событий становятся их потребителями, а на смену демиургам сакральных смыслов приходят социальные демагоги.

Разобраться в природе событийных практик, понять их различный вклад в созидание общественной связности и политическое устройство общества можно при обращении к базовым параметрам события, его онтологической природе. При этом предметом рассмотрения должны стать ключевые характеристики события, и прежде всего время и пространство (место) его осуществления. Такой выбор объясним в теоретическом плане, поскольку многие мыслители (И. Кант, Г. Гегель, А. Бергсон, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, А. Уайтхед), которые исследовали событие, связывали его именно с модусами обнаружения (или сокрытия) реальности, со становлением различных видов бытия. Рассмотрение же процессуальных аспектов в соотношении основных онтологических феноменов, на фоне которых проявляется событие, в свою очередь предполагало обращение к темпоральной проблематике. В практическом же смысле, и даже в плане житейском, связь события и времени раскрывается в работе индивидуальной и социальной памяти. В отличие от обычной ситуации событие лучше запоминается, запечатлевается. А это происходит из-за явленной в событии неоднородности времени, наложения различных временных пластов или даже остановки времени («остановись, мгновенье, ты прекрасно...»). Как следствие событие наполняется уникальным содержанием, эпифеноменами которого становятся наши переживания и эмоциональное принятие события как уникального и значимого для нас явления. Событие – это место, где, по выражению И. Бродского, «человек вдается во время». Через память, освоение времени возникает ощущение принадлежности к событию, вовлеченности нашей проявившейся самости в открываемую реальность настоящего. «Я зарастаю памятью, – заметил Д. Самойлов, – как лесом зарастает пустошь». Поэзис времени состоит в том, что время выражается в событии, изначально делая его возможным и наполняя его различными содержаниями, которые уже «прикреплены» к тем или иным временным пластам как информационным и смысловым «шлейфам» состоявшихся ранее и длящихся событий.

Предложенный замысел статьи реализован за счет решения нескольких задач. Прежде всего необходимо было локализовать понятие «событие» в ряду базовых онтологических категорий, характеризующих бытие, сущее, человека. Далее, на фоне разнообразных трактовок темы, предлагаемых в философской литературе, были определены основные типы связи времени и бытия и соответствующие им трактовки события и роли в нем человека. Вместе с тем были предложены и некоторые кри-

терии для характеристики и квалификации реальных социально-политических событий, а также практические рекомендации заинтересованным профессиональным субъектам по построению и осознанию событий (причем эти предложения могли в конечном итоге стать для растущего «event-менеджмента» призывом к деятельному смирению перед действительным величием подлинных событий жизни человека и общества).

Событие может быть соотнесено с такими характеристиками явлений социальной реальности, как ситуация, происшествие, факт, случай. На уровне обыденного понимания событие, как правило, характеризует то, что выделяется, «заметно» на фоне социальной действительности, общего «жизненного шума». Событие становится различимым за счет масштаба происшедших в реальности изменений (массовые народные движения, социоприродные катаклизмы, ресурсоемкие мероприятия в сфере культуры, крупные политические трансформации). Однако главным в событии является его значимость для конкретных людей и культурно-исторических субъектов, его включенность в сохранение и продолжение существенных для культуры, социума, той или иной социальной общности ценностей и смыслов. Событием становится любое явление, которое, свершаясь, индивидуализируется в своей уникальной и неповторимой сущности и даже может быть удостоено собственного имени. Спектр содержаний, включаемых в событие, очень широк: от ярких деталей быта и от обыденности, принуждаемой случайной чувственностью к запоминанию, до созвучия бытийных сфер, человеческих открытий и прикосновения к сокровенным смыслам жизни, смерти, предназначения человеческой жизни.

Изначально в морфологии и семантике слова «событие» просматривается мощный собирательный потенциал. В предельном аспекте объем события стремится к Со-Бытию – согласованному потоку различных уровней, видов и областей бытия. Независимо от индивидуальных и групповых понимающих интуиций смысловое обаяние события связано с обнаружением в нем чего-то запредельного, таинственного, что влияет на строй жизни и придает ему основательность. Событие находится в области перехода от трансцендентного к имманентному и обратно. В событии реальность смыкается с трансцендентностью и обретает онтологию. Свершение события – это своего рода поэтический акт в онтологии, если при этом мы принимаем базовый принцип поэтического: избыточность в поэтическом выражении семантики над морфологией и синтаксисом. «Реальность всегда вырвется из оков только что произнесенных о ней слов, никакая

С.В. Клягин

предыдущая форма ей не впору; поэзия – постоянный прорыв к реальности не В, а СКВОЗЬ форму», – замечает писатель². Практически о том же пишут и философы: «Событие это то, что в большей степени связано с сущностным проживанием, которое отнюдь не всегда имеет до конца и исчерпывающее словесное выражение»³.

Событие раскрывается только через смысл. «Смысл и событие – суть одно и то же, но не то же самое»⁴. Открытие смысла – призвание человека. Онтологический «непокой» события образуется подвижками в обнаружении, определении и наполнении места человека в бытии – пространства человечности. Философские квалификации качества этой *экстатической* бытийной области могут быть различными. Предварительно же важно подчеркнуть: событие невозможно без явной прочерченности в нем рельефа человеческого достоинства, без вовлечения и возвышения человека. В случаях «никто» и «как все» событие не происходит. Событие создается только усилием к тому, чтобы быть человеком, обретать себя в человеческом качестве. М.К. Мамардашвили писал об этом важнейшем аспекте события: «Само человеческое состояние – а оно является человеческим в той мере, в какой человек освобождается от естественной игры страстей, – это состояние свободы. Это есть то, что каждый раз приходится возрождать»⁵. Вообще «человек – это то, что находится в состоянии заново-рождения, это – человеческое существо, которому удастся поместить себя самого... в некое сильное магнитное поле, сопряженное с предельными силами»⁶. Участие в событии – это не развлечение, но работа сосредоточения. Событие невозможно забыть, потому что в нем нельзя забыть.

В целом происхождение события характеризуется следующим образом: «В структуре события одна часть – это событие-план, форма, или чистое событие, ...все становится, но ничто не свершается. Другая часть – это свершающаяся событийность события. В любое из мгновений восприятия мы устремляемся через свершившееся событие к его несвершаемой основе: мы воплощаемся в событие, актуализируемся. Наблюдение предполагает отстранение от наблюдаемого, дает возможность тому, что отстраняется, обрести индивидуальную целостность. Часть не просто становится целым или «охватывает» целое, она преобразуется в индивидуальную сущность, в которой раскрывается смысл (ценность) события»⁷.

Удивительно, но кажущаяся понятность слова «событие» видимым образом теряется в многочисленных интерпретациях этого понятия, причем ответственность таковых вариаций весьма

велика. Трактовки события являются довольно точными детекторами для различных предметно-практических, философских, культурно-исторических или управленческих позиций, которые преобладают в той или иной области общественной жизни, в тот или иной период времени. В качестве событий могут рассматриваться природные явления (геологическое, физическое, биологическое, экологическое, космологическое и т. п.); значимые факты общественной жизни (научно-технические достижения, социальные потрясения и природные бедствия, войны и военные конфликты, переселение народов, подъем и упадок стран и культур, политических режимов и их лидеров). Интенсивно насыщаются событиями реальности, создаваемые современными массмедиа и индустрией развлечений. При этом активно используется «событийность повседневного опыта» (В. Подорога), когда до уровня события искусственно «приподнимаются» происшествия, факты из жизни знаменитостей, даты и данные, связанные с процессами производства и маркетинга товаров.

Помимо различных видов возможных событий, проявляется также разное понимание статуса событий в реальности и, соответственно, необходимого для них «строительного материала». События могут трактоваться как натуральные объекты (накопления, перемещения, встречи и пр.), а также в качестве объективированных культурных форм познания и деятельности. В последнем случае события создаются и продвигаются в различных форматах и жанрах общественного дискурса, определяются типом и схемами интерпретации, теоретическими объяснениями, моделями и нормами технологических и проектных действий. От выбора дискурсивной «линзы» будет зависеть и создание, и различение, и закрепление в заинтересованной среде тех или иных событий.

Как видим, события избыточны, причем избыточны (*избыточны*) действительным образом. Именно из их бытийного богатства проступает их многообразие, зачастую обгоняющее наши познавательные возможности, проявляющееся как в практическом, житейском плане, так и в исследовательском аспекте, создаваемом специализированной или ситуативно-деятельностной рефлексией. Упорядочивать эту сложность, концептуализировать ее описания в научно-аналитическом дискурсе помогают различные классификации и тематизации.

В философских и научных трудах, в специальной литературе предлагаются различные варианты схематичной, краткой и экономной характеристики событий. Эти предложения, однако, формулируются, главным образом, по основаниям, созданным

С.В. Клягин

жесткой оппозицией науки, теоретического знания и практики. С одной стороны, классификации событий могут, например, предлагаться с учетом преимущественно академических предпосылок, в зависимости от преобладающих в трактовке событий тех или иных философских подходов (феноменология, структурализм и постструктурализм). С другой стороны, в описании проектов в области политических и социальных технологий для классификации событий нередко используются практические констатации и непосредственные эмпирические обобщения⁸: события, связанные с принадлежностью к определенной области деятельности (политика, социально-культурная сфера), с деятельностью тех или иных социальных институтов и предприятий (СМИ, производственные корпорации).

В сложившейся ситуации, по-видимому, необходимо стремиться к тому, чтобы использовать синтетические аналитические основания в рассмотрении места и роли событий в жизни человека и общества.

В качестве варианта такого подхода возможно рассмотрение событий в зависимости от общего принципа устройства реальности в целом, а также самоопределения в ней различных социальных субъектов и акторов. По этому основанию в трактовке событий и в событийных практиках могут быть выделены несколько эпох. Заметим, что это не те эпохи, начало которым дают события (военные победы, революции, заявления правителей и политических лидеров), но те эпохи – способы «схватывания» реальности в потоке бытия, – которые сами производят события. В интеллектуальных «витражах» такого рода эпох только и возможно складывание событий из конструкторской мозаики практического опыта жизни.

Эпохальное основание в возможной классификации событий отнюдь не является пустой претензией, если иметь в виду понятийное содержание термина «эпоха», предлагаемое в работах М. Хайдеггера. *Эпох'е* по-гречески значит удержание себя. Соответственно, «эпоха означает здесь не временной отрезок в происходящем, но основную черту уместности, неизменное удержание ею самой себя в пользу внятности вмещаемого, то есть бытия в аспекте углубления в сущее»⁹. Иными словами, «нужно понять существо эпохи из правящей в ней истины бытия»¹⁰.

Общей содержательной рамкой для возможной дифференциации и характеристики различных эпох в трактовке событий, их времени и пространства, социального субстрата, конечно, должны быть известные крупные тенденции в изменении соци-

ально-культурной и социально-антропологической реальностей. В объектном плане к ним относятся становление информационного общества, «коммуникативная революция» (Э. Гидденс), широкое использование в общественном производстве массмедиа, телекоммуникационных технологий и коммуникативных практик (М. Маклюэн, М. Кастельс, П. Вирилио), семиотизация реальности, широкое распространение средств ее семантической регуляции (Р. Барт, Ж. Бодрийар). В интеллектуальном плане в определении событийных эпох должны быть приняты во внимание идеи общей культурно-исторической динамики, смена типов рациональности, признание переходного и переломного характера актуального общественного устройства, непрерывно ускользающего от понимания в приставках «пост-», «вне-», «транс-», «прото-», когда становится возможным говорить о «трансформации принципиальной дисгармонии реальности в фантастическое трансобъективное бытие» (Г. Джемаль)¹¹.

Как видно, названия искомых эпох должны обобщенно отобразить очень большое количество признаков. Поэтому по форме эти названия неизбежно становятся образными, метафорическими. Предваряя дальнейшую более подробную характеристику событийных эпох, обозначим их как «эпоха Принятия», «эпоха Познания» и эпоха «Присутствия».

Выделяемые событийные эпохи неслучайны. Они отличаются друг от друга по ряду критериев. Желательно, чтобы эти критерии были «сквозными», касались различных уровней эпохального «среза» социального и политического бытия. Исходя из общих представлений о строении социальной реальности, роли в ее устройстве философского и иных когнитивных дискурсов, интегрирующих коммуникативных практик (Ю. Хабермас, П. Бергер, Т. Лукман) могут быть предложены такие критериальные области, как философские доминанты эпохи; тип поэзиса времени, трактовки времени событий с учетом темпоральных акцентов и связи времени с другими характеристиками реальности; характеристики объектной основы событий, а также преобладающих интерпретаций событийных практик; предназначение и трактовки социальной коммуникации, обеспечивающей событийные практики; используемые социальные технологии как макроинструменты «событийной обработки» социально-политической реальности.

Отметим, что предлагаемые эпохи нельзя выстроить в историческую линию, они не являются диахронными. Не течением времени определяются событийные эпохи, напротив, они сами создают темпоральную метрику через *рас-стояния* происходя-

С.В. Клягин

щего. В определенном смысле все эти эпохи *со-существуют*, принадлежат дню сегодняшнему. «Сегодня, – писал Хайдеггер, – не по календарю подсчитанное и не из всемирно-исторических событий вычисленное – определяется из собственнейшего времени истории метафизики: это метафизическая определенность исторического человечества...»¹²

После определения аналитических критериев становится возможным переход к краткому описанию выделенных событийных эпох (парадигм), а также преобладающих в их рамках социально-политических технологий.

Эпоха Принятия: территории времени

Эта событийная эпоха держится принятием данности «естественного» порядка вещей. Здесь существенно то, что заметно, и значимо то, что полезно. События полагаются в качестве пунктов вещной реальности, которые отличаются ресурсоемкостью и большими масштабами. Получается, что событие – там, где больше, дальше, быстрее. В философском плане такой формат задается идеями материалистической чувственности, тождества бытия и мышления, деятельной целерациональности и производственного активизма. Девизом характеризуемой эпохи (явным или подразумеваемым) является известное высказывание Ф. Бэкона: «Знание – сила». Эти идеи являются частью интеллектуального проекта Нового времени, классической научной рациональности. Понятие события становится необходимым в связи с введением в человеческий опыт представлений о процессуальных образах мира (универсума) и временной длительности как измеряемой физической величины. Такого рода представления вполне актуальны и к началу XXI в. Информатизация общества, функционирование индустрии массмедиа и телекоммуникаций по сути дела являются продолжением технологизации общественного производства. Эпоха принятия событий как данности находит последовательное воплощение в идеях «естественности» *man-made world*, концепции антропоцена (П. Крутцен¹³) и в утвердившейся среди части мировых элит программной позиции, которую в середине XX в. определенно выразил американский президент Дж.Ф. Кеннеди: «Наши проблемы созданы человеком, поэтому все эти проблемы могут быть человеком же и разрешены»¹⁴.

В мире, где доминируют технологические реалии, преобладающей тенденцией становится «опустошение и редукция времени» (Т. Керимов)¹⁵, крайней формой чего является, по вы-

ражению М. Эпштейна, «хроноцид». Т. Керимов подчеркивает, что рамки соответствующего мыслительного поля создаются удивительным союзом философии и технологии. Наиболее авторитетными мыслителями, которые изучали феномен исчезновения времени и перевода темпоральных характеристик в пространственные метрики событийной реальности, являются М. Фуко, Ф. Джеймисон и Ж. Деррида. С одной стороны, в современных производственных связях и общественных отношениях наблюдается беспримерная скорость изменений, с другой стороны, нарастает столь же беспримерная стандартизация процессов и результатов обмена, что сводит все изменения на нет, делает их практически незаметными. Убедительные доказательства редукции времени приводит в своих трудах М. Кастельс. В частности, он приходит к следующим выводам: «Идея прогресса, являющаяся базисом нашей культуры и общества в течение двух последних столетий, основана... фактически на предопределенной последовательности истории, идущей под руководством разума и под воздействием производительных сил, избегающих сдержек пространственно ограниченных обществ и культур... Доминирующей тенденцией в нашем обществе является исторический реванш пространства... Пространство потоков растворяет время, разупорядочивая последовательность событий и делая их одновременными, помещая общество в вечную эфемерность... Вневременность бороздит океан, окруженный ограниченными временем берегами, откуда по-прежнему можно услышать стенания скованных времен созданий»¹⁶.

Поэзис времени в эпохи принятия данностей и минимизации рефлексий может быть типологизирован как нормативное описание соотношений физических величин. Формой репрезентации времени для события в таком случае становится расписание. Тиражирование расписаний основывается на унификации пространственных параметров, поэтому время оказывается не связанным с конкретным, сохраняющим свою уникальность местом и проявляется в зависимости от диспозиций и комбинаций на территориях природы и социума.

В свою очередь, типом поэзиса времени обуславливаются темпоральные акценты в трактовке событий. Расписания, которые могут копироваться, подвергаться фрагментации, коррекции, как локализации времени на векторе его направленности из прошлого в будущее изоморфны. «Центром притяжения» расписания всегда является настоящее, то, что есть сейчас. Поэтому принимая или предлагая события как данность, приглашая себя и других к такому их принятию, мы чаще всего тиражируем на-

С.В. Клягин

стоящее. И даже макеты желаемого будущего в таких событиях как бы укладываются в пользуемую «пакетность» приемлемостей дня сегодняшнего¹⁷.

Фактурной основой событийных практик в рассматриваемую эпоху являются вещи и природные образования. В процессах социальных коммуникаций такие практики реализуются преимущественно как однонаправленная и сколько возможно широкая трансляция сообщений-образцов.

В технологическом плане событийные практики принятия данности основываются на демонстрации и/или сооружении памятников. Это могут быть памятники природы (заповедные места, редкие ландшафты), памятники производственно-вещественной среды (архитектура, произведения искусства, образцы строений и различной техники), памятники общественным деятелям и результатам социально-политических действий. Вариации этой базовой социальной технологии находят выражение в практике копирования и римейков (изготовления повторных памятников, подобных исходному прототипу). Стилистическим выражением сути технологии события-памятника и оснований, ее порождающих, является гигантизм. Заметим, что мощной социальной технологией, преимущественно основанной на событийных практиках принятия данности, является современный туризм во всем многообразии проявлений этого вида производственной деятельности (идеология, объектная основа, инфраструктура, различные виды туризма). Очевидно также, что указанные событийные практики, а также связанные с ними конфигурации пространственно-временных параметров широко используются в политике. Фиксация периодов, сроков и дат политического распорядка, электоральная «разметка» политической жизни (в зависимости от ее «привязки» к датам выборов), поездки и встречи политических лидеров, создание различных мемориалов в политической топонимике городов (музеи, памятные места, названия улиц) – эти и сходные с ними технологии являются для сделанного утверждения достаточно показательными примерами.

Эпоха Познания: карты времени

Интеллектуальные контуры этой событийной эпохи очерчиваются акцентированными штрихами гносеологических идей. Ведущее место среди них занимают картезианский принцип *cogito ergo sum*, пафос познания истин реальности и преобразования ее по универсальным законам, которые могут

быть открыты методически оснащенному человеческому разуму. Событийность эпохи познания задается возможностями субъективности. Событие при таком подходе связано с субъектом, событие значимо для субъекта, обладает целостностью и на этой основе приписывается действительности. Центральной философской фигурой для этой эпохи становится И. Кант. В его философии и в порождаемой ею мыслительной традиции событийность задается сложной метафизикой субъекта, «трансцендентальным горизонтом» (М. Хайдеггер), в пределах которых мышление о событиях бытия (истории, времени, становлении) обнаруживается в виде открывающейся для самой себя субъективности при встрече с вечным и абсолютным. Событийность становится продуктом мыслительной деятельности субъекта, а с учетом процессов становления субъективности и их включения в культурно-исторические и биографические контексты, превращается в «драму субъекта» (Т.Х. Керимов). Акцентирование внимания на роли субъекта, гносеологическая доминанта и связанный с ней целерациональный подход к социальной реальности – все это приводит к вполне определенным следствиям, когда события трактуются как «такие образования, которые мыслящий наделяет смыслом и значением (они имеют для него смысл, значение), а также связывает между собой за счет работы и позиции мыслящего субъекта (а не только потому, что они принадлежат одному объекту)»¹⁸.

Поэзис времени для характеризуемой событийной эпохи задается текстом. Без текста нет события («То, что написано пером, не вырубишь топором»). Время создается и модифицируется текстом, знаковыми образованиями, которые в причудливых, но читаемых сочетаниях образуют своего рода схемы времени. Пространство события образуется интерпретациями текста, диспозиции которых (фактуальные: было, стало, не было написано; интерпретационные: еще/уже представлено в написанном) выражаются временем.

Такой тип поэзиса времени может быть определен как опубликование: событие начинается для того или иного субъекта, когда соответствующий текст выпускается в пространственно-временную область реальных и потенциальных интерпретаций этого текста. Темпоральная размерность события образуется структурой субъектных позиций и отношений, миграциями качеств различных социально-культурных субъектов, является как бы «дыханием» – возвышениями и спадами – субъективности на синкретическом фоне социальных дискурсов и протоплазмы семиозиса культуры¹⁹. Координаты времени задаются текстом, его дистанциями, линиями и буквами. Время события схематизируется и становится картой.

Поскольку событие задается субъектностью как определенной позицией человеческого, оно в преобладающей мере направлено в будущее. Такое событие прежде всего связано с замыслом, проектом. Событие как описание еще не бывалого как бы «забрасывается», протягивается «вперед», т. е. «за» место наличного существования оснований предлагаемого события. Предметная реальность непрерывно рассогласуется со своими описаниями, рассогласование длится, его преодоление отличается вариативностью, непредсказуемостью и становится источником постоянного темпорального напряжения для субъекта. «Будущее как пушка: оно в нас выстреливает событием, а само откатывается назад»²⁰.

Основой событийных практик в рассматриваемую эпоху являются конструируемые, дискурсивно-практические объекты. События создаются как дискурсивные образования, призванные проявить, интенсифицировать потенциал человеческой субъективности (*intensive moments, perception management*). Социальные технологии, связанные с использованием таких событий, основываются на практиках семиотического обмена, опосредующего движение информации и смыслов, т. е. на коммуникативных практиках. Наиболее последовательным выражением создания и реализации таких технологий является индустрия развлечений и шоу-бизнеса. «Общество спектакля» (Г. Дебор), игра в реальность, театральность как переживание возможных существований в ограниченном фрагменте пространства-времени социума выступают продуктами производства всемирной фабрики событий. Преобладающей чертой в стилистике ее продукции является претензия на оригинальность, уникальность. И эта черта в субъектно ориентированной событийности доминирует настолько, что превращается в свою противоположность, в тиражирование уникальности.

Созданные посредством текста событийные конструкции требуют уже не только воплощения, но и власти, права не только подчеркивать, проявлять действительность (для этого-то их поначалу и придумали), но и определять ее ход, быть эталонами, служить некими «универсальными лекалами» в ее переустройстве. Такая потенциальная возможность становится действенным фактором в создании политических событий, по сути, основанных на практиках акцентированного и целенаправленного показа конструкций-событий (демонстрация, презентация, шоу, перформанс и пр.). Особая результативность таких подходов обеспечивается всей мощью современных СМИ, и прежде всего телевидения.

Эпоха Присутствия: окрестности времени

Доминантой этой эпохи являются идеи «онтологического поворота» в философии XX в.²¹ Если события первых двух эпох – это «простительная встреча» с реальностью и «буквальное прикосновение» к реальности соответственно, то событие присутствия связано уже с «узнаванием» тайн этой реальности. Событие проявляется в том, что всегда «до» и «собирательно-для» случившегося. Нечто становится событием не только в многообразии сущего, но прежде всего в принятии неявного, в просвечивании в обстоятельствах реальности «не сущей» (и несущей!) мощи всего, что позволяет быть миру и человеку. Событие оказывается связанным с проживанием и изживанием осуществления, с погружением в происходящее, вплоть до «отдачи» субъектности сущего в дар полноты присутствия.

Оказывается, что в контексте характеризуемой эпохи событие не следует смешивать с обыденными трактовками, т. е. с чем-то ограниченным, отчетливо зафиксированным в пространстве и во времени в качестве случая, обстоятельства или факта. В универсальной онтологии событие не рассматривается в качестве объекта. Это означает, что событие не является локализованным, контролируемым и упорядоченным фрагментом бытия. Оно трактуется как общий исток появления многообразных смыслов бытия, используется для выражения многоплановой динамики отношений между человеком и миром. Событие становится пришествием бытия, превышающего человека, вторгающегося в его жизнь. На основании этого пришествия в событии нечто становится явным для нас, приводится к установлению и устанавливается, связывается и закрепляется, полагается и располагается: внутри потока бытия выделяются человек и сущее, определяющие и сохраняющие себя. Будучи причастным событию, выстаивая в открытости своему присутствию, человек общается к полноте бытия, сбывается в собственном существе. Подлинная глубина события в том, что оно есть область взаимопринадлежности человека и бытия в полноте глагола (т. е. действия и выговаривания) сосуществования.

Событийные практики рассматриваемой эпохи отличает синтетический характер поэзиса времени, когда проявляются и действуют на порядок сущего «дофизические» параметры времени как своего рода «густоты бытия» – аспекта, ипостаси непрерывного становления бытия, его равновесия на грани подавания и пропадания, возникновения и исчезновения, существования и несуществования. Три привычных для нас измерения времени не

выстраиваются в абстрактной хронологической последовательности, но устанавливают три различных модуса протяжения и представления присутствия бытия в целом. В протяжении друг к другу три измерения времени не только устанавливают игру присутствия и отсутствия, но проясняют поле игры времени. Эта взаимная игра противоположностей подлечит власти четвертого – со-бытийного – измерения, в котором достигается единство подлинного времени. В этом единстве объединяются три измерения, они проявляются как бы разделенными потоками и вместе в «сближающей/отказывающей близости», которая в одно и то же время отказывает прошедшему в наступлении в качестве настоящего и обуздывает будущее тем, что задерживает настоящее в его ходе и таким образом скрывает, так же как и открывает, собственно настоящее.

«Подлинное время, – писал М. Хайдеггер, – является близостью присутствия, объединяющей своим тройным просветом простираения из настоящего, прошедшего и будущего»²².

Поэзис времени как времени подлинного в событиях присутствия находит выражение в служении. Участники событий, проникая через символический строй событийных практик к их глубинным предпосылкам, обнаруживают значимость совершающегося, которое только через внимание и бережное отношение к нему («забота», по Хайдеггеру) сохраняется в своем достоинстве. Служение как отношение к событию, его своевременности вводит участников события во «время оно», в область единения времен, взаимной открытости горизонтов прошедшего, настоящего и будущего. Человек в событии «держит» эту открытость связи времен, «оживает» ее в области самого события и, далее, в его «этических» феноменах (т. е. одновременно «эпи-», «после», а также связанных с эпосом как повествованием о чем-то особо важном и значительном), также сохраняющих в себе отсвет совершившегося события. Время события (в событии и после него) располагается в событийной окрестности, т. е. внутри области «обжитой», централизованной и исполненной смысла от просвета подлинности, ограниченной мерой осознания и освоения человеком своей роли в сохранении событийного единения сущего.

В основе стилистики событийных практик присутствия находится притча. Через такие ее черты, как иносказание, назидательная простота, открывается символизм в обыденном и привычном. А в смысловой «объемности», неопределенности создаются возможности для возникновения и удержания для участников события ситуации акцентированной рефлексии и самоопределения, припоминания и углубленной автокоммуникации.

На поверхности социально-политической реальности событийные практики присутствия проявляются в многообразных вариациях таких технологий, как обращение к традиции и проведение ритуала. По сути, эти различные по способу осуществления технологии объединяет одно: создание предпосылок и обстановки для ситуаций, когда происходит «выпадение» из обыденной реальности, когда для участников события качественно расширяется горизонт ценностей и смыслов происходящего в повседневной жизни. В политической жизни современных, «лидерских», обществ, рассматриваемых прежде всего в качестве воплощений либерально-рыночного модернистского проекта, мы наблюдаем явный дефицит такого рода событийных практик. А энергия устремлений к ним нередко гасится инерцией привычных и «понятных» прагматик²³. В лучшем случае эксплицирующие события присутствия используются в качестве приложений к событийным практикам маркетингового или политико-коммуникативного перформанса. Это может происходить при помощи корректировки тем событийных презентаций (например, военно-патриотическая, историческая тематика), а также за счет общего размаха мероприятий (например, проекты Дней города в Москве, многолюдные концерты и праздники на Поклонной горе или на Красной площади).

Практическое различие и, далее, реализация показанных в статье различных типов событийных практик, наверное, не могут быть быстрыми. В социальных и политических технологиях, использующих события и их возможное влияние на жизнь человека и общества, необходимо прежде всего избавиться от «паранойи здравого смысла» (М. Хоркхаймер)²⁴. Работа с событием – это всегда сознаваемый или нет субъектами событийных практик «выход» за пределы наличной реальности, «запуск» энергий пространственно-временной, культурной и социально-антропологической динамики. Задача состоит в том, чтобы оказаться на высоте ответственности реализации событийных проектов, понимания степени их гуманитарной напряженности, качественно превышающей любые технологические расчеты. Действие событийности проявляется в социуме, но создается не прагматическими смыслами. Поясняя это утверждение, вновь обратимся к М. Хайдеггеру: «Человек начнет узнавать неподражаемое, то есть хранить его в истине, только в творческом спрашивании и создании, питающемся силой настоящего осмысления. Оно перенесет будущего человека в то Между, где он будет принадлежать бытию и все же оставаться чужаком среди сущего»²⁵.

- 1 Цит. по: *Шуон Ф.* Очевидность и тайна. М.: Номос, 2007. С. 380.
- 2 *Битов А.* Пятое измерение: на границе пространства и времени. М.: Независимая газета, 2002. С. 383.
- 3 *Киященко Л.* Онтология – событие философской мысли // Событие и смысл. М.: ИФРАН, 1999. С. 93.
- 4 *Свирский Я.* Смысл события // Там же. С. 201.
- 5 *Мамардашвили М.К.* Лекции о Прусте. М., 1995. С. 302.
- 6 *Мамардашвили М.К.* Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996. С. 356.
- 7 *Подорога В.А.* Событие // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М.: Мысль, 2001. С. 582.
- 8 См., например: *Сморгунов Л.В.* Гуманитарные технологии и формирование политического события // <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/gtmarket/2006/728>
- 9 *Хайдеггер М.* Время и бытие. М., 1993. С. 396.
- 10 Там же. С. 53.
- 11 Цит. по: *Штена В.* RUтопия. Екатеринбург, 2004. С. 281.
- 12 *Хайдеггер М.* Указ. соч. С. 175.
- 13 Крутцен Поль (Crutsen Paul) – американский ученый, лауреат Нобелевской премии по химии (1995).
- 14 Цит. по лекции Дж. Сакса: <http://www.bbc.co.uk/radio4/reith2007/lecture1.shtml> (*Jeffrey D. Sacks is the Director of The Earth Institute, Professor of Sustainable Development, and Professor of Health Policy and Management at Columbia University*).
- 15 *Керимов Т.Х.* Поэтика времени. М.: Академический проект, 2005. С. 6–14.
- 16 *Кастельс М.* Информационная эпоха // Экономика, общество и культура. М., 2000. С. 402.
- 17 Не здесь ли надо искать основания для знаменитого афоризма периода реформ в России в 90-е годы прошлого века: «Хотели как лучше, а получилось как всегда»?
- 18 *Розин В.М.* Что такое событие? // Событие и смысл. С. 278.
- 19 В философских работах предлагается более глубокая философская интерпретация связи времени и субъекта. Т.Х. Керимов, в частности, подробно анализирует формулу И. Канта «время суть самоаффектация», где время и субъект трактуются не субстанциональным образом (см.: *Керимов Т.Х.* Поэтика времени. С. 33–36). Надо признать, что раскрытие содержания этой формулы выходит за пределы стилистики суждений здравого смысла в трактовках субъектно ориентированных событий. Оставляя специальный анализ философских идей за рамками предлагаемой статьи, подчеркнем сложность философии событийной эпохи познания. Изучение влияния этой невыявляемой сложности на соответст-

вующие событийные практики, а также на их социальные и антропологические последствия еще ожидает своих исследователей.

- 20 *Энттейн М.* Эссе из Америки. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. С. 452.
- 21 Проблемы философской онтологии устойчиво обосновались в различных направлениях современной философской мысли («фундаментальная онтология» М. Хайдеггера, «новая онтология» Н. Гартмана, «конструктивная онтология» Н. Гудмена). Исследования в области онтологии оказываются востребованными и в связи с открытием новых типов реальности, например в технологиях визуализации, в телекоммуникационных технологиях, в инфосфере живых систем, в квантовой физике и в наномире.
- 22 Цит. по: *Керимов Т.Х.* Событие // Современный философский словарь / Под общ. ред. В.Е. Кемерова. 2-е изд., 1998. С. 821.
- 23 Вот как, например, охарактеризовал событие своего участия в российской экспедиции к Северному полюсу в августе 2007 г. депутат Госдумы Владимир Груздев: «Наша экспедиция была достаточно опасным мероприятием. Никто не мог с уверенностью сказать, что все закончится хорошо. В жизни бывают испытания, пройдя которые ты вправе назвать себя настоящим мужчиной. Я с уверенностью могу сказать, что погружение в точку Северного полюса было одним из таких жизненных моментов. Более того, для меня было очень важно оказаться именно в этом месте, поскольку я являюсь одним из создателей сети супермаркетов “Седьмой континент”, а Арктика, как известно, считается именно седьмым континентом нашей планеты» (цит. по: <http://www.grani.ru/blog/>)
- 24 Цит. по: *Лиотар Ж.Ф.* Состояние постмодерна. СПб.: Алетея, 1998. С. 38.
- 25 *Хайдеггер М.* Указ соч. С. 53.

М.А. Гордеева
Я.В. Лапицкая

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В ПРОЦЕССЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: МЕЖДУ СЛОВОМ И ДЕЛОМ

О том, насколько сильно могут расходиться политические интенции и их воплощение, написано достаточно много, поэтому целью этой статьи стал анализ политических событий в контексте соотнесения их собственно европейских интерпретаций с реальными эффектами и резонансами.

Европейский союз представляется не только формальной организацией, но и в значительной степени пространством экономической и политической интеграции, что создает достаточно большое поле для анализа целого ряда политических событий, которые несмотря на свою простоту и видимую одномерность имели весомое символическое значение для становления Евросоюза как одного из самых мощных игроков современности.

В первую очередь необходимо ответить на достаточно простой, но ключевой для данной статьи вопрос: почему одни события провоцируют большой общественный резонанс и массу интерпретаций, а другие остаются совершенно незамеченными?

Начнем с того, что значимость любому событию или явлению общественной жизни придают именно механизмы резонанса, создающие в числе прочих эффект причастности индивида и в целом всего сообщества к происходящему. Придание некоторым из этих событий символического значения происходит на основе целого ряда факторов, которые будут рассмотрены далее, что делает возможным выстраивание событийных рядов и до некоторой степени прогнозирование развития ситуации в будущем. Однако проблема с прогнозом чаще всего заключается в том, что, несмотря на всю очевидность факта влияния такого рода «символов» на область политического, все же сохраняется неоднозначность интерпретаций, создающая контекст множественности сценариев развития и, соответственно, непредсказуемости выбора одного из них в конкретно взятый момент.

Любая группа определяется набором элементов, позволяющих определить ее как «сообщество». К ним, безусловно, относятся так называемые базовые ценности и ценности, позволяющие выстроить определенную идентичность, а также членство в этой группе, основанное на принципе доступности, и церемонии и ритуалы, каждый из которых можно считать проявлением одного из основных мифов сообщества¹.

Ценности идентичности в данном случае очень важны, потому что во многом именно через опирающиеся на них механизмы коллективной памяти выстраиваются интерпретации событий современности и структурируется прошлое.

Ценности групповой идентичности – это динамическая характеристика сообщества, которая, во-первых, изменяется во времени (хронологически, так как признаки идентичности даже одного и того же сообщества, существовавшего, предположим, 50 лет назад, не совпадают с его современными компонентами идентичности), а во-вторых, в пространстве (активное взаимодействие между символами культуры и реальностью). Последнее, а именно изменение идентичности в пространстве, наиболее важно для объяснения того, каким образом выстраиваются интерпретации политических событий, так как существующие в данном сообществе наборы символов переходят в политическую практику, а она, в свою очередь, влияет на эти символы и интерпретации. Таким образом, если в системе и существует равновесие между традицией и инновацией, то оно может быть определено только как ее динамическая характеристика.

Коллективная память, с одной стороны, делает возможной, а с другой – предопределяет интерпретацию события через взаимодействие с восприятием индивида, уже воспитанным на определенных ценностях данного сообщества, а также именно коллективная память формирует информационный контекст в сообществе, с которым автоматически увязывается все происходящее.

Как социальный феномен сообщество определяется через каждодневную практику определенных ритуалов и процедур. Именно они наполняют основные протообразы и символы конкретным смыслом². В этом смысле любое значимое событие влияет на существующие или даже создает новые символы, а они, в свою очередь, увековечивают сами события. Пожалуй, вся история создания Евросоюза иллюстрирует этот процесс и самым ярким примером стало празднование 50-летия Евросоюза в 2007 г., которое будет рассмотрено ниже.

Особая значимость ритуалов, а значит, и наиболее заметных политических событий, состоит в том, что они являются

своего рода «точками входа» (“points of entry”³), включения индивида в систему и, таким образом, необходимы для индивидуальной и коллективной ориентации группы. Эти «точки причастности», если их можно так назвать, важны еще и потому, что в значительной степени позволяют реализовать потребность «вершить историю», что отвечает доминантной склонности человека обладать инициативой и контролировать ситуацию.

Политическое событие, проходя сквозь фильтр коллективной памяти, приобретает определенный индекс значимости, исходя из того, насколько оно отражает базовые ценности или ценности идентичности конкретного сообщества. Вызываемый тем самым общественный резонанс дает событию энергию для того, чтобы потенциально стать одним из действующих в сообществе символов, которые впоследствии сложатся в единое информационное пространство и «историю». Такие потенциальные символы важны еще и потому, что позволяют укреплять или даже реанимировать систему базовых ценностей сообщества. Как только событие достигает уровня потенциального символа, оно попадает в систему информационного распространения, охватывающую все сообщество. Это событие также включается в существующую модель истории и конструирование возможного сценария для будущего, что часто провоцирует наложение современного типа идентичности.

Общественный резонанс определяет политический потенциал события. Сам резонанс возникает только тогда, когда происходящее затрагивает так называемые «общие струны» членов сообщества, когда оно обладает для них некой универсальной ценностью⁴. Категория «общей струны» обязательно включает в себя личный опыт и индивидуальные ценности участников сообщества. Таким образом, события, оставляющие по себе значительный след, представляют собой уникальную смесь компонентов, отвечающих общему настрою сообщества и его отдельных членов.

Важность резонанса как политического механизма состоит еще и в том, что он является одним из базовых элементов общественного консенсуса. Во-первых, консенсуса между политической элитой и обществом, а во-вторых, консенсуса вокруг базовых ценностей, постоянно активизируя их и наполняя конкретным смыслом. Таким образом, удается прийти к еще одному важному результату: придать базовым ценностям динамический характер, что достигается путем резонирования схожих, но тем не менее по своей сути разных событий. Такое постоянно меняющееся равновесие позволяет обеспечить более тесное взаимодействие двух

уровней консенсуса – базового (относительно основных ценностей) и процедурного (относительно существующих в обществе правил игры), что не только еще больше легитимирует власть, но и может быть сильным мобилизационным фактором, создавая так называемые «сети доверия» (trust networks), которые функционируют и создаются в процессе социального взаимодействия.

Итак, какие события в представлении самих европейцев явились знаковыми для процесса европейской интеграции?

1. Речь У. Черчилля 19 сентября 1946 г. в Цюрихе.
2. Римские договоры.

Для послевоенной, лежащей в руинах Европы единственной концепцией развития, которая могла вызвать общественный резонанс, стала концепция кооперации и сотрудничества. Базовые ценности нового сообщества предполагали развитие экономических связей в качестве панацеи от новых конфликтов и недопущение доминирования какого-либо отдельного европейского государства. Одним из первых, кто облек эти потенциальные «символы» в более или менее четкие формы и сделал их публичным достоянием, был У. Черчилль, на тот момент экс-премьер-министр Великобритании. 19 сентября 1946 г. в Цюрихе произошло едва заметное на фоне разгорающейся «холодной войны» событие – его выступление, где впервые была упомянута возможность создания «своего рода соединенных штатов Европы» (“a kind of United States of Europe”). Среди большого числа исследователей, изучающих конфликты, распространено мнение, что существует так называемая цикличность основных ценностей в любом сообществе. Культура войны, нацеленная на агрессивное форсированное развитие и тем самым на неизбежное насилие, после масштабных конфликтов (каким, безусловно, и была Вторая мировая война) сменяется циклом с ярко выраженным приоритетом мирного развития, поэтому то, что сказал У. Черчилль, наилучшим образом соответствовало моменту и было немедленно замечено и оценено. Это направление, названное впоследствии еврофедерализмом, получило определенное развитие (выразившееся, например, в порядке формирования и работы Европарламента), но на сегодняшний день его нельзя назвать ведущим. Рассматривая «проект Черчилля», нельзя обойти вниманием то значение, которое он придавал франко-германскому тандему. Первым шагом в создании «европейской семьи», по Черчиллю, должно было стать (и в общем стало) налаживание партнерства между Францией и Германией, в то время как участие Великобритании не предполагалось вовсе. У. Черчилль предостерегал и от усиления отдельного государства. Роль нейт-

рализатора этой нежелательной тенденции отводилась структуре, в которой мощь отдельного государства становилась менее важной, а вместе с тем интересы малых государств учитывались наравне с интересами крупных. Несмотря на то что в современном ЕС роли основных игроков очевидны, равнозначность интересов всех участников – краеугольный камень политик и договорной базы союза. Одним из доказательств действия и одновременно защитой этого принципа на деле служит право вето, которым обладает каждая страна при принятии решений в Европейском союзе и Совете ЕС. И даже в свете последних решений⁵, которые практически исключают право применения вето после 2014 г. и вводят систему двойного большинства для принятия решений в Европейском союзе⁶, принцип защиты интересов малых стран учтен не в последнюю очередь.

Известно, что Черчилль предсказал буквально следующее: «...если бы народы Европы смогли объединить свои усилия в стремлении использовать созданное ими общее наследие для всеобщего блага, то для трехсот или четырехсот миллионов европейцев наступила бы эра благоденствия, процветания и великих свершений»⁷. Даже если отвлечься от патетики оратора, современные факты во многом подтверждают слова, сказанные с расчетом на дальнюю перспективу. Сегодня ЕС – это пятьсот миллионов человек, крупнейший мировой рынок, ВВП которого составил 11,5 трлн евро (14,2 долл.) в 2006 г.⁸

Еще один важный пункт, продекларированный впервые после Второй мировой войны, пожалуй, именно Черчиллем, – это перспективность и даже необходимость общего европейского гражданства, более того – проявление «чувства расширенного патриотизма». В осознании этой необходимости – корни выстраиваемой европейской идентичности, прежде всего в ее гражданском аспекте⁹, одного из самых значимых «проектов» европейского сообщества в последние десятилетия.

В целом можно сказать, что «система сбалансированных внутриевропейских отношений» (современный ЕС) сложилась, воплотив во многом идеи, высказанные У. Черчиллем. Единственное, в чем определенно ошибся великий англичанин, так это в определении роли Великобритании. Ее он, как известно, выносил за рамки предполагаемой общеевропейской структуры. Несмотря на сохраняющуюся самостоятельность в некоторых правовых вопросах, неприсоединение к странам Шенгенского соглашения и еврозоне, а также некоторые другие «островные особенности», Великобритания уже давно является полноправным и активным участником Евросоюза.

Возникший впоследствии Европейский союз был менее федеральным по своей сути, чем он виделся Черчиллю, но это не изменило целей, поставленных перед европейским объединением. Мир, скрепленный всеобщим стремлением к процветанию, совместное противостояние внешним угрозам и сплочение европейцев в наднациональную общность – вот итог шестидесяти лет, прошедших с момента речи «о европейском союзе» в Цюрихе.

Нет ничего удивительного в том, что ЕС, несмотря на все призывы У. Черчилля к политической интеграции, начался все же с экономического сотрудничества и долгое время оставался возможностью для реализации бизнес-проектов. Резонансный потенциал идеи экономического развития на момент послевоенной ситуации был намного выше, чем какие-либо идеи политических союзов. К этому следует добавить, что негативный опыт предыдущих политических союзов, включая и союз «государств оси», был еще слишком свеж и ярок. Поэтому неудивительно, что одним из значительных событий для ЕС в этом году стал юбилей Римских договоров, который преподносился в официальных источниках как «день рождения» Европейского союза. Что под этим понимается и почему именно дата подписания договоров о создании Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Евроатома были выбраны в качестве отправной точки в истории Евросоюза?

Трудно подвергать сомнению значимость создания ЕЭС для будущего Европы, однако структура, посредством которой экономическая интеграция должна была осуществляться, была создана еще в 1950 г. в результате подписания Парижского договора (или договора о создании Европейского объединения угля и стали). Именно этот договор стал основой первого послевоенного объединения и его институциональной базой. Были созданы четыре основных института, которые модернизировались со временем:

1. Европейская комиссия;
2. Совет министров;
3. Общественная ассамблея (ныне Европарламент);
4. Европейский суд.

Римские договоры, как и последующие, видоизменяли их сообразно целям и формам интеграционных процессов.

Европейский союз как политический актер появился благодаря Маастрихтскому договору только в 1991 г., когда стало ясно, что экономическая интеграция – не предел европейских возможностей и что политический альянс способен принести еще большие дивиденды. Эта смена стадий развития представля-

ется не только закономерной, но и отвечающей чертам новой политической реальности в мировой политике. В данном случае идеи о каких-либо новых формах экономического сотрудничества внутри европейского сообщества больше не могли быть резонансными, потому что именно к 90-м годам XX в. окончательно оформляется набор новых ценностей – обеспечение безопасности (меняется даже наполнение этого термина – от безопасности военной, актуального концепта периода «холодной войны», к безопасности личной, включая обеспечение жизненно необходимыми продуктами и соблюдение прав человека), мобильность и коммуникация. К тому же многие из современных проблем едва ли можно решить не прибегая к коллективным действиям, такие как контроль за миграционными потоками, разработка новой политики общественного консенсуса, учитывая количество меньшинств в каждом из европейских государств, и т. д.

Так почему же считается, что «вместе»¹⁰ европейцы с 1957 г., а не с 1950-го (начало интеграции) или 1991-го (появление Европейского союза)? Официальный сайт ЕС в разделе «Что мы празднуем» информирует, что именно подписание Римских договоров «создало нашу европейскую семью»¹¹. Дальнейшему единению способствовали «общие ценности: свобода, демократия, верховенство закона, уважение прав человека и равенство». Все перечисленное преподносится как определенный итог развития, что тоже служит поводом для праздника. Однако, нам кажется, что фактическая составляющая юбилея Римских договоров не столь важна по сравнению с возможностями этого события как информационного повода. Поскольку при ближайшем рассмотрении нам не удалось обнаружить данных о праздновании предыдущих юбилеев договоров 1957 г., рискнем предположить, что первостепенной была необходимость «выделить», «отметить» событие европейского масштаба, и круглая дата Римских договоров была в этом смысле подходящей. Праздник нужен был для того, чтобы «встряхнуть» ЕС в его теперешнем (практически кризисном) состоянии, привлечь дополнительное внимание граждан и использовать этот момент, например, для политического заявления. Таким заявлением стала Берлинская декларация, подготовленная председательствующей в Совете Германией.

Берлинская декларация была подписана 24–25 марта в честь пятидесятого юбилея подписания Римских договоров. Этот документ имел большое символическое значение, поскольку в нем не только упоминались основные достижения ЕС, но и очерчивались основные направления для его будущего развития. В части I декларируются традиционные европейские ценности,

такие как демократия, верховенство закона, равенство, толерантность и т. д.; в части II определяется круг угроз, эффективное противостояние которым возможно лишь благодаря слаженным действиям государств-членов на уровне ЕС, а не на уровне домашних правительств; часть III посвящена ближайшим политическим перспективам союза.

Берлинская декларация является самым весомым политическим документом из тех, что вообще могли появиться в период, когда Европа уже два года пытается оправиться от кризиса, порожденного неожиданным провалом конституционного проекта на референдумах. Несмотря на символическую значимость декларации, на наш взгляд, ключевой является часть III, обращенная к недалекому будущему. В ней содержится неявный призыв к «перезапуску» конституционного проекта в кратчайшие сроки ради стабильности и дальнейшего развития ЕС. Таким образом, становится очевидным второй и, может быть, далеко не последний смысл этого документа – вернуть проект в общественный дискурс. В данном случае необходимо отметить, что в Европе по вопросу принятия новой Конституции существуют как минимум два взгляда. Первый взгляд отражает точку зрения тех, кто не видит ничего принципиально нового в предложенном к рассмотрению проекте, т. е. он только закрепил существующие нормы, все, что уже в той или иной форме существует в европейских государствах. Следуя этому взгляду, можно надеяться только на привнесение отдельных символов или адаптацию существующего национального дизайна к новым территориальным условиям. Вообще одной из основных дилемм разработки новой конституции является преодоление следования прототипам и принципам функционирования национального государства. Поэтому многие исследователи и аналитики хотели бы видеть в будущей евроконституции фундамент для создания новой европейской идентичности, того, что они считают необходимым для продвижения Европы даже с чисто экономической точки зрения.

Для других – это большой скачок на пути к федерализации Европы, скачок, который позволит укрепить единую систему законодательства, создать новую систему европейских символов, новый образ Европы на международной арене. Поэтому выработка единой конституции ЕС будет продолжаться. Вопрос только в том, какую форму она примет для того, чтобы избежать уже сложившихся ассоциаций с проваленным проектом. Поэтому главным успехом Германии как страны-председателя многие считают достижение компромиссов относительно основного договора для ЕС, который больше не будет называться конститу-

цией (дабы не иметь нежелательных коннотаций с некой супердержавой, якобы возникающей в Европе), достижение договоренности относительно сокращения числа членов Еврокомиссии и получение одобрения изменений касательно системы голосования на выборах в Европейский парламент. На данный момент, кроме символического успеха этой акции, едва ли можно говорить по существу о «люфтах» между принятыми решениями и их осуществлением, так как большинство изменений должны вступить в силу только с 2014 г.

Необходимо также отметить, что, если считать некий комплекс базовых ценностей фундаментом интерпретационных механизмов, то и в них никак нельзя ожидать единства, так как, несмотря на схожесть культур и социального опыта, в Европе наличествует достаточно большой разброс. Он во многом предопределен культурными и национальными чертами, что ставит во главу угла или приоритет продвижения ценностей демократии¹², или социальные реформы и улучшение уровня благосостояния граждан¹³, или толерантность, открытость и участие в процессе глобализации¹⁴. На наш взгляд, сам процесс построения ЕС стал актуальным и получил широкий общественный резонанс еще и потому, что последовательно «включал» и активировал наиболее распространенные «европейские ценности»: Маастрихтский договор, который гарантировал соблюдение базовых прав человека, декларированных Европейской конвенцией прав человека; Амстердамский договор, подтвердивший организацию союза на принципах демократии, свободы и уважения права выбора каждого; проект европейской Конституции был построен уже на принципах предыдущих договоров, к которым были добавлены толерантность, плюрализм, равенство возможностей и справедливость.

Черты национального видны в политической и экономической жизни современного Евросоюза везде, поэтому интерпретационная составляющая современных событий представляется более важной, чем реальный вклад отдельного события в процесс построения нового институционального дизайна, так как именно на современном этапе закладываются основные характеристики нового сообщества, его базовые принципы и ориентиры на будущее. Во многом это связано со следованием определенным стереотипам мышления, следованием уже известному и хорошо работающему подобию, но на данный момент по-другому нельзя, потому что, во-первых, слишком высок порог политической «чувствительности» государств-членов к соблюдению риторики национального в рамках союза, во-вторых, таковы

существующие на настоящий момент интерпретационные механизмы, которые можно активировать в процессе построения новой политической, культурной и социальной общности.

Примечания

- 1 См.: *Smith A.D.* Chosen Peoples: Sacred Sources of National Identity. Oxford, Oxford Univ. Press, 2003. P. 32.
- 2 См.: *Connerton P.* How Societies Remember. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1990. P. 53.
- 3 См.: *Gamson W.* Constructing Social Protest: Social Movements and Culture. L.: UCL Press, 1995. P. 89.
- 4 См.: *Githens-Mazer J.* Myths and Memories of the Easter Rising: Cultural and Political Nationalism in Ireland. Dublin: Irish Academic Press, 2006. P. 3.
- 5 См.: Саммит ЕС, Брюссель, 21–23 июня 2007 г.
- 6 Согласно системе двойного большинства для принятия решений достаточно, чтобы «за» проголосовало 55% стран-участниц, доля населения которых равна 65% от общего населения ЕС.
- 7 *Черчилль У.* Мускулы мира / Сост. Л. Яковлев. М.: Эксмо, 2005. С. 496.
- 8 См.: Wikipedia the Free Encyclopedia http://en.wikipedia.org/wiki/European_Union
- 9 Гражданская идентичность в ЕС – чувство принадлежности к политически значимым общеевропейским группам или структурам, ощущение связи с институтами ЕС.
- 10 «TOGETHER since 1957» (англ. «вместе») – информационно-рекламная кампания ЕС, посвященная юбилею Римских договоров.
- 11 Официальный портал ЕС http://europa.eu/50/what_celebrate/index_en.htm
- 12 См.: *Laffan B.* The European Union Polity: A Union of Regulatory, Normative and Cognitive Pillars// *Journal of European Public Policy*. 2001. № 8(5). P. 709–727.
- 13 См.: *Bosco A.* The EU Constitution – A Question of Values? *Challenge Europe*. 2003. № 10; available at: <http://www.theepc.net/en> P. 2–3.
- 14 См.: *Reyni D.* La Fracture Occidentale. P.: La Table Ronde, 2004. P. 73–154.

В.Д. Зими́на

РЕВОЛЮЦИОННАЯ СОБЫТИЙНОСТЬ
В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
РОССИИ НАЧАЛА XX в.

Инновационность стратегий современного познания заключается в том, что в центр внимания ставится динамичная и амбивалентная система взаимоотношений субъекта с окружающей средой, где общественные инстанции и разнообразные социальные явления выводятся из их «образа» как формы отражения объективной реальности¹.

Локализация и полисубъектность актуального исторического процесса, а также переход от информационного общества постмодерна к манипулятивному обществу постмодерна проявляются в том, что исследователь все чаще опирается не на развернутую систему аргументации, а на символы, метафоры, образы и другие репрезентативные объекты. Все они включают в себя мощные верификационные инструменты когнитивной семантики.

Появляется немало исследований, авторы которых убеждены в том, что «историю бессмысленно перечислять», потому что «историю необходимо понимать»². Консолидированный поиск целостного взгляда на историческое прошлое, в том числе и на революционизированный политический процесс в России начала XX столетия, проявляется в жанровой конвергенции как одной из особенностей современного общественного сознания. Поэтому сам исследовательский процесс, по признанию его участников, все чаще завершается созданием очередного «художественно-романтического мифа», выполненного по классическим канонам мифотворчества идеологической традиционализации³.

Характеризуя атмосферу Гражданской войны в России, известный русский писатель И.А. Бунин признавал: «Революционные времена не милостивы: тут бьют и плакать не велят, – плачущий считается преступником, “врагом народа”, в лучшем случае – пошлым мещанином, обывателем». Поэтому быть объективным и беспристрастным в оценке этих событий вряд ли

возможно. «Беспристрастно! – писал он в своих “Окаянных днях”. – Но настоящей беспристрастности все равно никогда не будет. А главное: наша “пристрастность” будет ведь очень и очень дорога для будущего историка»⁴.

Сказанное заставляет задуматься над проблемой политического дискурса в России начала XX столетия и возможностью его анализа для выявления тенденций развития политической культуры в рамках трансформации политической системы, особенно если учесть признание другого отечественного писателя М. Пришвина. В 1938 г. в своем дневнике он писал: «Перед всякими событиями исторического государственного переворота – войны, революции логика оставляет людей, и логически вывести войну из фактов никто не может»⁵.

Каждое поколение перестраивает дискурс в соответствии с новыми основаниями. Поэтому история российской революционности начала XX в. постоянно будет менять свою форму в дискурсе настоящего. То, что помнят об этом процессе, зависит от способа его репрезентации, который должен соответствовать скорее способности социальных групп сформировать образ России начала нового столетия, чем возможности исследователя пробудить об этом периоде российской истории воспоминания. По существу, речь идет о реконструкции прошлого. Невозможно ведь воссоздать ход мыслей ни Николая II, ни В.И. Ленина, ни А.Ф. Керенского, ни какого-либо другого государственного, политического деятеля России начала XX в. Однако можно установить то, что он говорил в той мере, в какой его слова были включены в коммеморативные формы. Поэтому формирование образов является для исследователя достаточно объективным показателем соотношения сил в том обществе, которое порождает эти образы.

В то же время нельзя не учитывать, что рубеж XIX и XX столетий в России отличался утратой веры в старые парадигмы, распадом системы понятий, в которых была выражена привычная картина мира. Стремительно изобретались новые слова, новые понятия, новые выражения. Зачастую они появлялись прежде реальных и властно формировали политическую действительность. Бурная пролиферация новых понятий, прежде всего в сфере социального и политического опыта, и в этом мы согласны с мнением Д. Хапаевой, являлась следствием политических катаклизмов прошедшего века⁶. Пестрота нравственных идеалов, презентуемых той или иной политической группой, исключала возможность появления проблемного схематизма, который мог бы нейтрализовать катастрофизм в отношениях.

В.Д. Зими́на

Как считал А.С. Ахиезер, все это приводило к активизации процессов архаизации общества, к превращению массового уличного бунта в государственную монополию⁷. Исходя из данной посылки, в создании послереволюционной культуры, по мнению Шт. Плаггенборга, участвовали не только большевики, а все общество в целом, ведь в понимании того времени революция означала прежде всего полное разрушение старого⁸.

Исследуя проблему соотношения истории как науки и историчности мира, известный немецкий исследователь О.Г. Эксле основные параметры исторического знания определяет как:

- соотношение прошлого и настоящего;
- соотношение истории отдельного человека с историей общества в целом;
- соотношение «знания повседневного» и «знания экспертов»⁹.

При этом важно учитывать, что само так называемое историописание представляет собой образ производства идентичности. Поскольку мотивация процесса конструирования исходит от субъекта, пребывающего в определенном социальном мире, то в каком-то смысле история – это отражение образа настоящего в прошлом. И в этом смысле вся история, включая и историю России начала XX в., представляет собой форму мифологии в ее культурно-антропологическом понимании. Иными словами, история представляет собой поле состязательности между субъектами идентификации. Поэтому историческое знание и участники его производства пребывают в несвободной от культурно-ценностного контекста сфере властных взаимовлияний и современных воздействий¹⁰. Постмодернистское сближение истории и литературы актуализирует три принципа отбора исторического материала при изучении революционной событийности в России в начале XX столетия:

- событийный – за сюжетную основу берутся исторические события;
- историографический – собираются полярные исследовательские точки зрения;
- текстовой – документы подбираются по принципу несоответствия семиотических кодов.

Собранный по указанным основаниям документально-историографический комплекс по любой исторической проблеме, в том числе и по истории России начала XX в., становится, по мнению Ю.Л. Троицкого, квазипроизведением, которое обладает достаточно большим потенциалом разнообразных, но равноценных прочтений и интерпретаций¹¹.

Оценочные характеристики революционизированного политического процесса начала XX в. в России его современниками являлись, без сомнения, «политически погруженными» и несли на себе отпечаток ценностей политической культуры. В условиях кризиса легитимности самодержавной власти она отражала институциональные, функциональные и коммуникативные составляющие развития российской политической системы, которые были связаны с особенностями национального мышления, общественно-исторической морали и психологии с точки зрения преемственности и изменения господствовавших в массовом сознании установок и стандартов поведения.

Об этом писал в 1906 г. еще М. Вебер, изучая перспективы развития в России либеральной политической традиции. Для него было априорным, что «духовное развитие» этой страны определяется уровнем капиталистического развития и масштабом распространения «архаичного аграрного коммунизма». Следствием несбалансированности данных процессов является «постоянное качание... между реакционной и революционной романтикой»¹².

Пытаясь разобраться в феномене «русского духа» через призму столкновений системоцентризма (индивид есть нечто вспомогательное при достижении надличностных целей) и персонализма (все явления природного и социального мира рассматриваются в контексте мира человеческой личности), А.В. Оболонский, например, выделяет несколько компонентов российского культурного архетипа, суммируемых в «консервативный синдром» общественного развития («антиличностная социальная установка», «комплекс социально-государственной неполноценности и боязни перемен», «дефицит моральных регуляторов поведения», «недостаточная развитость нормальной трудовой этики», «квазиэтатизм, т. е. фетишизация власти», «консервативный национализм», «стихийный народный империализм», «система моральных уловок и самооправданий»)¹³. По мнению исследователя, данное состояние заставляет задуматься относительно реальных шансов России выбраться из «бесперспективной системоцентристской колеи на довольно жесткую, особенно вначале, но единственно достойную нашего великого и многострадального народа дорогу персонцентристского развития»¹⁴.

В этой связи востребованность метода дискурсивного анализа объясняется актуализацией изучения языковых процессов, связанных с передачей посредством вербальной или невербальной коммуникации знаний, социального опыта, определенных

В.Д. Зими́на

представлений о существующей действительности. Дискурс-анализ дает возможность наиболее полно отразить возможности языка в трансляции социальных представлений, а также способности языка в консервации социокультурных моделей и архетипов. С одной стороны, дискурс мыслится как речь, вписанная в коммуникативную ситуацию, и в силу этого рассматривается как категория с отчетливо выраженным социальным содержанием по сравнению с речевой деятельностью индивида. С другой стороны, реальная практика современного дискурсивного анализа связана в основном с исследованием закономерностей движения информации в рамках коммуникативной ситуации.

В начале XX столетия российское политическое пространство переживало сложный период трансформации всех своих составляющих под влиянием массивного воздействия мирового сообщества (Русско-японская война, формирование Антанты, Первая мировая война) с его демократической доминантой политических ценностей. Сам П.А. Столыпин характеризовал политическую систему России периода первой русской революции как «перестроечную», находящуюся в стадии «брожения». Выход из создавшегося положения он видел в унификации и совершенствовании законодательной базы происходивших изменений. 6 марта 1907 г. в своем первом выступлении в Государственной думе второго созыва в качестве председателя Совета министров он указывал на необходимость поиска «общей руководящей мысли», направленной на создание тех «материальных норм», в которые должны были бы воплотиться новые правоотношения, вытекавшие из всех реформ последнего времени. Только таким образом, считал премьер, «преобразованное по воле монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое»¹⁵.

Эти идеи Столыпин озвучил еще год назад, будучи тогда только министром внутренних дел. 8 июня 1906 г. в своем ответе на запрос Государственной думы по поводу деятельности министра юстиции он оговаривал, что власть является средством для сохранения спокойствия и порядка, а правительство как аппарат власти в своей деятельности должно опираться на законы. При этом Столыпин подчеркивал обязательность соблюдения разделения ветвей власти, снимая с себя всякую ответственность за саму систему существовавшего правосознания, считая своей миссией «справедливо и твердо охранять порядок в России». «Это моя роль, – резюмировал он, – а захватывать законодательную власть я не вправе, изменять законы я не могу»¹⁶.

Однако по мере развития политической ситуации в стране Столыпин вынужден был внести существенные коррективы

ровки в избранную тактику. Во время думских прений 6 марта 1907 г. он особо указал депутатам на то, что волею монарха им не дано право выражать правительству «неодобрение, порицание и недоверие». И это вовсе не означает, что правительство не будет приветствовать «всякое открытое разоблачение какого-нибудь неустройства, каких-либо злоупотреблений»¹⁷. В своем выступлении в Государственной думе 13 марта 1907 г. Столыпин объяснял подобную ситуацию, названную им «необходимой обороной», исключительно необходимостью не просто подавить революцию, а сохранить таким образом саму российскую государственность. «Нет законодательства, которое не давало бы права правительству приостановить течение закона, – заявлял он. – Когда государство находится в опасности, оно обязано принимать самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада». Тактика «необходимой обороны» предусматривала не только применение различных репрессий, но и подчинение всех одной воле. Установление диктатуры, по мысли Столыпина, было необходимым в условиях, когда «государственная необходимость стоит выше права и когда надлежит выбирать между целостью теорий и целостью отечества»¹⁸.

Однако, призывая к диктатуре, Столыпин не мог не считаться с политическими реалиями и не мог не учитывать бурно развивавшийся процесс демократизации российского общества. И в этой связи стоит опять обратиться к Бунину, который в своих «Окаянных днях» писал 22 апреля 1919 г. в Одессе: «Революция – стихия... Землетрясение, чума, холера тоже стихии. Однако никто не прославляет их, никто не канонизирует, с ними борются. А революции всегда углубляют»¹⁹. Пытаясь сохранить монархическую незыблемость российской государственности, Столыпин в то же время углублял революцию, привнося в политическую культуру элементы демократизирующегося сознания и демократизирующегося политического дискурса.

В современных определениях политического дискурса все меньший акцент делается на собственно тексте как части дискурса. Значительное внимание уделяется внелингвистическим, социальным характеристикам дискурса событийного контекста, в котором создается текст, а также индивидуальным целям, интересам и мировоззренческим ориентациям создателя данного текста. Дискурс оценивается как продукт человеческого мышления, формируемого под влиянием событийного ряда.

Под собственно политическим дискурсом начала XX в. можно понимать совокупность текстов (нормативно-правовые акты, публикации в СМИ, материалы личного происхождения),

В.Д. Зимина

созданных для коммуникации в сфере общественно-политической деятельности. В языковых конструкциях закладываются типичные модели восприятия тех или иных событий и стереотипизированные схемы поведения. По этой причине язык выступает не только как инструмент описания событий, но и в качестве части социальной реальности. В первое десятилетие XX в. даже совершенно невинное с точки зрения политической благонадежности, с революционной идеологией ничего общего не имеющее, популярное развлечение – бега – пестрело именами лошадей: «Баррикада», «Бомба», «Заговорщик», «Забастовщик», «Террор», «Радикал» и т. п.²⁰

Политические реалии этого периода понимались именно таким образом, в каких терминах они были представлены в общеупотребляемом языке. Так, по словам очевидца Л.В. Розенталя, если в бурный 1905 г. «не было никакого сомнения в том, что каждый сознательный взрослый человек должен быть членом подпольной партии, готовить забастовки, восстания, бороться за социализм, ...идти в революционеры», то уже летом 1909 г. произошёл «решительный перелом в понимании смысла человеческого существования... – целью было самосовершенствование, устройство своего внутреннего мира»²¹.

Целевой установкой при образовании политического дискурса в России начала XX в. являлось формирование в социуме определённого отношения к тому или иному политическому событию (политические стачки в Петербурге в 1904 г., провозглашение Манифеста 17 октября 1917 г., отречение императора Николая II, образование Временного правительства и т. п.) и такой его оценки, которая была бы необходима данному субъекту. Так, в записке на имя царя Николая II от 8 октября 1905 г. министр внутренних дел С.Ю. Витте, названный А.Ф. Керенским режиссером принятия Манифеста 17 октября 1905 г., предлагал царю воспользоваться главным лозунгом общественного движения – «свобода». «Государственная власть должна быть готова вступить и на путь конституционный, – писал будущий премьер. – Пусть докажут, что благо государства в конституции, – самодержавный монарх, интересы коего не могут быть отделены от блага народного, первый, без сомнения, станет на этот путь. Опасению здесь не может быть места, и надо иметь в виду и готовиться и к этому исходу»²².

В этой связи политический дискурс начала XX в.:

- являлся единством языковой формы, значения и действия, образуя сложную коммуникативную систему («Россия – цитадель православия», «Дума народного гнева», «большеви-

ский переворот как вероломный удар, полностью оставлявший Россию на милость немцев» и т. п.);

- отражал психологию человека, переживавшего состояние социального невроза («политическое лицемерие», «опасность личного режима», «агония власти», «капитуляция русской революции» и т. п.);

- формировал и передавал новое знание («Февраль 1917 г. как дружный, праздничный и светлый единый порыв», «конституционный манифест» и т. п.);

- представлял собой целенаправленное социальное действие («церковные реформы как проявление политических реформ», «защита революции – долг, а отречение царя – необходимость» и т. п.).

Так или иначе, вся текстовая информация данного периода представляла собой стандартную модель коммуникации, в которой были отправитель, сообщение и адресат. Само же сообщение порождалось, а позже интерпретировалось исходя из определенного кода, общего и для отправителя, и для получателя. В процессе коммуникации выработывался и определенный литературный стиль, исключавший указатели специализации. Характерно, что все публикации данного периода были рассчитаны на достаточно широкую аудиторию, поэтому отправитель и адресат присутствовали в них не как реальные полюсы акта сообщения, а как одно целое. При этом все публикации были нацелены на вполне определенные реакции более или менее определенного круга читателей, поэтому были открыты для различной интерпретации. Идеологические пристрастия могли привести к тому, что критически настроенный читатель мог выявить невысказанные идеологические характеристики по тексту работы²³. И, наконец, фреймовое оформление отличалось удобовоспринимаемым форматом.

По существу, речь шла о процессе формирования очередных мифов, обозначавших подлинные и реальные события, сакральные и служащие для подражания. Они строились по традиционной схеме и включали в себя следующие параметры²⁴:

- создание истории подвигов российского государства и его народов;

- формирование парадигмы всех значимых актов человеческого поведения;

- миф должен «проживаться» аудиторией, которая захвачена вдохновляющей мощью воссозданных в памяти и реактуализированных событий;

В.Д. Зимина

- познавая миф, человек должен был познавать происхождение многих явлений и процессов революционизированной России.

Политический дискурс начала XX в. отражал механизм формирования политических интересов в рамках социокультурной идентичности. При этом особенно интересным представляется тот факт, что дискурс был связан с архетипами политической культуры России начала XX в. как социально передаваемых типовых образцов поведения, характеризовавших управление и политику в российском обществе в эпоху бурных революционных трансформаций.

Как известно, культурный код, задающий пространственные и временные конфигурации основных архетипов политической культуры, с самого начала формирования российской государственности носил двойственный характер – сочетание национального (языческого) и привнесенного (христианско-византийского) элементов. Это породило подвижность национального культурного кода, способность к перевоплощениям на разных этапах развития российской государственности. По воспоминаниям П.Н. Милокова, Витте «открыто козырял перед царем» термином «конституция», в обычное время неприемлемым²⁵. С опубликованием Манифеста 17 октября 1905 г. Керенский связывал окончание абсолютной власти в России. Он был убежден в том, что главный принцип любой конституции – это невозможность верховной властью принять закон без одобрения представителей народа. Для будущего лидера Временного правительства конституция перестала быть абстрактным лозунгом революционного движения. Он был потрясен реакцией Милокова, который после ознакомления с текстом известного документа вечером 17 октября 1905 г. заявил: «Ничего не изменилось. Борьба продолжается»²⁶. Кстати, Николай II аналогично оценивал сложившуюся ситуацию. В своих дневниках он констатировал парализацию власти после 17 октября 1905 г.: «В Кронштадте со вчерашнего дня начались беспорядки и разгромы. Добиться известий было трудно, так как телефон не действовал. Ну, уж времена!»²⁷.

Импликация в политическую практику православных архетипов и кодов российской политической культуры сформировала мощные политические мотивации в российском обществе начала XX в. Встречая новый 1905 год с надеждой, что господь «дарует России победоносное окончание войны, прочный мир и тихое безмолвное житие», император Николай II, по сути, не расставался с ней на протяжении всей первой русской революции²⁸. Вот весьма интересные дневниковые записи, подтверждающие это²⁹:

Революционная событийность в контексте политического дискурса...

- *9 января 1905 г.* – «Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города... Господи, как больно и тяжело!»

- *17 октября 1905 г.* – «Подписал манифест в 5 час. После такого дня голова сделалась тяжелою и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, спаси и умири Россию».

- *18 октября 1905 г.* – «Сегодня состояние духа улучшилось, так как решение уже состоялось и пережито».

- *3 июня 1907 г.* – «Простояла чудная погода. Настроение было такое же светлое по случаю разгона Думы».

- *4 июня 1907 г.* – «Такой же чудный день... Слава Богу, уже второй день после роспуска Думы, всюду полнейшее спокойствие!».

Политический дискурс революционной России начала XX в. вписывался в коммуникативную ситуацию и в силу этого может рассматриваться как категория с отчетливо выраженным социальным содержанием. Именно по этой причине расстрел мирной демонстрации 9 января 1905 г. Керенский считал «исторической ошибкой, за которую высокую цену заплатили и монархия и Россия». По его мнению, это нанесло сильный удар по моральному состоянию русской армии, потому что «народ и армию должны связывать неразрывные и здоровые узы»³⁰. Современный дискурсивный анализ данного периода развития российской государственности концентрируется вокруг проблемы исследования закономерностей движения информации в рамках коммуникативной ситуации начала XX в.

В политическом дискурсе этого времени большее внимание уделялось внелингвистическим, социальным характеристикам самого дискурса, связанным с событийным контекстом (Государственное совещание 1917 г., корниловский мятеж, Демократическое совещание 1917 г. и т. п.), в котором создавался текст, а также с индивидуальными целями, интересами и мировоззренческими ориентациями создателя данного текста (П.Н. Милюков, П.Б. Струве, В.И. Ленин, А.Ф. Керенский, В.М. Чернов, Николай II и др.). Многолетний издатель крупнейшей и самой влиятельной газеты начала XX в. «Новое время» А.С. Суворин, отличавшийся крайне консервативными взглядами, писал, что «ропуск Государственной думы (3 июня 1907 г. – В. З.) прошел совершенно равнодушно», так как «само общество, к сожалению, сонно и недеятельно, а оппозиционный элемент многочисленен и деятелен»³¹. В опубликованной в «Русской мысли» в январе 1907 г. статье «Из размышлений о

В.Д. Зимина

русской революции» другой современник происходивших событий П.Б. Струве признавал, что Манифест 17 октября 1905 г. не только не привел к зарождению новой психологии, но, наоборот, «закрепил старую психологию и даже, если можно так выразиться, ожесточил ее». По мнению известного лидера кадетской партии, это выразилось в том, что немедленно после 17 октября 1905 г. «начались проповедь и практика вооруженного восстания». «Русскую революцию, – резюмировал он, – погубил консерватизм ее психологии»³².

Политический дискурс начала XX в. представлял собой логически стройную систему, состоявшую из предложений, фраз, смысловых блоков, содержание которых концентрировалось вокруг определенного опорного концепта (революция, Дума, Временное правительство и т. п.). Политические коммуникации осуществлялись не изолированно друг от друга, а пересекались друг с другом множество раз, образуя так называемую дискурсную полифонную сеть. Она состояла из различных дискурсных формаций (или типов политического дискурса), отличавшихся друг от друга по коммуникативным целям, функциям, коммуникативным каналам, акторам, формам репрезентации. Сама же дискурсная формация объединяла совокупность текстов или высказываний, которые указывали на исторически очерченную идентичность в процессе высказывания. А единицей анализа выступало только такое высказывание, которое содержало в себе интригу, вне зависимости от того, выражено оно последовательностью слов или предложений («Государственный совет – кладбище благих начинаний Думы», «корниловский мятеж – поражение русской демократии» и т. п.). Отсюда основная цель дискурс-анализа – приведение рассеянного множества высказываний к позиционному единству.

Политический дискурс начала XX в. можно рассматривать как некий фрагмент действительности, который обладал временной протяженностью, логикой развертывания и представлял собой законченное сочетание, сформированное на основе организации смыслов с использованием некоего смыслового кода. В этом случае политический дискурс начала XX в. выступал как язык, или идеология (например, дискурс консерватизма или дискурс демократии), или как конкретный сюжет (например, дискурс думских выборов в России).

В то же время (и это происходит гораздо чаще) политический дискурс начала XX в. следует рассматривать как особый вид социальной коммуникации. Главное внимание должно концентрироваться на изучении внутренней организации элементов тек-

ста, групп высказываний, связанных между собой. При анализе социально-политических процессов начала XX в. политический дискурс понимается как социальный диалог, происходивший посредством и через институты общества между индивидами, группами, а также социальными институтами, которые были задействованы в этом диалоге. Поэтому политический дискурс начала XX в. представляется на уровнях повседневной коммуникации, официальной коммуникации и СМИ-коммуникации.

При этом сказывалось то обстоятельство, что российское общество только «училось быть политическим». Стремясь к сотрудничеству и компромиссу с властью, «общественники», по мнению Ю.С. Пивоварова, уповали на уничтожение самой этой власти. Результатом стало формирование такой политической власти, которая, «породив публичную власть, стала в ней важнейшим игроком»³³.

Проявлявшийся холизм русского мировоззрения проистекал из русского православия, на котором формировалась российская государственность с ее имперским характером. Он требовал глубокой мировоззренческой работы, кристаллизации российских ценностей и в национальную идею («Москва – третий Рим», «мировая революция», «Великая и Единая Россия»), противоречил любому проявлению несоборного регулирования социальных проблем, выступая на страже постулата личной и жертвенной ответственности отдельной личности за деяния всего мира³⁴. Отмечавший последнее А.Ф. Лосев подчеркивал, что внутренний мир интеллигента начала XX столетия выступал в образе духовного осознания себя как всего и всего как себя³⁵. Постоянство же подобного «национального задания», по мнению Г.П. Федотова, оборачивалось для России обратным западноевропейскому движением «от свободы к рабству»³⁶.

Для выяснения причин данного процесса в начале XX в. в России немало сделали авторы знаменитого сборника «Вехи». Во внутреннем самосовершенствовании интеллигенции, в «повышении ее творческой энергии» и превращении ее в «избранных личностей» веховцы видели гарантии того, что, найдя адекватное отражение во власти, «воля русского народа» и «идея русского народа» спасут Россию «от механических реакций и революций». Причины крушения интеллигентского мировоззрения начала XX в. Н.А. Бердяев, например, выводил из «народнически-утилитарно-аскетического» отношения части интеллигенции к философскому познанию, что превращало ее в «интеллигентщину» с прагматическими интересами «распределения и управления в сознании и чувствах», доминировавшими «над интересами произ-

В.Д. Зимина

водства и творчества»³⁷. Убежденный в том, что отечественная интеллигенция не всегда бывает интеллигентной, поскольку «психологический тип интеллигенции покоится на социально-групповых особенностях, а не на духовной мощи», он настаивал на радикальном реформировании интеллигентского сознания с помощью «очистительного огня философии»³⁸.

К этим «изъянам» интеллигенции Б.А. Кистяковский относил еще и характерную для нее «притупленность правосознания», отсутствие какого-либо интереса к правовой природе конституционного государства. В совокупности своей эти «изъяны» обусловили отсутствие «правового порядка в повседневной жизни русского народа»³⁹.

Проистекавшее из этого «безрелигиозное отщепенство от государства русской интеллигенции» было, по мнению П.Б. Струве, ключом к пониманию революционного процесса. Развивая эту мысль дальше, он доходил до утверждения, что «русская интеллигенция как особая культурная категория есть порождение взаимодействия западного социализма с особенными условиями (российского. – В. З.) культурного, экономического и политического развития». Поэтому, если «нет на Западе того чувствительного, которое представляет интеллигенция», то в России, считал Струве, «до рецепции социализма» был только «образованный класс»⁴⁰.

С.Л. Франк в дополнение вводил еще нравственный аспект, подчеркивая его динамику при характеристике умонастроений интеллигенции. По его убеждению, «морализм» выступает главным критерием «разграничения людей, поступков, состояний на хорошие и дурные, добрые и злые»⁴¹.

Системный анализ взглядов веховцев свидетельствует о полном отсутствии концептуального единства в их идейном стане. Каждый автор выдвигал одну или несколько отличительных черт русской интеллигенции, которые зачастую не только не суммировались с позицией другого автора, но даже противоречили ей.

Целесообразность общего знаменателя признавали многие. «Если бы все силы направить на внутреннее преодоление у нас раздора, – писал Бердяев 23 февраля 1908 г. в статье “Большая Россия”, – то можно было бы ослабить последствия... хронической болезни русского национального развития, в котором все усиливается разрыв всех частей народного организма»⁴². Однако лишь Петрункевичу удалось отчасти «консолидировать» веховцев на общем признании «безрелигиозности» интеллигенции⁴³.

П.Н. Милюков тоже добавил еще «антигосударственность» и «космополитизм», противопоставляя термины «интеллигентность» и «мещанство» и отличая прямо пропорциональное отношение понятий «интеллигенция» и «культура». Графической конфигурацией (в виде двух концентрических кругов) – своеобразной «матрешкой» – кадетский лидер выразил взаимозависимость терминов «интеллигенция» («центральное ядро») и «образованный класс» («среда непосредственного воздействия интеллигенции») ⁴⁴.

Для Д.Н. Овсяннико-Куликовского основополагающим в констатации явления было «прямое или косвенное», «активное или пассивное» участие интеллигенции, замыкающей в себе все образованное общество, в умственной жизни страны, связанной с выработкой ее так называемых духовных ценностей ⁴⁵.

Особенностями политического дискурса в России начала XX в. являлись его полемичность и агрессивность, которые проявлялись в подборе слов с высокой степенью оценочности. Политический дискурс был направлен на создание негативного образа политического противника («конституционная власть», «контрреволюция» и т. п.). Однако логическая аргументация и убеждение занимали при этом далеко не лидирующее место. Используемая, например, в дневниковых записях или частной переписке так называемая стратегия «размышления вслух» дополнялась «игрой на чувстве долга» либо других моральных установках. Эффективность внушения довольно часто достигалась лишь тогда, когда содержательные компоненты внушения резко расходились с ожидаемыми аудиторией. Русское социальное пространство отличалось повышенной эмоциональностью, а потому иллюзорностью ⁴⁶.

Что же касается использования концептуальных метафор, то их функция в процессе политической коммуникации сводилась к формированию имплицитного представления о том или ином явлении. Как своеобразная модель понимания ситуации метафора конструировала систему понятий россиянина начала XX в. и участвовала в создании его ценностной системы. Анализируя развитие первой русской революции, М. Вебер писал в 1906 г. о том, что «бюрократия самодержавного режима и на этот раз... пожнет плоды своей долготетней демагогической политики: с одной стороны, поощрять капитализм, а с другой – сдерживать любое развитие буржуазной самостоятельности, в то же время натравливая общественные классы друг на друга» ⁴⁷.

Основанные на архетипах и мифологемах метафоры обладали огромной внушающей силой и были направлены на созда-

В.Д. Зими́на

ние стереотипной реакции на определенные политические события революционизированной России. В своих воспоминаниях упоминаемый уже Бунин писал об обязательности «высокого стиля» речей политиков и революционных призывов поэтов во время первой русской революции (а затем перед началом второй) и замене его самым низким, когда революция осуществляется⁴⁸.

Политический дискурс начала XX в. отличался повышенной эмоциональностью, которая проявлялась в форме негативной экспрессии. Ее воздействие усиливалось в силу того, что концептуальные метафоры самодержавного прошлого соседствовали с метафорами новых политических реалий. «Интеллигенция наша еще не освоилась с... реальным соотношением идеи и факта в политике... – писал П.Б. Струве в своей статье “Русская идейная интеллигенция на распутье”, опубликованной 27 января 1906 г. в “Полярной звезде”. – Она еще слишком верит в программы, и она слишком плохо наблюдает и слишком низко ценит факты. Коллективная политическая мысль нашей интеллигенции находится еще в состоянии наивности, почти младенчества»⁴⁹.

Все это усиливало дискуссионность российского политического пространства в его трансформационном фрейме, который формировался в историческом континууме от самодержавности к большевистской диктатуре. Это было результатом традиционной для российской политической культуры межпоколенческой трансляции мобилизирующей силы государственной идеологии, которая скрепляла и определяла вектор политического развития правящей элиты. В этой связи трудно не согласиться с П.Б. Струве, который в статье «Из размышлений о русской революции», опубликованной в январе 1907 г. в «Русской мысли», писал о русской революции как о «весьма модерне», потому что в отличие от других революций борьба классов и социализм были «духовными силами, которые вносились в живое и живущее общественное движение как готовые продукты, как давно утвержденные образцы, как бесспорные управляющие идеи»⁵⁰.

Политический дискурс в России начала XX в. отражал своеобразный опыт отношения народа к власти. Проявляясь в той или иной форме, он типологически был однороден. В его основе находилось, выражаясь словами В.К. Кантора, «состояние перманентного бунта»⁵¹. Оно хорошо прослеживается по дневниковым и мемуарным записям участников и очевидцев происходивших революционных баталий начала XX в. Пронизанные идеей необходимости борьбы они, как писал в Берлине в январе

1920 г. в своих воспоминаниях комиссар Временного правительства В.Б. Станкевич, отражали душевные искания человека, нацеленного именно на войну и разочаровывавшегося в этой войне. Причины последнего В.Б.Станкевич объяснял просто: «Власть стремится к самым хорошим целям... Но в ее руках все превращается в противоположность намеченному»⁵².

Крайние формы все это приняло в бурном 1917 г. Известная писательница Р.М. Хин-Гольдовская писала в своих дневниковых записях 21 января 1917 г.: «Живем в какой-то эпидемической неврастении. Сплетни, слухи, догадки и напряженное ожидание неминуемой катастрофы... Мир сошел с ума... Не верю я в русскую революцию. Не верю и еще больше боюсь ее. Будут бунты, и будет расправа...»⁵³.

Гражданская война сделала политический дискурс более радикальным, придала ему наступательный характер. В этой атмосфере накаленных страстей большевики и их политические противники рассчитывали на так называемое классовое сознание, которое, как признавал в 1923 г. в своих воспоминаниях ленинский соратник Ф.Ф. Раскольников, «инстинктивным путем находит своих вождей, вопреки самой разнузданной клевете, рассчитанной на политическое убийство»⁵⁴. Выступления политических лидеров опережали их конкретные действия. Политическая манипуляция сознанием выдвигалась на передний план в военном противостоянии красных и белых. В этой связи весьма интересным выглядят замечания митрополита Вениамина (Федченкова) о деникинских «аршинных афишах». Очевидец происходившего, он в своих воспоминаниях писал об их двух «ошибках»:

- «...мелким шрифтом напечатано – ну кто же будет тут читать, да еще целую простыню?!»;
- «... правительство Деникина убеждает... В революционную бурю убеждать?! Да люди тут в пламенной горячке, а они убеждают их? Тут нужно действовать, а не лекции с кафедры читать...»⁵⁵.

Дифференциация тех или иных политических событий осуществлялась крайне просто, по известной схеме «мы – они». Так, 4 сентября 1918 г. в петроградской «Красной газете» появилось предписание для всех издателей периодических изданий «обменять выданные им разрешения на право издания на новые». В противном случае издания попадали в категорию «белогвардейских» и должны были «преследоваться»⁵⁶. Как писал в своих дневниковых записях 6 апреля 1919 г. В.Г. Короленко, для правящих большевиков «контрреволюция стала на место небла-

В.Д. Зимина

гонадежности. Она не только поступок, не только образ действий, а и образ мыслей»⁵⁷.

О том или ином событии помнят только тогда, когда оно размещается в концептуальных структурах, определенных сообществом. Локализуя образы, через которые участники и очевидцы политических событий в России на рубеже веков воспринимали свой мир, можно понять структуру их коллективного воображения и соотношение сил тех социальных групп, к которым они принадлежали. Поэтому гораздо важнее не воссоздать, как нередко декларируется, так называемую картину революционной событийности в России начала XX в., а описать образы, в которых тогда жила коллективная память⁵⁸. Только в этом случае редуцированная до определенного объема конструкция революционной событийности в России начала XX в. способна максимально эффективно выполнить познавательную и идентификационную «функции истории».

Примечания

- 1 См.: *Ким С.Г.* Историческая антропология в Германии: методологические искания и историографическая практика. Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Томск, 2003. С. 39–40.
- 2 *Веллер М., Буровский А.* Гражданская история безумной войны. М., 2007. С. 6.
- 3 См.: *Болгарин И.Я., Смирнов В.В.* Девять жизней Нестора Махно. СПб., 2006.
- 4 *Бунин И.А.* Окаянные дни. М., 1999. С. 61, 687.
- 5 *Пришвин М.* Дневник 1938 года // Октябрь. 1997. № 1. С. 115.
- 6 См.: *Хапаева Д.* Герцоги республики в эпоху переводов: Гуманитарные науки и революция понятий. М., 2005. С. 195.
- 7 См.: *Ахиезер А.С.* Катастрофы в природе и обществе как нравственная проблема (на историческом опыте России) // Ахиезер А.С. Труды. М., 2006. С. 280.
- 8 См.: *Плаггенборг Шт.* Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000. С. 327.
- 9 См.: *Эксле О.Г.* Историческая наука в постоянно меняющемся мире // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 11. М., 2004. С. 86–93.
- 10 См.: *Тишков В.А.* Диалог истории с антропологией на рубеже столетий // Историческая наука на пороге XXI века. Новосибирск, 2001. С. 147.

- 11 См.: *Троицкий Ю.Л.* Историографический дискурс и возможность синтеза // Дискурс: Коммуникативные стратегии культуры и образования. М., 2002. № 10. С. 134.
- 12 *Вебер М.* О России: Избранное. М., 2007. С. 34–35.
- 13 *Оболонский А.В.* Драма российской политической истории: система против личности. М., 1994. С. 9, 327–334.
- 14 Там же. С. 326.
- 15 *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия...: Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете: 1906–1911 гг. М., 1991. С. 50–51.
- 16 Там же. С. 40–42.
- 17 Там же. С. 63–64.
- 18 Там же. С. 73–74.
- 19 *Бунин И.А.* Указ. соч. С. 96.
- 20 См.: *Могильнер М.* На путях к открытому обществу: кризис радикального сознания в России (1907–1914 гг.). М., 1997. С. 6.
- 21 *Розенталь Л.В.* Свидетельские показания любителя стихов начала XX века // Новый мир. 1999. № 1. С. 151–152.
- 22 *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 37–38.
- 23 См.: *Эко У.* Роль читателя: Исследования по семиотике текста. СПб., 2005. С. 14, 19, 45, 53.
- 24 См.: *Элиаде М.* Аспекты мифа. М., 2005. С. 23–24.
- 25 *Милуков П.Н.* Воспоминания (1859–1917). М., 1990. С. 323.
- 26 См.: *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С. 38–39.
- 27 Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 286.
- 28 Там же. С. 245.
- 29 Там же. С. 246, 285, 370.
- 30 *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С. 33–34.
- 31 *Суворин А.С.* Дневник. М., 1992. С. 404.
- 32 *Струве П.Б.* Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 31.
- 33 *Пивоваров Ю.С.* Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М., 2006. С. 103.
- 34 *Бялый Ю.* Звезда и смерть российской интеллигенции // Россия, XXI. 1997. № 5/6. С. 6–7.
- 35 *Лосев А.Ф.* Философия имени. М., 1990. С. 82–83.
- 36 Цит. по: *Кантор В.* Личность вопреки // Октябрь. 1998. № 4. С. 121.
- 37 *Бердяев Н.А.* Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: Интеллигенция в России: Сб. статей: 1909–1910. М., 1991. С. 24–25.
- 38 *Бердяев Н.А.* Духовный кризис интеллигенции. М., 1998. С. 11, 192.
- 39 *Кистяковский Б.А.* В защиту права (интеллигенция и правосознание) // Вехи... С. 113, 119.

В.Д. Зимина

- 40 *Струве П.Б.* Интеллигенция и революция // Там же. С. 143, 150–151.
- 41 *Франк Л. С.* Этика нигилизма // Там же. С. 156.
- 42 *Бердяев Н.А.* Духовный кризис интеллигенции. С. 94–96.
- 43 *Петрункевич И.И.* Интеллигенция и «Вехи» // Вехи... С. 210–211, 215.
- 44 *Милоков П.Н.* Интеллигенция и историческая традиция // Там же. С. 298–299, 314.
- 45 См.: *Овсянко-Куликовский Д.Н.* Психология русской интеллигенции // Там же. С. 382, 385.
- 46 См.: *Булдаков В.П.* Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007. С. 72.
- 47 *Вебер М.* Указ. соч. С. 54.
- 48 См.: *Бунин И.А.* Указ. соч. С. 670–671.
- 49 *Струве П.Б.* Указ. соч. С. 16.
- 50 Там же. С. 23.
- 51 *Кантор В.К.* Между произволом и свободой: К вопросу о русской ментальности. М., 2007. С. 218, 238.
- 52 *Станкевич В.Б.* Воспоминания: 1914–1919; *Ломоносов Ю.В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. М., 1994. С. 176.
- 53 *Хин-Гольдовская Р.М.* Из дневников: 1913–1917 // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 21. СПб., 1997. С. 572–573.
- 54 *Раскольников Ф.Ф.* Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990. С. 190.
- 55 *Митрополит Вениамин (Федченков).* Россия между верой и безверием. М., 2003. С. 246.
- 56 Цит. по: *Негретов П.И.* В.Г. Короленко: Летопись жизни и творчества: 1917–1921. М., 1990. С. 68.
- 57 Там же. С. 100.
- 58 См.: *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. М., 1980.

А.Л. Зверев

ВЛИЯНИЕ СОБЫТИЙНОГО КОНТЕКСТА НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СОЦИАЛИЗАЦИЮ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН*

Влияние событийного контекста на политическую социализацию граждан предполагает выделение различными поколениями ключевых событий, произошедших в стране, серьезно повлиявших на выработку ими собственной политической картины мира, определяющей их дальнейшее политическое поведение. Происходящие события могут репрезентироваться в массовом сознании либо как триумф той общности, к которой граждане принадлежат (как в случае с недавней победой России в конкурсе на право проведения XXII зимних Олимпийских игр), либо как неудачу, способную выработать у этой общности комплекс неполноценности (например, в ситуации распада СССР, воспринимавшегося бывшими советскими гражданами как супердержава и утрата вследствие распада страны гордости за то, что они жили в самом передовом в мире государстве), который обычно сопутствует всем фрустрационным процессам и обозначается в социально-политических науках как механизм «избранной травмы»¹. Он может возникать, когда некое событие заставляет группу почувствовать себя беспомощной жертвой другой группы, испытывающей унижение от обиды или причиненного вреда. Травмированная таким образом общность избирает путь психологизации и мифологизации «рокового» для нее события. Она как бы встраивает образ произошедшего события в основу своей идентификации, и сопутствовавшие этому событию чувства боли и позора передаются каждому участнику данной группы (нации) и транслируются из поколения в поколение в качестве маркера групповой (национальной) идентичности. И

* Статья подготовлена в рамках поддержки исследовательского гранта «Политическая социализация российских граждан в период трансформации» РФФИ № 05-06-80286-а.

с того момента, как реальная травма трансформировалась в «избранную травму», подлинные исторические факты перестают играть какую-либо роль – сохраняет свое значение лишь их психологическое преломление в качестве центрального стержня чувства групповой (национальной) общности.

Образ «избранной травмы» выдвигается на авансцену общественного внимания, подогревает этнические и национальные конфликты в социуме и делает эмоциональные проблемы, вынесенные из прошлого, столь же важными (а иногда и более важными), чем сегодняшние проблемы реального мира. Какое-либо событие превращается в групповую «избранную травму» в том случае, если группа оказывается не в состоянии оплакать его адаптивным образом. Она может быть для этого слишком униженной, слишком разъяренной или слишком беспомощной. Результатом станет отсутствие у нее воли к решению проблемы на основе компромисса, например уступки какой-либо территории «врагу». Неспособность оплакать травму переходит от поколения к поколению. Однако последующее поколение сознательно или неосознанно желает исправить сделанное их предками и тем самым освободить себя от униженности, ставшей частью их идентичности.

Другой механизм репрезентации событийного контекста может проявиться в форме «избранной славы», знаменующей некое историческое событие, связанное с триумфом народа над его общим «врагом». Данное событие также мифологизировано и преломляется в национальной психологии социума в сугубо героический образ. Тем самым оно становится мощным фактором повышения группового самоуважения и стержнем для формирования групповой (национальной) идентичности.

По мнению А. Оболонского, феномен «избранной травмы» наглядно проявился в событийном контексте, обозначившем отношение россиян к Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.² Травма, вызванная той жертвой, которую социум принес на алтарь победы, была настолько велика, что первые полтора-два десятилетия после войны о ней даже сравнительно мало содержательного говорили и писали. Очевидно, что войну старались забыть и вытеснить ее из сознания. Даже день Великой Победы в середине 1940 – начале 1960-х годов не был официальным праздничным днем в СССР. Оплакать эту травму адаптивным способом и в итоге погасить, принять ее, было тогда невозможно. Процесс адаптивного оплакивания активно начался лишь с середины 1960-х годов, когда в 1965 г. этот день стал не просто днем Великой Победы, но и днем памяти о тех, кто не вернулся с фронтов Великой Отечест-

венной войны, и процесс этот продолжается до сих пор. В нашей общественной жизни последних двадцати доперестроечных лет оплакивание военной травмы было, по мнению А. Оболонского, единственной искренней, не фальшивой мелодией, объединявшей и поддерживавшей идентичность всего социума. В ситуации, когда социум испытывал серьезный когнитивный диссонанс от тех ожиданий, которые провозглашали тогда политические элиты страны, но все время по какой-либо причине не реализовавшихся, в советском обществе начинало формироваться чувство глубокой внутренней неудовлетворенности реалиями его жизни, именно событийный контекст Великой Отечественной войны оставался коммуникативным фреймом с высоким уровнем доверия большинства советских людей.

Вторым событийным контекстом, репрезентирующимся в массовом сознании через феномен «избранной травмы», А. Оболонский считает мифологизированный образ революции и Гражданской войны. Он полагал, что «магнитным силовым полем, стягивающим эту общность воедино, стали не столько кровавые события 1917–1921 гг., сколько обусловленное их итогами сознание общей судьбы всех людей, живущих на этой территории. Так что, несмотря на химеричность понятия “советский человек”, оно тем не менее имело для ряда поколений вполне осязаемое реальное содержание»².

В последнее время травма от потерь в Великой Отечественной войне потускнела и превратилась в символ, подпитывающий механизм «избранной славы», являющейся потенциальным идентификационным ресурсом для формирования новой модели общегосударственной идентичности России. При этом революционная травма драматически трансформировалась в нашем обществе: отношение к тем событиям в широких слоях общественности стало противоречивым, превратившись в фактор дезинтеграции, поляризации людей, создающей новые внутринациональные группы «мы – они» вместо того, чтобы поддерживать монолит нации, как это было раньше.

Как видим, событийный контекст в коммуникативном пространстве российского социума оказывает серьезное влияние на выработку отношения граждан к своей истории и к тем политическим акторам, которые пытаются реконструировать собственные репрезентации произошедших событий в стране, актуализирующиеся в их политической риторике в рамках разных политических кампаний. Иными словами, событийный контекст может наложить отпечаток не только на процесс выработки политических предпочтений граждан и их ориентаций

в политике, но и служить опорой для выработки политической картины мира отдельных личностей и целых групп в социуме, формируемой в ходе их политической социализации.

Кроме того, событийный контекст репрезентируется в зависимости от того, в какое время человек родился и рос, накладывая отпечаток на его отношение к тем событиям, с которыми он сталкивался во время своей социализации. Следовательно, данные события, свидетелем которого стал этот человек во время своего взросления, самым прямым образом могут повлиять на его первичную и вторичную политическую социализацию. А это, в свою очередь, может наложить отпечаток на процесс принятия данным индивиду того или иного политического решения.

Таким образом, влияние событийного контекста на политическую социализацию граждан можно научно интерпретировать через теорию перспективы, которая подразделяет процесс принятия политических решений гражданами на два этапа: 1) подготовка вариантов политического выбора; 2) их оценка. При прохождении этапа подготовки огромное значение имеют «эффекты обрамления» (фрейминг), т. е. способ представления альтернатив, связанный с порядком и средствами репрезентации рассматриваемых вариантов. Воздействие фрейминга на формирование вариантов выбора может осуществляться как за счет изменения формы подачи материала, так и с помощью манипулирования важностью альтернатив. При рассмотрении этого эффекта обычно делается акцент на его манипулятивной стороне, т. е. на влиянии на выбор способа представления альтернатив. Такой подход подразумевает, что альтернативы уже сформулированы и предложены субъекту принятия решений. Однако на практике конструированием альтернатив и оценочной точки, как правило, занимается сам актер. Кроме того, нередко принимается во внимание лишь один из возможных вариантов решения проблемы. Поэтому предпочтительней будет термин «рамочное видение», обозначающий используемый субъектом способ определения содержания проблемы, а также той точки, относительно которой происходит оценка возможных потерь или выгод, ассоциирующихся с данной проблемой.

«Рамочное видение» является отправной точкой в решении определения события, которое в наибольшей степени повлияло на поколение. Данное понятие показывает, что когда происходит какое-либо событие, то альтернативы уже сформулированы и предложены, поэтому индивиду остается лишь сделать правильный выбор. Иначе говоря, происходит манипуляция сознанием индивида, событие показывает, как ему нужно поступить. Исходя из

этого, индивид принимает правильные либо неправильные решения под воздействием событий, с которыми он сталкивается в повседневной жизни. Некоторые события могут проецироваться на всю политическую картину мира. Всегда есть какая-то альтернатива, которая помогает действовать, а за ней уже может следовать и перспектива, как правило, это перспектива, которая может осуществиться в будущем. Здесь можно привести пример того, как избиратели и граждане верили в только что выбранного первого президента РФ – Б.Н. Ельцина, возлагали на него свои надежды, верили в светлое будущее страны, в то, что в силах тогдашнего президента все изменить к лучшему. К сожалению, их надежды не оправдались, что в конечном итоге привело к разочарованию и кризису доверия ко всем властным институтам постсоветской России.

Вывод о том, что субъективные факторы сами по себе, независимо от объективных обстоятельств, влияют на оформление «рамочного видения» проблемы, согласуется с тезисом Д. Канемана и А. Тверски о детерминации оценочной точки воображаемыми событиями³. Исследователи, изучающие процесс принятия политических решений в рамках конструктивистской парадигмы, подчеркивают значение идентичности при выстраивании политической реальности. Так, Т. Хопф предполагает, что идентичность индивида выступает в качестве эвристики, с помощью которой он осуществляет обработку информации⁴. Развивая данную мысль, можно предположить, что оформление проблемы в сознании субъекта принятия решений также осуществляется в контексте его идентичности. Это говорит о том, что когда индивид сталкивается с какой-то проблемой, то он поступает так, как он считает нужным. В этой ситуации он исходит из своих ценностей и жизненных ориентиров. То же самое можно сказать и о событиях. Когда индивид сталкивается с каким-либо событием, то он реагирует на него так, как многие из его поколения, так как они объединены общими проблемами и, главное, возрастом. Событие не может оказать одинаковое влияние на разные поколения. Всегда интенсивность влияния будет варьироваться.

Реальная ситуация дает индивидам, принимающим политические решения, недостаточные и часто незначительные ориентиры. В связи с этим взаимодействия субъектов политической коммуникации фактически представляют собою функцию когнитивных характеристик личностных качеств участников политического процесса.

Родоначальником когнитивного подхода следует считать Г. Саймона⁵. Он использует когнитивный подход, связанный с изучением способов получения знаний и переработки информа-

ции для рационального обоснования решений. Г. Саймон выделяет в качестве базовых когнитивные механизмы, рациональное использование которых повышает эффективность принятия решений. В центре когнитивистской модели стоят определение и структурирование проблемы, сбор и переработка данных о произошедшем событии, формулирование и выбор путей преодоления последствий, вызванных данным событием. При этом рассмотренный теоретический конструкт опирается на прагматическую концепцию «разрешения проблем» профессора Чикагского университета США Джона Дьюи.

Исходя из указанных теоретических представлений восприятия влияния событийного контекста на политическую социализацию граждан, в этой статье предпринимается попытка рассмотрения места и роли событийного контекста в выработке содержательной модели политической социализации граждан постсоветской России.

В проведенном исследовании были выделены политические события, так или иначе повлиявшие на ход политической социализации российских граждан в последние два десятилетия истории нашей страны. Эти события были сопряжены с деятельностью двух главных властных персон страны, которые своими политическими решениями повлияли на жизнь граждан, ставших, в свою очередь, участниками политических и экономических событий, определивших всю хронологическую архитектуру периода распада советской политической системы и направление векторов строительства новой постсоветской политической системы – Российской Федерации. Этими персонами стали М.С. Горбачев и Б.Н. Ельцин. Анализ событийного контекста именно этих политических персон объясняется тем, что события, связанные с распадом СССР, в которых активное участие приняли М.С. Горбачев и Б.Н. Ельцин, стали тем коммуникативным фреймом, который значительно повлиял на существовавшую в массовом сознании тогда еще советского человека политическую картину мира, в связи с чем многие тогда вынуждены были пережить политическую ресоциализацию, адаптируя прежние свои политические представления к изменившимся политическим реалиям, сложившимся в стране после распада СССР.

Событиями, серьезно повлиявшими на политическую картину мира граждан, стали следующие моменты в постсоветской истории современной России:

- путч (август 1991 г.);
- Беловежские соглашения, распад СССР и создание СНГ (1991 г.);

- начало ваучерной приватизации, либерализация цен (1992 г.);
- октябрьские события и выборы в Государственную думу РФ (1993 г.);
- начало первой чеченской войны (1994 г.);
- президентские выборы: победа Б. Ельцина (1996 г.);
- начало продолжительной смены правительств, августовский экономический кризис (1998 г.);
- выборы в Государственную думу РФ; добровольная отставка первого президента России Б.Н. Ельцина (1999 г.).

Перечень всех этих событий в большой степени можно отнести к так называемой эпохе Ельцина. Б.Н. Ельцин является не только первым президентом России, но и знаменует собой целую эпоху в истории нашей страны. Он не только был участником переломных моментов, но и активным их создателем. Отношение к нему со стороны рядовых граждан на протяжении десятилетия менялось: от нежной любви и безоговорочной поддержки до лютой ненависти, но чего никогда не было, так это равнодушия. Вне зависимости от отношения практически все считают его яркой и сильной личностью, которая способна была сама формировать политические события. Недаром отечественные СМИ за ним закрепили устойчивое выражение – «царь Борис». Ельцинский период характеризовался глобальными трансформациями для нашей страны. Представления о политиках и политике формировались на фоне распада СССР, становления новых государств и различных союзов, локальных войн и межнациональных конфликтов, роста числа криминальных структур и коррупции, безработицы, массового обнищания и утраты веры в собственную страну. Период власти Б.Н. Ельцина характеризовался как «развал страны, безвластие, беспредел, анархия и расхищение государственной собственности»⁶. Первоначально это время связывалось гражданами с надеждой на лучшее, так как к власти пришел молодой и энергичный политик, но, к сожалению, эти «розовые» мечты быстро рассеялись и превратились в жестокую реальность, которая ознаменовалась откровенным беспределом во всех сферах жизни общества. Поэтому событийный контекст этого промежутка времени наложил неизгладимый отпечаток на жизни всех поколений граждан России.

Само исследование, касающееся проблемы, освещаемой в данной статье, проводилось кафедрой политической психологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством Е.Б. Шестопал в ноябре–декабре 2006 г. в г. Москве и ряде российских регионов, а также в столицах некоторых го-

А.Л. Зверев

сударств СНГ. Для выявления особенностей политической социализации респондентов были выделены три возрастные категории (молодежь, средний возраст и старшее поколение). В исследовании применялся метод глубинного интервью.

Целью исследования был анализ событийного контекста, оказавшего значительное влияние на формирование политических представлений указанных поколений.

Задачи исследования состояли: а) в определении специфики политической социализации в различных поколенческих совокупностях; б) в выявлении событийного контекста, оказавшего влияние на политическую социализацию этих поколений; в) в определении современных политических представлений, сформированных благодаря произошедшим важным политическим событиям в нашей стране.

В ходе исследования было проведено 190 глубинных интервью в трех возрастных категориях: молодежь – 14–22 года и 23–30 лет (70 интервью); средний возраст – 31–45 лет (60 интервью); старшее поколение: 46–60 и 60+ лет (60 интервью). В категориях «молодежь» и «старшее поколение» было двойное разделение исследовательских групп: 14–22 года и 23–30 лет; 46–60 и 60+ лет. Подобное разделение респондентов в более узкие возрастные фреймы представлялось целесообразным для того, чтобы посмотреть, как изменялось восприятие исследуемых политических событий в поколениях, разница между которыми составляла 5–10 лет.

Выбор метода в пользу глубинного интервью был нацелен на выявление осознаваемого характера политической социализации респондента.

- Первый блок «Политическая социализация и ресоциализация» был нацелен на получение информации об особенностях политической социализации респондентов: какое представление о политической власти было в семье, какие были детские представления о политической власти, какое отношение было к тогдашним политическим лидерам страны, какова была вера в нашу страну.
- Второй блок «Вторичная политическая социализация» рассматривает вопросы вторичной политической социализации респондентов: какие представления были у них в школьные годы, какие политические события и кто из персон данных событий смог на них повлиять при выборе собственных политических предпочтений.
- Третий блок «Политическая ресоциализация» посвящен вопросам из прошлого: какие представления о политической власти были раньше у респондентов, как оценивали

политические события периода правления М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина, повлияли ли эти события на переоценку существовавших ранее политических представлений респондентов.

Политическая социализация молодежи (14–30 лет)

В исследовании было выявлено, что респонденты весьма аполитичны и редко обращаются к анализу политического процесса в рамках просмотра политических новостей по телевидению, в периодической печати и Интернет-ресурсах. Очень редко встречались респонденты, которые точно обозначили бы свое отношение к тем или иным событиям политической жизни. По ходу исследования обозначилась тенденция влияния мнения родителей как на степень информированности респондентов о сложившемся политическом событийном контексте, прежде всего в период детства интервьюируемых, так и на формирование определенной их точки зрения на политический процесс. Респондентами было отмечено, что мнение родителей, по сути, являлось исключительно авторитетным для них и транслировалось взрослыми в дальнейшем, вплоть до выработки своей позиции респондентом.

В то же время школьное образование, коммуникации в рамках школы вряд ли повлияли, по мнению респондентов, на их политические представления о сложившихся политических реалиях. Отмечая, что учителя, безусловно, должны были транслировать свое политическое мировоззрение и позицию по отношению к политическому процессу и его лидерам, но зачастую учителя сами не могли определить своего отношения к событиям, связанным с перестройкой и постсоветским политическим событийным контекстом. К тому же ввиду отсутствия коммуникации на политические темы в стенах школы респонденты поставили под сомнение сам факт влияния одноклассников и учителей на выработку ими политического отношения к происходящим политическим процессам в стране. Также респонденты не склонны к выработке собственной политической позиции, они зачастую ссылаются на точку зрения либо своих родителей, либо СМИ.

В период первичной политической социализации (в некоторых случаях и вторичной) большее влияние на респондентов оказали политические события, такие как перестройка, распад

А.Л. Зверев

СССР, путч в августе 1991 г., экономический дефолт 1998 г. и др., но влияние, оказанное этими событиями по большей части отразилось на респондентах не напрямую, а через резонанс в обществе, т. е. через процесс обывательского обсуждения того, с чем сталкивалась в те годы общественность: инфляция, нехватка продуктов, трудное денежное положение и т. д. Иначе говоря, акцент в оценке общественности сместился на негативные факторы, связанные с происходившими в стране социально-экономическими процессами, что, на наш взгляд, и обусловило современные политические ориентации молодежи, выраженные в форме политической апатии и разочарованности в отношении возможности влияния на политический процесс индивидуального политического мнения респондента. Другое дело, что для некоторых представителей молодежи политика постепенно становится частью бизнеса, в котором можно сделать быструю профессиональную карьеру. Именно этим можно объяснить тот парадокс, что при общем слабом интересе молодежи к политике, которая никак пока не касается жизненных интересов данного поколения социума, все больше молодых людей стремятся в реальную политику, создавая появившиеся в последнее время многочисленные молодежные организации, стремящиеся проявить свою политическую окраску («Наши», «Местные», «ДА!» и др.).

Несмотря на столь сложный процесс формирования политической социализации в условиях постоянно меняющейся политической ситуации и частой смены политических ценностей и идеалов в обществе, определенные политические ценности все же остались неизменными. Так, почти все наши респонденты придерживаются достаточно умеренных политических позиций (есть, правда, среди опрошенных и приверженцы социалистических идей), признают необходимость выборов и демократии, упоминают одинаковые или сходные позитивные моменты русской истории, которые, по их мнению, служат предметом гордости (к примеру, победа в Великой Отечественной войне). Также большинство респондентов осознают и подчеркивают свою индивидуальность и незаменимость, стремятся к управлению своей жизнью.

Важно отметить, что жизнь респондентов в социокультурном и политическом пространстве меняла свой вектор движения. Многими из них было отмечено серьезное влияние на политическое восприятие имеющихся реалий экономического развития страны в контексте приватизационных и иных рыночных процессов 1990-х годов, влияние экономического кризиса 1998 г. на положение их семьи. В то же время сама политическая жизнь рас-

смачивается ими, исходя из двух позиций. Прежде всего, это развитие демократических принципов, эволюция прав и свобод человека, а также реализация тех или иных возможностей для членов их семьи. С другой стороны, в событийном контексте политической преемственности многие респонденты отмечали, что политическая ситуация 1990-х годов являлась своеобразным продолжением политики перестройки; в то время как политический событийный контекст сегодня отличается своеобразным отходом как от либеральных ценностей предшествующего политического этапа, так и от демократического пути развития и сосредоточением авторитарной власти в руках президента. Тем самым можно отметить, что политический событийный контекст 1990-х годов оценивается весьма положительно, в то время как нынешние политические реалии видятся ими кризисными и далекими от их политических представлений об идеальном государстве, схожем с прототипом государства западной демократии.

1. *Абрамов Андрей, 25 лет, г. Краснодар: «Я вполне положительно оцениваю период становления государственности после распада СССР и различные попытки внедрения демократических принципов в наш политический процесс. Это было весьма логичное продолжение своеобразной политики перестройки».*

В рамках событийного анализа нельзя не отметить, что в ходе интервью сами события артикулируются не так уж часто. В данном контексте чаще всего упоминаются события, связанные с Беловежскими соглашениями, события осени 1993 г., президентские выборы 1996 г., война в Чечне, а также экономический дефолт августа 1998 г.

2. *Голиков Денис, 24 года, г. Минск: «События 90-х были богаты. Страна двигалась по пути становления демократии и давала весьма большие сбои. Запомнились многие скандалы, итоги приватизации, ваучернизация, выборы».*

3. *Дмитрий Романов, 21 год, г. Ногинск: «Это, наверно, кампания в Чечне, выходки пьяного Ельцина, как он Курилы японцам с пьяни пообещал, а те обрадовались».*

4. *Швецова Элла, 28 лет, г. Ногинск: «С Горбачевым связывали большие надежды, которые не оправдались. Развал Союза я ему простить не могу. Социально-экономическое положение неустойчивое. Да».*

Таким образом, молодежь больше обращала внимание на какие-то скандальные события или на те события, которые их коснулись в реальной жизни (инфляцию, нехватку продуктов, трудное социально-экономическое положение семьи респондента).

А.Л. Зверев

Подводя итоги этой части исследования, хотелось бы отметить, что, так или иначе, все респонденты оперировали понятиями демократических принципов устройства политической жизни страны, ссылались на те или иные политические события, происходившие в последние два десятилетия в России. За таким поверхностным взглядом на отечественные политические процессы стоят заученные фразы и образы, которые респонденты получили из новостей СМИ или других источников (например, учебников по истории и обществоведению). Нельзя не отметить крайнюю аполитичность молодежи и незаинтересованность в конкретных деталях происходящих политических процессов, которые непосредственно их затрагивают. Отдельные воспоминания из детства об устройстве российской политической системы скорее носили поверхностный характер и больше напоминали изложение уже отработанных сознанием личности фактов. В целом можно констатировать, что нынешнее поколение все меньше интересуется политикой, о чем может свидетельствовать отсутствие самого желания не только так или иначе касаться политического процесса, но и принимать в нем участие, если, конечно, это не форма организации собственной профессиональной карьеры, что подтверждается неверием молодых респондентов в возможность своего влияния на политические процессы в российском обществе.

Политическая социализация граждан среднего возраста (31–45 лет)

В данной возрастной категории представлены люди среднего поколения от 31 до 45 лет. Проанализировав интервью с ними, можно говорить о том, что их ответы перекликались с ответами людей, принадлежащих к категории лиц от 23 до 30 лет. Внимание было обращено на самые яркие события, а именно: экономический дефолт 1998 г., путч 1991 г., война в Чечне, события осени 1993 г., приватизация. Хотелось бы также отметить, что данная возрастная категория людей лучше информирована о внутренней и внешней политике страны, состоянии дел в международных отношениях. Многие из респондентов испытывают интерес к политике. Тем не менее они отмечают рост в стране в те годы криминала, бандитизма и коррупции.

1. Кузина Марина Игоревна, 45 лет, г. Москва: «Я считаю, что это был самый страшный режим за все времена. Потому что бандитизм поднял голову. Именно страшно было и жутко. Путч запомнился – отрицательно отно-

шусь. Война в Чечне – самый кошмар. Развязал войну в Чечне. А политикой, конечно, интересовалась».

Хотя общая тональность оценок респондентов периода правления Б.Н. Ельцина резко негативная, все же некоторые интервьюируемые отмечают, что изначально все складывалось весьма позитивно и первый президент России действительно старался делать все возможное на благо народа и страны. Но затем его увлечение алкоголем и, как следствие, все больший уход от практических каждодневных государственных дел привели к мнению граждан о том, что Б.Н. Ельцин уже не управлял государством, а «просто правил». Так, практически половина интервьюируемых отметила с негодованием, что была просто шокирована, обескуражена, расстроена и испытывала чувство стыда за своего президента, когда он позволял вести себя крайне недостойно, неинтеллигентно, некультурно, появляясь в общественных местах в нетрезвом виде.

2. Плотников Евгений Юрьевич, 44 года, г. Москва: «Опять то же самое... надежда и т. д., но было интересно, а впоследствии просто стыдно и обидно за Россию наблюдать вечно подпитого президента, не знающего ни правил этикета, ни элементарно иностранного языка».

Также следует отметить, что все те события, которые происходили в данное время в нашей стране, определяются нашими респондентами одним четким и емким понятием – БЕСПРЕДЕЛ, который творился везде, где ложно были истолкованы ценности демократической системы.

3. Ляпин Александр Сергеевич, 45 лет, г. Москва: «Режим был крайне демократическим. Вот если у слова “демократия” может быть плохое значение, вот во времена правления Ельцина это значение воплотилось в жизнь. Слишком много свободы для всех, безнаказанность, беспредел. Запомнился мне путч, неприличное и вызывающее поведение президента за границей, неудачное проведение экономических реформ. Политикой очень интересовался».

4. Рябцев Александр Анатольевич, 41 год, г. Москва: «Полный беспредел. Замена государства анархией и гражданской войной. Реформ практически не было. Чтобы государство не мешало, можно было договориться на любом уровне!»

Сама политическая социализация представителей среднего поколения проходила несколько этапов. На первом этапе на политические представления данного поколения значительное влияние оказали родители, которые придерживались во многом

А.Л. Зверев

коммунистических взглядов. Вторичная политическая социализация этого поколения проходила через школу, в организациях пионерии и комсомола, где прививалась также советская политическая картина мира. Первоначально люди среднего поколения искренне верили в то, чему их учили, их мнения практически полностью совпадали с мнениями их родителей и учителей. Однако в дальнейшем влияние этих агентов социализации было полностью сведено на нет происходившими в стране глубинными трансформациями, поставившими под сомнение идеалы, которые ранее транслировали родители и учителя.

В период политической ресоциализации представители среднего поколения наших граждан были вынуждены адаптировать свой накопленный опыт к новой политической реальности. Происходившие перемены в стране первоначально они восприняли с надеждой на то, что их жизнь может резко улучшиться и они смогут жить «так же, как живут люди на Западе». Однако вскоре их постигло разочарование, когда вместо улучшения жизненного уровня они стали жить после проведения радикальных экономических реформ гораздо хуже, чем они жили в советское время. Поэтому результат процесса политической ресоциализации для многих представителей среднего поколения оказался неудачным, что в итоге привело к формированию «изломанного поколения», которое не верит в ценности коммунизма, однако не может принять и демократические ценности. Для них характерна запаздывающая модель модернизации, и они не могут воспроизводить в среде своей семьи социализацию молодежи на основе ценностей демократии.

Тем не менее данная категория граждан оказалась более осведомленной, чем молодое поколение, в отношении сложившегося современного политического событийного контекста, поэтому их внимание в полученных нами ответах было обращено непосредственно на политические события последних десятилетий, оказавших также большое влияние на становление их политической картины мира, как и на молодежь: экономический дефолт 1998 г., путч 1991 г., война в Чечне, события осени 1993 г., приватизация государственной собственности частными лицами.

Политическая социализация граждан старшего поколения (46–60 лет и 60+)

В рамках данного поколения наблюдается полное единодушие бывших советских граждан в собственных политических представлениях и всеобщее восторженное отношение к полити-

ческим лидерам СССР, поддержка выдвинутых тогда идеологических лозунгов. Особенно заметно обозначенная тенденция проявляется у тех представителей данного поколения, кому за 60, политическая социализация которых пришлась на сталинскую эпоху, когда идеологический контроль над умами граждан был очень силен.

У большинства представителей старшего поколения образ родной страны в годы их советской жизни был примерно одинаковым и однозначно позитивным. Необходимо отметить, что для людей старше 60 лет изменение взглядов по отношению к советской власти менее характерно, в то время как люди в возрасте от 46 до 60 лет, в меньшей степени подвергнутые в свое время идеологической политической социализации, менее болезненно восприняли глубинные перемены в стране и большинство из них постарались пересмотреть собственные советские идеалы, а некоторые и вовсе не хотели бы возвращаться назад в советское прошлое.

По отношению к эпохе М.С. Горбачева большинство представителей старшего поколения не испытывают, каким бы странным это ни показалось, сильных отрицательных эмоций. Реформы М.С. Горбачева рассматриваются большинством из них как шаг вперед, и многие вспоминают этот период как эпоху надежд и веру в благоприятные перемены в стране, часть из которых достигнута только сегодня, но толчком к этому, как полагает данная поколенческая группа интервьюируемых, дала перестройка, инициированная единственным президентом СССР. Тем не менее многие представители этого поколения ностальгируют по своей жизни в СССР, но ответственность за распад этого государства возлагают не на президента СССР М.С. Горбачева, а на Б.Н. Ельцина, который в «своей жажде власти не остановился бы ни перед чем, так как именно он в Беловежской пуще положил конец СССР».

Саму эпоху Б.Н. Ельцина часть представителей старшего поколения встретили с надеждой на обновление и демократизацию страны. Часть из них (особенно пожилые люди, после 60 лет) сразу восприняли фигуру первого российского президента негативно как человека, развалившего Советский Союз. Однако конечный результат политики Б.Н. Ельцина – обеднение значительной части населения, инфляция, ваучеризация, беспредел, дефолт, война в Чечне, концентрация власти и ресурсов у узкого круга лиц, тесная связь власти с полукриминальным бизнесом – настроил против него значительное число интервьюируемых. Режим Б.Н. Ельцина они охарактеризовали как грабительский,

дикий капитализм, а власть была названа бездумной, бюрократической и не заботящейся о нуждах населения.

1. *Грипекина Людмила Константиновна, 54 года, г. Златоуст Челябинской области: «Ельцина поначалу оценивала позитивно. Была надежда на установление истинной демократии. Но был установлен ненормальный, нецивилизованный капитализм, материальное положение ухудшилось. Больше всего запомнился расстрел парламента в октябре 1993 г.».*
2. *Нозик Елена Юрьевна, 49 лет, г. Махачкала, Дагестан: «Ельцин – слабый, беспомощный человек, не лидер, им манипулировали другие: олигархи и криминальные круги. Установился режим криминального капитализма. Больше всего запомнился дефолт 1998 г., расстрел парламента в 1993 г., война в Чечне».*

Здесь видение старшего поколения пересекается с видением молодежи. У тех и у других превалирует одинаковая точка зрения, которая, судя по всему, была получена молодым поколением в ходе семейной социализации.

Проблема адаптации политических ценностей представителей старшего поколения к сегодняшним реалиям жизни наиболее актуальна для него. Воспитанные в другой социальной среде, на иных социальных стереотипах и моделях поведения, они испытывали значительные трудности на новом этапе социализации, которая уже проходила в совершенно иных коммуникативных рамках, что приводило к отсутствию готовых образцов поведения в новом постсоветском обществе. Столкнувшись с подобным идентификационным кризисом, индивид вынужден был либо повышать собственную активность по поиску новых путей решения возникших проблем, либо впадал в апатию, что влекло за собой резкое неприятие новых социально-экономических условий в стране и появление ностальгии по советскому прошлому.

Для молодых людей, которые достаточно гибки и адаптивны, подобные процессы протекали менее заметно и менее болезненно. Старшее поколение (старше 60), напротив, не в состоянии быстро приспособиться к новым веяниям эпохи, которая к тому же востребует активную, деятельную личность. Поэтому резкая критика нынешней политической власти и ее реформ, разрушивших прежний уклад их жизни и пока до конца не сумевшей обеспечить стабильные рамки восприятия происходящего и уверенности в завтрашнем дне, может быть интерпретирована как своеобразный способ психологической защиты старшего поколения, требующий подобным образом обратить внимание на их нужды и потребности.

Проведенный поколенческий анализ дает следующую картину: на формирование отношения респондентов старшего возраста к современному политическому событийному контексту повлияли события, связанные с процессами перестройки, приватизации и либерализации цен, в то время как молодое поколение в качестве примера таких событий приводит расстрел парламента вооруженными силами России в 1993 г. как силовую модель решения политических конфликтов. Может быть, этим объясняется высокий уровень доверия к нынешнему президенту страны, который воспринимается молодежью как сильная волевая политическая фигура, способная решить любые возникающие противоречия в политической коммуникации с другими политическими акторами в свою пользу. Причем оценка 90% опрошенных молодых респондентов показывает, что политическая власть ельцинского периода и политическое устройство страны мало чем отличаются от сегодняшней политической ситуации в России (разница состоит при этом не в смысловом, а лишь в эмоциональном характере), нынешние реформы воспринимаются ими как позитивные по провозглашаемым целям, но как негативные (очень редко – нейтральные) по результатам.

Таким образом, у старшего поколения была сформирована советская идентичность в ходе прошедшей советской политической социализации. Эта идентичность вырабатывалась в семье и школе, в пионерской и комсомольской организации, в партии, создавалась отечественными СМИ и в рабочем коллективе. В результате был создан прочный каркас, стягивающий элементы структуры советской идентичности, которую сложно было разрушить. К тому же процесс политической ресоциализации был затруднен возрастом поколения, когда оно уже не было готово к быстрой политической модернизации. Большинство представителей старшего поколения сегодня живут, опираясь на свои ригидные стереотипы, которые были сформированы в советское время, из-за чего испытывают ностальгию по СССР, где они имели устойчивое материальное положение и достойное место в обществе.

Событийный контекст в политической социализации поколений

В современной России наблюдается так называемый «разорванный тип массового сознания», в котором представлены соответствующие сегменты молодежи, среднего и старшего поколения. У каждого из этих поколений есть свои политические

представления и ценности, часто противоречащие друг другу. Хотя иногда некоторые политические ценности и представления о политических событиях в стране пересекаются. В целом политическая социализация и ресоциализация проходит сложно у всех поколений. Адаптация к новым политическим реалиям в условиях личностного идентификационного кризиса проходит медленно и болезненно. Должно пройти много времени, прежде чем все три поколения смогут адаптироваться к сложившейся ситуации в стране и жить в гармонии друг с другом.

Представители молодежи во многом оказываются под влиянием своих родителей, которые, в свою очередь, воздействуют на процесс обретения этим поколением собственной политической идентичности. Одновременно молодежь проходит трудный этап социализации к жизни в обществе, а к политике и вовсе зачастую испытывает безразличие. В большей степени молодые люди живут сегодняшним днем, как правило, не заглядывают в будущее, а тем более в прошлое, когда в стране происходили грандиозные политические события, когда они сами были еще в несознательном возрасте, чтобы это все четко осознавать, понимать и принимать взвешенные решения.

У среднего поколения политическая ресоциализация прошла не совсем успешно. Потеряв собственную идентичность, базировавшуюся на советской модели идентичности (или вовсе не имея никакой), новую так и не обрели. Данное поколение вообще находится в подвешенном состоянии: они еще «не успели привыкнуть к старому, как уже все новое появилось». Это состояние в «невесомости» накладывает определенный отпечаток на репрезентацию политического событийного контекста у данного поколения.

Представители старшего поколения оказались в самой сложной ситуации в процессе политической ресоциализации, который был серьезно затруднен сформировавшейся ранее у них советской моделью идентичности. Пожилые люди с давно сложившимися устоями и жизненными принципами, которые приходится адаптировать к новой и сложной пока для них коммуникативной среде политики, скорее всего так и останутся островком хранения прежнего советского опыта, который, судя по современному политическому событийному контексту, еще не раз будет востребован.

Если рассматривать все эти три поколения в сравнении друг с другом, то можно говорить о проблеме «отцов и детей» (это представители молодежи и старшего поколения) и о поколении среднего возраста как стабилизирующей прослойке между ними.

Представители молодежи и старшего поколения являются, по сути, антагонистами, а представители среднего поколения стоят отдельно, являясь своеобразным центром на фоне радикальных краев (старшее поколение призывает вернуть все прошлые завоевания страны и молодое поколение, стремящееся ко всему новому, в том числе и к транслируемым извне западным ценностям жизни). Хотя нельзя не сказать о том, что представители среднего возраста более тяготеют и тянутся к представителям молодежи, нежели к представителям старшего поколения. У них сходные взгляды на некоторые происходящие в стране политические события, в то время как между представителями молодежи и старшего поколения имеется существенное недопонимание. Старшее поколение – это люди, умудренные опытом, прошедшие через многие трудности и потери, во многом из-за этого они по-иному смотрят на происходящие политические события, выражая негативную реакцию на оценки молодежи современной политики. Как правило, мотивация таких реакций примерно одна и та же: «Они не жили в наше время, они не испытывали лишений, поэтому не знают жизни». Молодое поколение было вынуждено принять те принципы и ценности, которые актуальны сейчас, так как много социального и политического опыта у них просто нет, и оно сейчас проходит разные этапы своей политической социализации. Этому поколению сложно адаптироваться к нынешним политическим реалиям из-за отсутствия опыта адаптации как такового. Именно от того, как сумеет адаптироваться молодежь к современным реалиям жизни, зависит и будущее всей России. Среднее поколение прагматичнее, чем молодежь, а отдельные его представители – даже циничны. Имея уже опыт адаптации к происходящим изменениям в стране на предыдущих этапах своего развития, это поколение должно либо принять новые, порой жесткие, «правила игры», либо их отвергнуть. Те, кто успешнее и оперативнее принял данные правила, стали «новыми русскими», а те, кто не пожелал играть по жестким, циничным правилам новой эпохи, так и остались «старыми русскими».

Подобные различные траектории политической социализации разных поколений российского социума приводят к мысли о том, что важным критерием выделения общности людей в нынешней социальной структуре нашего общества является не возрастная принадлежность к поколению, а отношение к политическому событию, оказавшему сильное влияние на это поколение. Подобное выделение «поколений» есть конструкт, появляющийся в сознании исследователя в некой своеобразной «равнодействующей», выражающей согласие между приписываемым статусом

А.Л. Зверев

важности целому кругу явлений как для респондента, представителя общественности, так и для самого исследователя. В таком случае задача по определению поколения превращается в уравнение, где определяемой величиной являются индивиды – те, кто к этому поколению принадлежит, а определяющими величинами – события, оказавшие влияние на них.

События, которые в отдельности повлияли
на выработку политических представлений
во всех трех изученных поколениях

Молодежь (14–30 лет)

Молодое поколение наиболее обеспокоено событиями, связанными с Чеченской войной. Это можно объяснить тем, что молодежь беспокоится за себя и за своих близких, которых могут отправить в «горячую точку», где высока вероятность их гибели. Поэтому респонденты, которые говорят об этих событиях и о возможности самим попасть в зону боевых действий, выражают намерения всеми правдами и неправдами отклониться от службы в армии, чтобы не стать инвалидами после возвращения из вооруженных сил.

Также молодые люди в своих интервью обращали внимание на олигархические структуры, которые, по их мнению, оказывали существенное влияние в недалеком прошлом на президента страны и властные органы. Поэтому они поддерживают В.В. Путина в его борьбе с олигархами, полагая, что олигархи грабят государство и разворовывают его богатства. Ведь в годы правления Б.Н. Ельцина именно олигархи, по мнению молодежи, были той группой людей, которая держала под контролем все рычаги власти в стране.

Поколение среднего возраста (31–45 лет)

Это поколение также затронули все вышеперечисленные политические события. Однако следует отметить, что эти респонденты были больше обеспокоены не самими событиями, а тем, какое они влияние оказывают на имидж страны. В качестве примера они приводят некультурное и невменяемое поведение первого президента РФ, постоянно появлявшегося на публике в нетрезвом виде. Из этого они делали вывод, что иностранцы, видя подобное поведение президента страны, считают всех ее гражд-

дан пьяницами. Именно такой имидж нашей страны, по мнению респондентов, сложился у иностранцев. По этому поводу они постоянно испытывали чувство стыда и разочарования за нашу страну, а с приходом к власти В.В. Путина положение вещей стало меняться. Россию в лице ее лидера начали воспринимать за рубежом как сильное государство, с мнением которой необходимо считаться. Также было отмечено, что за время правления не совсем трезвого президента наблюдался рост преступности и беспорядков. Каждый второй опрошенный говорил о беспределе, который творился в то время повсюду. С негодованием многие вспоминали о Чечне, дефолте 1998 г., подорвавшем экономику страны.

Старшее поколение (46–60 лет и 60+)

Представители данного поколения из всех остальных поколенческих групп имеют наибольший жизненный опыт. Некоторые из них видели режим И.В. Сталина и жили при нем, поэтому всем им этот политический режим казался идеальным. К новым политическим реалиям они привыкают тяжело, и многие из них так до конца и не приняли новый политический событийный контекст и продолжают жить прошлым. Им так были неприятны выходки пьяного Б.Н. Ельцина, тот беспредел, который творился тогда в стране и все политические события, которые тогда происходили, что приводили их в замешательство. Их также раздражала безнаказанность олигархических структур, которые тогда процветали. Они испытывали не меньший шок от войны в Чечне, переживали за своих близких и родных, которые вынуждены были участвовать в этой войне, вспоминая при этом времена своей молодости, когда их забирали на фронт и где им было очень трудно, но они все же одержали победу в отличие от войны в Чечне ельцинского периода.

Подводя некоторые итоги данного исследования, можно говорить о том, что молодежь в нашей стране еще весьма аполитична, живет сегодняшним днем, ее мало интересует политика, если она не становится частью их бизнеса, в рамках которого молодые люди пытаются выстроить собственную профессиональную карьеру. Политикой молодежь интересуется и тогда, когда она пересекается с какой-либо житейской реальностью (например, рост цен). Те события, которые повлияли на молодежь, также можно отнести к житейским (инфляция, затруднительное материальное положение семьи и т. д.). Следовательно, можно говорить о слабой политической просвещенности и неосведомленности молодежи о

А.Л. Зверев

том, как на сегодняшний день действуют механизмы возникновения и развития политических событий в стране.

Граждане среднего возраста в большей степени заинтересованы современным политическим событийным контекстом. Они пытаются быть в курсе политических событий и актуальных проблем страны. Данную категорию граждан уже волнуют не только житейские проблемы, но и проблемы страны, отечества. На них оказали влияние те события, которые имели вес в масштабах страны (дефолт, чувство стыда за свою страну и президента и т. д.). Фактически эта возрастная категория лучше социализировалась в политической сфере жизнедеятельности социума.

Граждане старшего поколения являются той поколенческой группой, которой приходится тяжелее всех жить в новых политических реалиях и адаптироваться к новым порядкам в стране. Это поколение также интересуется политическими событиями и пытается гармонично адаптировать собственные политические представления к событиям, происходящим в жизни современного российского общества. Они с большим трудом и болью переживают события, происходящие в стране, так как привыкли гордиться своей страной, но сейчас им приходится часто испытывать чувство страха за нее. Поэтому можно говорить о том, что все те события, которые случались в эпоху М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина, оказали наибольшее эмоциональное влияние именно на это поколение – поколение уже немолодых людей, которые многое пережили на своем веку, так как этот период был самым переломным в судьбах многих граждан этого поколения, а потому и стал наиболее запомнившейся эпохой недавнего прошлого страны.

Примечания

- 1 Такой термин, как и другой – «избранная слава», – репрезентирующий как раз триумф общности, ввел в научный оборот американский исследователь в области этнической психологии В. Волкан. См.: *Волкан В., Оболонский А.* Национальные проблемы глазами психоаналитика с политическим комментарием // *Общественные науки и современность.* 1992. № 6. С. 41–42.
- 2 *Оболонский А., Волкан В.* Потребность иметь друзей и врагов // *Дружба народов.* 1992. № 7. С. 176.
- 3 См.: *Berjikian J.D.* Model Building with Prospect Theory: a Cognitive Approach to International Relations // *Political Psychology.* 2002. № 4.

Влияние событийного контекста...

- 4 См.: *Hopf T.* Social Construction of International Politics: Identity and Foreign Policies. N.Y.; Moscow, 2002.
- 5 См.: *Simon P.* Administrative Behaviour: A Study of Decision-Making Process in Administrative Organizations. N.Y., 1997. P. 1.
- 6 Оценки респондентов цит. по: *Докторов Б.Э., Ослон А.А., Петренко Е.С.* Эпоха Ельцина: Мнения россиян // Социологические очерки. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2002. С. 56.

Г.М. Михалёва

ИНСТИТУТ ПАРТИЙ:
ЕВРОПЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ И РОССИЙСКИЙ
ОПЫТ МНОГОПАРТИЙНОСТИ

Природа партий и механизмы их образования

Партии – универсальный феномен как для стабильных демократий, так и для стран, декларирующих или же практикующих конкурентные выборы и элементы разделения властей¹. Политические установления и практики, составляющие сущность демократического правления, не только созданы политическими партиями, но были бы без них невыполнимы, отмечает один из самых известных исследователей партий Ричард Катц². Партии использовались и авторитарными и тоталитарными режимами, однако их природа в автократиях совершенно иная. Правящая партия в тоталитарных режимах³ и правящая партия и дополняющие партии в режимах авторитарных⁴ являются «квинтэссенцией» государства, неразрывно связаны с органами государственной безопасности и являются машиной для организации элит и контроля за всеми сферами общества. Для всех тоталитарных режимов характерно существование только одной вождистской партии. Авторитарные режимы допускают, помимо основной, «государствообразующей», партии, являющейся инструментом организации правящей элиты, существование и других партий, заведомо играющих минимальную роль и выполняющих задачи имитации демократических институтов.

В российском случае выбор определения партии представляет особую сложность, мы имеем дело с трансформационным процессом, когда институт партий в начальный период трансформации еще не сложился, а в конце его – он уже существует, но в условиях уже недемократических. К тому же принятое законодательство нормативно закрепляет название «партия» только за политическими организациями, соответствующими достаточно жестким правилам, и обязывает их участвовать в вы-

борах. В то же время политические организации, использующие подрывные стратегии, практически делегализуются. Я предпочитаю использовать следующее рабочее определение: *партии – это общественные объединения, участвующие (или стремящиеся участвовать) в выборах на федеральном, региональном и местном уровнях, формулирующие политические цели и стремящиеся к участию в органах власти.*

К традиционным функциям партии относятся:

- легитимация политического действия и поиск консенсуса;
- рекрутирование и отбор политического руководства;
- формулирование политических принципов и представление альтернативных решений;
- организация электоральных процессов;
- артикуляция, агрегация и интеграция интересов;
- формирование правительства и контроль за его деятельностью (в парламентских системах).

В качестве ключевых понятий, используемых при анализе партий, выступают:

- институционализация⁵;
- идеологическая и/или проблемная ориентация;
- характер социальной поддержки⁶;
- внутренние организационные характеристики⁷;
- уровень автономии от других организаций и институтов, действующих внутри страны или за ее пределами⁸;
- согласованность, которая показывает степень соответствия между установками и поведением членов партии, характеристиками ее являются уровень согласованности при голосованиях, наличие внутрипартийных фракций, а также уровень сплоченности сторонников партии⁹;
- вовлеченность, характеризующая отношения партии с ее членами, сторонниками и их стимулы¹⁰;
- особенности стратегии и тактики (состязательной, предполагающей участие в выборах для системных, или подрывной – для антисистемных партий, включая смешанную)¹¹;
- правительственный статус, т. е. степень участия партии в общенациональной политике¹².

История становления европейских партий включает в себя четыре основные стадии: период партий элитных, имевших характер кружков (примерно до 1918 г.), период с 1918 г. до примерно конца 1950-х гг. – время массовых партий; начиная с конца 1950 – начала 1960-х гг. появляются народные партии; и, наконец, в конце 1970-х гг. наступает период профессионализированных партий избирателей (картельных)¹³.

Г.М. Михалёва

На каждом из этих этапов меняются основные характеристики партий:

- основной принцип репрезентации (представительства) – отношения депутатов и руководителей партии к партийной массе;
- основные цели партии в отношении политической системы и режима;
- квалификационные характеристики партийной элиты;
- структура членства;
- особенности проведения избирательных кампаний;
- принципы финансирования;
- характер взаимоотношений со средствами массовой информации.

На первом этапе элитные (кадровые) партии появились сначала как близкие к парламентам кружки, представлявшие интересы правящих классов, при этом партии были далеко не единственным инструментом правящих элит. Политическими правами обладали только привилегированные слои населения, и их представители и занимали государственные посты. Партийные организации вне парламента были развиты слабо и структурированы мало. В организациях доминировали высокопоставленные граждане, располагавшие ресурсами и формулировавшие политические требования к своим представителям в парламентах, они же занимались и назначением кандидатов. Репрезентационный принцип был основан на доверии без мандата. Основные цели были связаны с сохранением привилегий или же, наоборот, ликвидацией привилегий для отдельных групп. Квалификационные характеристики партийных элит были основаны просто на их принадлежности к определенной классовой группе, например аристократии или крупной буржуазии. Партии, находившиеся у власти, имели характер клик, и только оппозиционные партии постепенно начинали приобретать массовый характер. Избирательные кампании не требовали больших денежных ресурсов и трудовых затрат. Финансирование осуществлялось с использованием собственного капитала лидеров и поддержкой групп интересов. Контакт со средствами массовой информации осуществлялся на основе личных отношений.

Переход ко второй стадии развития партий был связан с организацией непривилегированных общественных групп, индустриализацией и урбанизацией конца XIX в. Развитие в этот период получают социалистические и клерикальные партии, которые связывают людей с одинаковым мировоззрением.

В период после введения всеобщего избирательного права после Первой мировой войны постепенно возникают массовые

(социал-демократические) партии. Теперь политические права получают все слои населения. Возникает разделение государственной и общественной сферы, и организации, связывающие их друг с другом – партии и группы интересов, – приобретают все большее значение.

Массовые партии в этот период получают существенные преимущества по сравнению с кадровыми: они лучше могут представлять общественные интересы, мобилизовать избирателей, обеспечивать демократическую легитимацию¹⁴.

На этапе массовых партий усилились классовые конфликты в условиях неконсолидированных демократий. Элиты, стоявшие теперь во главе массовых партий, отличались относительно авторитарным типом действий. Контрэлиты левых партий имели небольшие шансы прийти к власти и предлагали альтернативы не только в форме социальных реформ, но иного (социалистического) государственного устройства. Механизм репрезентации в этот период основывался на делегировании. Ясная программатика партий была связана с определением основных целей – как борьбы за реализацию альтернативных принципов общественного устройства. Массовые партии действуют в условиях ясных конфликтов между однозначно определяемыми субкультурами с определенными социально-экономическими особенностями, мировоззренческими представлениями и организационными связями всех членов «от колыбели до гроба»¹⁵. Роль массовых партий состоит в артикуляции политических интересов социально гомогенных сторонников, формировании их политических представлений и мобилизации их политической активности. Партии представляют определенные социальные интересы и стремятся получить государственные посты, чтобы проводить политику в интересах представляемого ими социального слоя.

Необходимой характеристикой партийных элит на данном этапе выступает харизматическая персонализация идеологических принципов. Это – массовые партии мобилизационного характера, причем поведение руководства контролируется рядовыми членами. Для партий характерны постоянная активность их членов, иерархические структуры и значимость непарламентской части партии. Избирательные кампании становятся массовыми, требуют больших трудовых затрат. При этом относительно низкий уровень конкуренции сочетается с существенными различиями в представлении о политических курсах между конкурирующими партиями. Финансирование основано в первую очередь на партийных взносах. Партии делают ставку на собственные средства массовой информации.

Переход к следующему этапу, народных партий (*catch-all-parties*), начавшемуся после Второй мировой войны, связан с рядом причин.

Во-первых, это – приспособление буржуазных партий к условиям массовой демократии. Либеральные, христианские и консервативные партии уже с 1918 г. начали расширять свои структуры и наращивать численность, но они все равно существенно отличались от массовых партий. Их сторонники были социально гетерогенны и не были готовы к политической мобилизации. Свои ресурсы они черпали из непартийных источников (например, пожертвования представителей бизнеса)¹⁶.

Во-вторых, начался сложный процесс разрушения до этого ясно определенных общественных групп. Старые сообщества, основанные на взаимной солидарности, которые брали на себя партии и связанные с ними организации, потеряли значение, так как многие задачи взяло на себя социальное государство¹⁷.

Наконец, партии сознательно отказались от практики конфронтации между собой лагерей. Опыт постоянных политических напряжений и гражданских войн во многих европейских странах, приведший к кровопролитной мировой войне, создал мотивацию новой политической элите для преодоления старых социальных и политических напряжений. Это стимулировало партии на поиск новых сторонников и взаимодействие с бывшими классовыми врагами. Кроме того, важны были электоральные успехи массовых социалистических партий, в результате чего они получили места в правительствах и вместе с ними – необходимость смены позиций конфронтации на поиски компромиссов.

Партии стремятся сохранить свои властные позиции и расширить число своих сторонников, выходя за рамки ядерного электората¹⁸.

Конституции закрепляют ключевую роль партий в политической жизни, принимаются законы о партиях. Происходит парламентаризация процесса формулирования политической воли: политические курсы разрабатываются партиями и проводятся парламентским большинством, а оппозиция предлагает альтернативные курсы. Политическая роль партий нового типа связана с опосредованием различных социальных интересов. Агрегируя эти интересы и формулируя различные политические курсы, партии играют роль посредника между обществом и государством. Партии становятся «маклером», посредником, не имеющим опоры ни в государстве, ни в обществе¹⁹. Народные партии становятся «фирмами по оказанию услуг»²⁰, которыми руководят политические менеджеры.

В народных партиях наблюдается профессионализация партийного руководства и парламентской деятельности партий. Централизация структуры сопровождается внутривнутрипартийной демократизацией, иногда – даже через внутривнутрипартийный референдум. Это происходит под влиянием сильных протестных движений 1960-х гг. (антивоенных, экологических, студенческих, феминистских и др.), проходивших под лозунгами увеличения демократичности и оказавших влияние на партии. Идеологизация народных партий ниже, чем у партий массовых, что расширило возможности создания коалиций. Исключение составили правоэкстремистские партии. Поиск избирателей в разных социальных группах принуждает их более активно вести избирательные кампании. Партии стремятся завоевать избирателей из возможно большего числа социальных групп, поэтому ориентируются внутри и вовне на поиск компромиссных решений и тем, в отношении которых возможно достижение консенсуса – экономический рост, благосостояние, внутренняя и внешняя безопасность. Партии ориентированы на объединение граждан в ограниченное число больших партий²¹.

Следующий этап развития, обусловленный многообразием социальной, культурной и политической жизни, был связан с образованием так называемых партий-картелей²². Существенные экономические и социально-культурные перемены постиндустриальных западных обществ, которые все больше ориентируются на оказание услуг, секуляризацию, индивидуализацию и укрепление постматериальных ценностей, так же как и глобализационные процессы, оказывают воздействие на партии. Произошедшее ранее открытие партий для широких слоев избирателей продолжает оказывать существенное воздействие на изменение внутренней структуры партий.

Начиная с конца 1970-х гг. происходит образование новых социальных групп, изменяются и политические элиты. Принцип репрезентации претерпевает изменения: представители партий все больше отрываются от партийной массы. Цели партий теряют идеологическую целостность, становятся фрагментированными и в целом довольно сходными. Среди партийных руководителей преобладает тип политического предпринимателя. Членство в партиях тоже меняется, принцип связанности с партией, ответственности за нее приобретает большее значение, чем формальное наличие партбилета. Избиратели в своем выборе отталкиваются не от собственной социальной позиции, статуса или существующей электоральной традиции, а от сиюминутных симпатий.

Избирательные кампании профессионализируются и требуют больших капиталовложений, при этом работа активистов не востребуется. Финансирование партий базируется на государственной поддержке, подкрепленной интенсивным поиском ресурсов. Учащаются случаи коррупции. Со средствами массовой информации выстраиваются коммерциализированные отношения.

Новый политический класс – политиков-профессионалов, «местом работы» которых является партия, – получает минимально необходимую «страховочную» финансовую поддержку от государства. Связь между партией и ее избирателями становится менее интенсивной, при этом образуются прямые коммуникационные каналы между избирателями и партийными лидерами. Эти изменения во многом обусловлены контекстом постиндустриального, постмодернистского общественного развития с новыми системами коммуникаций и сильной дифференциацией социальных групп и их интересов. Немаловажное значение имеет и развитие форм прямой демократии: от референдумов до систем петиций, с одной стороны, и роста числа разнообразных гражданских инициатив – с другой.

Выстраивание нового типа коммуникаций постепенно приводит к уменьшению числа членов партий, которое становится особенно заметно к концу 1980 – началу 1990-х гг. Все реже люди вступают в партию из идеологических соображений, все чаще используют ее в собственных целях, как омнибус, и потом покидают. Эти особенности отличают новый тип партий от массовых, члены которых были связаны принадлежностью к определенному социальному слою, с одной стороны, и к определенным мировоззренческим и идеологическим принципам – с другой.

Вновь возникающие в этот период партии – зеленые и новые левые – не становятся массовыми, в то же время практикуют интенсивные связи с общественными инициативными группами, действующими в соответствии с политическими курсами партий.

Точно и образно описал этот процесс известнейший немецкий политолог Клаус фон Байме: «Старый монолит из единой идеологии, массового членства и руководства по образу “императора Бебеля”, ведущего за собой массы, как император Вильгельм вел за собой прусскую армию, превратился в лоскутный ковер, состоящий из разных частей и кусков, непрочно связанных между собой»²³.

Вместе с изменением партий и укреплением их нормативной базы с 1960-х гг. начинается становление так называемого

партийного государства²⁴. Его особенность – не только увеличение роли партий в государстве, но и поддержка государством партий, в первую очередь финансовая. Рядовые члены партий теряют стимулы работы в партии и уплаты взносов, про них просто забывают. Для многих малых партий становится важной не победа на выборах, а участие в них, позволяющее впоследствии существовать на государственные дотации. Картельные партии становятся полугосударственными организациями, связь их с обществом становится все меньше. Для новой партийной системы характерна тесная межпартийная кооперация для укрепления собственных государственных привилегий. Договоренности укрепляют позиции партий истеблишмента и усложняют задачи вновь появившихся политических конкурентов.

В Европе параллельно процессу интеграции наблюдается процесс изменения национальных партийных систем в сторону их выравнивания, которые усиливаются через фракционное представительство в Европейском парламенте.

Становление партийных систем в ходе постсоциалистических трансформаций и особенности формирования российской многопартийности

В подавляющем большинстве случаев трансформации, в том числе и в бывших странах социалистического лагеря Центральной Европы, уже на вторых, после учредительных, выборах происходила консолидация и стабилизация партийной системы²⁵. Это – элемент так называемой репрезентативной консолидации, связанный с проведением конкурентных выборов по одним и тем же правилам²⁶.

Обобщая анализ кросснациональных трансформационных процессов в 22 странах, Меркель выделяет пять факторов, оказывающих ключевое воздействие на конфигурацию партийной системы²⁷:

1. характер трансформационного конфликта;
2. наличие «исторических» партийных систем;
3. влияние важнейших политических институтов;
4. наличие традиций клиентелизма;
5. влияние социетальных расколов.

Длительный период «неразвитых» партийных систем в трансформирующихся странах, слабых, фрагментированных партий, плохо подающих себя электорату и не выражающих об-

щественных интересов, объясняется рядом факторов. Этот эффект, который, кстати, наблюдается и в странах Латинской Америки, в посткоммунистических странах объясняется выработавшимся у граждан «антипартийным эффектом» в условиях насильственной политической мобилизации и отсутствием сформировавшихся групп с четко артикулированными интересами, которые могли бы стать базой для формирования партий²⁸.

Герберт Китчелт сконструировал три (идеальных) типа восточноевропейских партий в период перехода от демократизации к консолидированной демократии²⁹:

программные партии, связанные с существующими конфликтными линиями и имеющие идеологическую и/или мировоззренческую основу, которая зачастую связана с интересами определенного слоя населения;

харизматические партии, идентичность которых определяется харизматичным вождем, почти не затрагивая содержательную составляющую политики. Лидер такой партии получает от избирателей карт-бланш, а избиратели не могут ни в какой степени рассчитать последствия проводимых им политических курсов;

клиентелистские партии также препятствуют консолидации демократии. Хотя такие партии и пропагандируют в своих избирательных кампаниях общезначимые блага, на практике они заботятся прежде всего об обеспечении исключительно своей клиентелы – группы своих избирателей – посредством распределения различного рода ресурсов: субвенций, налоговых льгот, рабочих мест, социальных благ. Двойная циничная игра партий такого типа подрывает правила и нормы демократии и правового государства³⁰.

С самого начала становление российской партийной системы по темпам и основным характеристикам отличалось от европейского. Оно началось значительно позже, лишь в конце XIX – начале XX в. Ускоренный характер и значимое влияние на политический процесс извне, со стороны уже сформировавшихся левых движений, обусловили одновременное протекание двух, во временном отношении различавшихся в Европе этапов элитных и массовых партий. Кроме того, развитие прерывалось эпохами делегализации уже существующих партий. Наконец, вместо относительно длительного этапа массовых партий, история российской многопартийности прерывается на 70 лет, срок настолько долгий, что возрождение старого партийного спектра (как это и произошло во многих странах Центрально-Восточной Европы) становится невозможным. Вряд ли стоит искать корни

современной многопартийности в программатике и конфликтных линиях дореволюционных партий³¹. Становление новой российской государственности происходит в совершенно другом историческом контексте.

1. Изменился мир в целом:

- большинство стран сейчас в большей или меньшей степени руководствуются принципами демократии и прав человека или хотя бы декларируют приверженность этим принципам;
- место конфликтов между странами и нациями заняли конфликты международного сообщества или международных союзов, разделяющих вышеназванные базовые ценности с организациями или отдельными странами, не готовыми соблюдать «правила игры»;
- увеличивается роль межгосударственных и международных негосударственных организаций;
- транснациональные фирмы определяют развитие экономики;
- новые информационные технологии все теснее связывают людей и сообщества в мире друг с другом.

2. Изменилась Россия: из страны аграрной с низким уровнем урбанизации и высоким – безграмотности, она превратилась в модернизированную страну с высоким уровнем урбанизации и образования.

3. Наконец, существенное значение имеет разрыв непрерывности в процессе формирования партии. В отличие от непрерывного процесса развития партийных систем, за исключением относительно коротких периодов фашизма и нацизма в ряде европейских стран и более длительного, но обозримого периода социализма в странах ЦВЕ, в России исчезли живые носители идей и организационных навыков партийного строительства и практик партийной жизни.

Построение партийной системы в новой России началось с «чистого листа».

Период более чем 70-летней однопартийности, существование партии-государства и основная направленность задач трансформации на первом этапе породили «антипартийный эффект» как у представителей элиты, так и у граждан. Возникающие партии неизбежно становились жертвами советского партийного опыта и воспроизводили организационные основы и методы деятельности КПСС.

Исследование становления российских партий осложняет невнятность терминологии, являющаяся следствием особеннос-

тей трансформационного процесса вообще и долгого отсутствия четкой законодательной базы в частности. Субъектами электро-рального процесса, в соответствии с российским законодательством, долгое время были не партии, а избирательные объединения и блоки. При этом первые политические организации, назвавшие себя партиями, возникли еще до отказа от однопартийности и были фактически нелегальными. Партии же существовали как разновидность общественных объединений, специфика которых до 2000 г. была законодательно четко не определена. Принятый Государственной думой в 1995 г. закон о партиях был отклонен Советом Федерации³². Только в 2001 г. принят закон о партиях и внесены изменения в избирательное законодательство, превратившие партии в субъект избирательного процесса³³. При этом после проверки партий Федеральной регистрационной службой к концу 2006 г. число организаций, включенных в государственный реестр и имеющих право участвовать в выборах и называть себя партиями, существенно сократилось. В то же время сохраняются организации, называющие себя партиями, но, с точки зрения государственных органов, таковыми не являющиеся.

Организации, до проведения свободных выборов преследовавшие цель влияния на правительственную политику, а с их появлением участвовавшие в них для приобретения правительственных должностей (по определению Г. Голосова), долгое время не называли себя партиями и даже декларировали свой политический характер. Если Голосов относит к партиям и «зонтичные» коалиции, и неструктурированные группы периода перестройки, мы предпочитаем, вслед за известным немецким политологом К. фон Байме, называть организации, действовавшие до первых свободных («учредительных») выборов, *протопартиями*³⁴.

Как и остальные элементы политических систем и политических процессов, трансформирующихся от тоталитарных и авторитарных форм, партии на первых этапах отличаются «неразвитостью», партийные системы слабо консолидированы. Сами партии также выполняют лишь некоторые функции, свойственные им в развитых демократиях. Л. Пай, охарактеризовавший «незападный политический процесс»³⁵, отмечает неструктурированность политического процесса и преобладание в нем других институциональных и неинституциональных форм, незначительный уровень консенсуса в отношении узаконенных средств и целей («конституционный консенсус») и отсутствие интеграции среди участников. Политические партии в западных обществах склонны претендовать на выражение мировоз-

зрения и представление образа жизни в отличие от многосоставных (по определению А. Лейпхарта) демократических обществ, где партии являются организованными выразителями политической воли частей общества с отличными интересами, «сегментов». «Незападные» партии отличаются слабой структурированностью и невнятной артикуляцией общественных интересов, что является следствием как слабой социальной дифференциации самого общества, так и динамически и неравномерно протекающих процессов институционализации.

На первом этапе трансформации в России становление партий шло по обычному образцу – через появление широкой демократической коалиции, включавшей реформаторов-«либерализаторов» из старой политической элиты и гражданские группы, которым противостояла партийно-государственная машина старого режима.

Но уже после смены режима, помимо сохранявшейся, хотя и модифицировавшейся конфликтной линии реформаторов-реставраторов, поддерживавших и критиковавших рыночные реформы, все большее значение приобретал конфликт «центр – регионы», который достиг своего пика в 1999 г. с образованием партии, представлявшей интересы региональных элит. Ориентация победившей группы на рыночные реформы при избрании демократии как переходного решения привела к образованию демократической оппозиции. А образование административных и имитационных партий с социетальными конфликтами не связано вообще.

Стратегии новых политиков – ориентация на досоветскую партийную систему или же воспроизведение европейского партийного спектра – оказываются неэффективными уже на раннем этапе. Позже не оправдывают себя и попытки воспроизведения американской двухпартийности.

Кроме того, полупрезидентская политическая система и доминирование неформальных институтов в политике значительным образом препятствуют эффективному становлению партий³⁶.

Ускоренным темпом вновь проходит период «элитных» – *административных партий*, так называемых «партий власти», наряду с превращением бывшей КПСС, партии-государства, в массовую партию КПРФ. Административные партии – инструменты политической элиты, имеющие лишь фасадный характер, затрудняют становление партийной системы, в которой партии на относительно равных условиях связывают государство и общество. Ряд их особенностей позволяет отнести их к партиям клиентелистского типа.

Вновь возникающие партии, «перескакивая» фазу партий массовых, приобретают и черты партий народных, и черты современных профессионализованных партий избирателей.

При этом существенно различаются внутренние характеристики административных и неадминистративных партий.

1. Характеристики взаимодействия между партийной элитой и массами различаются в зависимости от типа партий. В административных партиях чрезвычайно велик разрыв между руководителями, депутатами и партийной «массовкой», которая практически ничего не определяет. Более того, в период второго срока президентства В.В. Путина, уже после провозглашения задачи создания доминирующей партии, чиновники и работники государственных учреждений, как и бизнесмены, вынуждены были вступать в главную административную партию для сохранения или упрочения основ своего существования. Гражданские партии, напротив, ориентированы на максимизацию демократических принципов, упрочение связки руководства партий и рядовых членов, в том числе через проведение внутрипартийных опросов, референдумов, массовых мероприятий.

2. Хотя формально цели всех партий определены в рамках конституционного поля, по мере усиления авторитарных тенденций они постепенно теряют свое значение. Вновь начинает возникать старая линия раскола – за поддержку существующего режима или же за его принципиальное изменение.

3. К лидерам оппозиционных партий и избиратели, и партийные массы предъявляют требования, типичные для массовых партий, – харизматичность, умение работать с большими группами людей. Для административных партий, управляемых из Кремля, такие характеристики лидеров, наоборот, противопоказаны. Рекрутирование лидеров идет по принципу управляемости, осуществляется своего рода негативный отбор, яркие фигуры отсеиваются.

4. Структура членства также различается, при этом различия есть не только между административными и неадминистративными партиями, но и между партиями гражданскими с разными идеологическими платформами. Наличие или отсутствие в первых платформ и фракций и аффилированных с партиями структур не имеет значения для принятия внутрипартийных решений, которые «спускаются» сверху. Руководители нижних звеньев практически назначаются, хотя формально действует демократическая процедура; возникающие конфликты решаются также «сверху». Левопатриотическая оппозиция ориентируется на коммунистические образцы и демократический централизм.

Либеральная оппозиция для привлечения сторонников использует фракционный механизм, внутрипартийную демократию и механизмы разрешения конфликтов на основе закрепленных уставом процедур.

5. Ведение избирательных кампаний по мере уменьшения их демократичности также все больше различается. Административные партии используют медийный ресурс, административное давление и фальсификации. Гражданские вынуждены ориентироваться на прямой контакт с избирателями и массовые акции, в том числе несанкционированные, т. е. использовать подрывные стратегии.

6. Механизмы финансирования, несмотря на введение, а затем и существенное увеличение государственной поддержки, не выравнивают положения двух разных типов партий. Административные партии располагают практически неограниченным финансовым ресурсом, включая как использование государственных средств, так и денежную поддержку бизнес-структур. Гражданские партии вынуждены довольствоваться минимумом, при этом бизнес, готовый их поддерживать, вынужден идти на существенные риски. Но и в том и в другом случае существенную роль играют теневые бюджеты.

7. Взаимодействие со СМИ различается кардинальным образом. Для гражданских партий и их лидеров постепенно закрывается доступ на федеральные телевизионные каналы, сокращается и их присутствие в региональных СМИ. Для партий административных это присутствие гарантировано. При этом различается и характер освещения: исключительно позитивный для административных партий, и преимущественно негативный – для оппозиции.

В периоды российской трансформации, когда выбор делался в пользу демократических институтов, пусть и как переходного решения, партии оставались невостребованными политической элитой и существовали в неблагоприятных институциональных условиях.

Они становятся полноправным субъектом политического процесса только тогда, когда демократические институты начинают сворачиваться.

Институциональные рамки становления партий в России сильно отличаются от европейских³⁷. Здесь стоит упомянуть, что от начала становления партий до закрепления их конституционного статуса в Европе прошло почти сто лет, а законы о партиях и финансировании партий были приняты еще позже (в ФРГ, например, закон о партиях был принят бундестагом лишь в

1968 г.). Российские партии получают с законом о партиях нормативную базу, включающую в том числе и государственное финансирование уже через 10 лет после регистрации первой группы, назвавшей себя партией.

Не нужно забывать и об эффекте международного воздействия. Партии вне зависимости от характеристик режима и их статуса все это время пытались «встроиться» в международные и европейские организации, объединяющие партийные «семьи»: Социал-демократический, Либеральный, Консервативный интернационал, фракции ПАСЕ, европейские партии, что им удалось (вне зависимости от их типа – административного или гражданского).

Становление российской партийной системы и влияние на этот процесс особенностей российской трансформации имеют много общего с выделенными Меркелем типическими характеристиками³⁸:

- существенную роль в начале становления партий и в замедленном характере этого процесса сыграли характер трансформационного конфликта и роль старых элит;

- отсутствие возможности опереться на опыт «исторических» партийных систем и долгий период существования тоталитарного и потом авторитарного государства с однопартийной системой;

- неблагоприятная для формирования партий институциональная среда: президенциализм, отсутствие нормативной базы для существования партий, их неопределенная роль в избирательном устройстве, вертикальная фрагментация;

- наличие традиций клиентелизма, патернализм и регионализм, доминирование неформальных институтов по отношению к формальным.

Классические линии социетальных расколов в российском случае модифицированы вследствие унификации общества в советский период и относительно длительного периода изменения социальной структуры. В период демократизации можно фиксировать существование про- и антирежимных сил, модифицировавшихся в разнонаправленные конфликты: между сторонниками радикального рыночного либерализма и этатизма и патернализма, с одной стороны, и социальной рыночной экономики – с другой. Конфликт «центр–периферия» находит свое выражение в представляющих интересы региональных и федеральных элит административных партиях в третьем электоральном цикле. Традиционную линию «труд – капитал» можно проследить лишь с некоторыми оговорками, так как крупнейшая российская «левая»

партия претендует на представление интересов различных общественных групп, а не только рабочих. Роль церкви в политической жизни (пока?) второстепенна, к тому же многоконфессиональность страны будет препятствовать превращению конфликта, связанного с отношением к церкви, в социальный. Этническая основа в прошедший период становления партий не играла существенной роли в структурировании партийной системы. Однако в последнее время прослеживаются тенденции, связанные с использованием проблемы этнической идентификации в политических целях («Русский проект» ЕР, деятельность ДПНИ, позиции «Родины», «Русский марш»). Можно фиксировать и появление элементов «мировоззренческой» основы партии, учитывая существование в РОДП «ЯБЛОКО» экологической, правозащитной и гендерной фракций и, соответственно, частей программы.

Доминирование неформальных институтов в политической системе в целом характерно и для партий, в том числе демократических. Несмотря на наличие более или менее демократических уставных норм, решения принимаются узким кругом лиц, рядовые члены партии мало влияют на определение программы и выработку политического курса. Тенденции, характерные и для современных развитых демократий, такие как превращение партий в «картельные», включающее профессионализацию партийного руководства, превращение партийных лидеров в менеджеров, доминирование в избирательных кампаниях стратегий, связанных с медийными технологиями, уменьшение значимости широкого членства, действуют и в России.

Но если на Западе эти тенденции компенсируются другими формами гражданского участия, включая прямую демократию, в России эти компенсирующие механизмы отсутствуют. Внутреннее устройство российских партий также сходно с европейским, если не обращать внимание на дефициты внутрипартийной демократии и манипулирование лидерами «партийных масс».

Противоречивость условий формирования российских партий привела к тому, что они на большинстве этапов трансформации играли второстепенную роль для политической элиты. Исключение составляет предпоследний и текущий электоральный цикл.

Принятие Закона о партиях и приведение в соответствие с ним избирательного законодательства создавало, казалось бы, благоприятные институциональные рамки для стабилизации и консолидации партийной системы.

Наиболее важные изменения были связаны со следующими факторами:

Г.М. Михалёва

- 1) партии стали полноправным субъектом избирательного процесса;
- 2) право на существование получили только федеральные партии;
- 3) к федеральным партиям стали предъявляться чрезвычайно жесткие условия, вынуждающие их создавать региональные структуры, участвующие в избирательных кампаниях разного уровня;
- 4) унифицировано региональное избирательное законодательство: в регионах была введена смешанная избирательная система и единые избирательные дни;
- 5) был принят целый ряд законодательных мер, призванный институционально упрочить позиции партии власти и ослабить оппозиционные партии.

Наряду с введением пропорциональной системы и отказа от смешанной несвязанной системы на федеральных выборах эти институциональные изменения снижают уровень фрагментации партийной системы, с одной стороны, создавая максимально благоприятные условия для доминирования одной партии, но «замораживают» возникающие конфликты и стимулируют радикализацию несистемной оппозиции – с другой. Положение партий в условиях президентализма, отмены прямых выборов губернаторов и в отдельных случаях – мэров, практически отказа от принципа вертикального и горизонтального разделения властей, сворачивания других демократических институтов и замены их имитациями, несмотря на изменения законодательства, оставляет партиям по-прежнему место второстепенного политического инструмента для политической элиты и ослабляет связи партий с секторальными группами общества.

Ориентация на построение партийного государства и создание благоприятных институциональных условий для партий сочетается с ограничением возможностей для неадминистративных, оппозиционных партий.

Неинституциональными факторами, тормозящими развитие партий в стране, остаются:

- слабая социальная структурированность общества и, соответственно, артикуляция групповых интересов;
- низкий уровень гражданского участия;
- низкий уровень доверия к партиям;
- неверие в выборы как механизм смены политического курса страны и в изменение условий собственной жизни.

Российские партии существуют по принципу постмодерна, сочетая противоположные черты: массовость и профессио-

нальный характер, выполнение требований формальной демократии в их построении с авторитарным характером принятия решений.

Партии стали полноправным субъектом политического процесса и даже эксклюзивными игроками на федеральном уровне и не могут быть инструментом отдельных политиков или групп, региональными или локальными объединениями. Для того чтобы участвовать в политическом процессе, они должны иметь национальный характер и быть представленными в большинстве субъектов Федерации. Все эти характеристики свидетельствуют об изменении роли партий в политической системе, переходе от закрепленной в Конституции неясной «многопартийности» к формированию партийной системы.

Если мы будем сравнивать современные российские партии с европейскими, то увидим довольно много сходного, несмотря на различие их природы.

Как и классические картельные партии, российские административные партии имеют сильные позиции в государственных институтах, которые расширяют поле их деятельности. Отличие состоит в том, что они не выполняют контрольных функций, так как отсутствует оппозиция, обладающая тем же статусом.

Российские административные партии, как и западные, программно мало различаются, как и их голосования и управленческие решения, если их представители занимают позиции в исполнительной власти. Именно поэтому граница между ними обозначается лишь названиями, лидерами и стилистикой поведения.

Впрочем, эти сходства можно проследить и сравнивая характеристики российских административных партий с партиями народными. Отчетливо прослеживается отказ от идеологического компонента в их программатике. Укрепляются позиции партийного руководства и снижается роль обычных членов партии. Партии уже отказались от принципа опоры на определенный класс или конфессию и стремятся укрепить связи с различными группами интересов (характерно, например, заключение официальных договоров между ЕР, с одной стороны, и РСПП, «Деловой Россией», «Опорой России» и ФНПР – с другой).

В административных партиях, как и в западных, происходит все увеличивающийся разрыв между партийными руководителями и партийной массой. Но при этом численность партий не сокращается, как даже на этапе народных партий, а, наоборот, увеличивается (что стимулирует законодатель), часто – методом

Г.М. Михалёва

принуждения руководителей управленческих и бизнес-структур к вступлению в партии своих работников.

Все партии этого типа поддерживают политическую систему и режим вне зависимости от их трансформации, более того, это является главным условием возможности их возникновения и существования.

В отличие от западных партий квалификационные характеристики партийной элиты имеют второстепенное значение, более того, за некоторыми исключениями, происходит так называемый «негативный отбор», яркие лидеры противопоказаны структурам такого типа, так как могут снизить управляемость. Поэтому они неизбежно вытесняются (наиболее яркие примеры этого – политическая судьба Д. Рогозина и С. Глазьева).

Сходны и отношения со СМИ, роль которых в существовании и электоральных успехах российских партий также является доминирующей.

Российские партии, как и западные, становятся государственнообразующим элементом и получают прямое и не прямое (например, возможность появления в новостных программах) финансирование от государства.

Структура их членства тем не менее существенно отличается от партий картельных и даже народных, а сходна (к этому типу их принуждает законодатель) со структурой партий массовых: обязательное фиксированное членство и привязка к структурному подразделению партии.

Партии во многом похожи на западные, но главные задачи их иные: они являются инструментом правящей элиты и должны стабилизировать существующую политическую систему и укреплять режим. Политическая элита не нуждается в партиях для легитимации политического действия, так как не зависит от реакции общества. Нет необходимости и в поиске внутриэлитного консенсуса и в формулировании политических принципов, как и в репрезентации интересов граждан, контроле или выработке альтернативных политических курсов.

При этом партии этого типа сохраняют функции, связанные с самоорганизацией, – рекрутирование и отбор политического руководства и участие в формировании правительства. Остается и функция организации электоральных процессов.

У гражданских оппозиционных партий характеристики несколько иные.

Во-первых, они занимают минимальные позиции в государственных институтах и почти не влияют на политические курсы. Контрольные функции они также, в силу отсутствия ка-

налов трансляции их позиции для граждан и даже для элиты (отсутствие доступа к СМИ), выполнять не могут.

Во-вторых, отличия их программных позиций в отношении и политического курса и режима в целом можно сравнивать с базовыми политическими различиями времени массовых партий. Их отличают практически альтернативные представления о путях развития страны (КПРФ – социалистический, «ЯБЛОКО» – демократический, социально-либеральный).

В-третьих, руководство этих партий, как и во времена партий массовых, опирается на партийные массы, выполняет в меру возможностей функции социального патронажа и ищет союзников среди определенных слоев населения и организаций, их репрезентирующих. В этих условиях учет мнения рядовых членов партии или хотя бы создание видимости этого существенно ограничивают поле маневра для партийного руководства (примером могут быть дискуссии в КПРФ об отношении к радикальным левым или в «ЯБЛОКЕ» – об отношении к СПС и КПРФ). При этом в условиях ограниченности ресурсов навязывание требования массовости становится для них большой проблемой.

В-четвертых, оппозиционные партии ориентированы на повышение квалификационных характеристик партийной элиты, которые могли бы использовать инновационные методы, что оказывается чрезвычайно затруднительным при ограниченных финансовых ресурсах и неопределенности перспектив.

В-пятых, не имея доступа на федеральные информационные каналы, оппозиционные партии вынуждены одновременно использовать архаичные методы, издавать партийную прессу и использовать интернет-ресурсы.

Гражданские оппозиционные партии, напротив, имеют функции, отсутствующие у партий административных. Это партии программные, они основаны на идеологических принципах и предлагают альтернативные политические курсы. Ориентируясь на определенные сектора общества, они пытаются артикулировать, агрегировать и интегрировать интересы различных слоев населения. Хотя они не участвуют в формировании правительства и практически не влияют на его решения, они пытаются осуществлять критический контроль за его деятельностью. Они легитимируют политические действия и пытаются найти консенсус по конкретным вопросам с другими (критически или оппозиционно настроенными) политическими и общественными силами. Они рекрутируют и отбирают политическое руководство, но почти исключительно в рамках собственной организации. Они организуют электоральные процессы. Тем самым именно

Г.М. Михалёва

гражданские оппозиционные партии выполняют основные функции партий в демократических системах, проблема лишь в том, что при этом эффективность выполнения этих функций в части влияния на политический процесс очень низка.

Действуют ли в российских условиях тенденции, превращающие партии в картельные? Опираясь на факторы, влияющие на становление партийной системы, выделенные Катцем и Майром³⁹, можем сделать вывод, что к партиям предъявляются требования максимальной профессионализации и ресурсоемкости. Чтобы соответствовать этим требованиям они должны стать современными картельными партиями менеджеров, ведущих с помощью медийных кампаний борьбу за голоса избирателей. Конструкция электоральной формулы и построения партийной административной машины фактически не нуждается в сильных лидерах. Ориентация на предсказуемые, управляемые административные партии усиливает эту тенденцию.

Одновременно к партиям предъявляются требования массовости, характерные для первой половины XX в. – мобилизационного периода борьбы партий с полярными идеологическими представлениями и харизматическими лидерами.

Блокируются возможности создания новых партий и, соответственно, артикуляции и представительства интересов вновь возникающих в обществе секторальных групп.

Преференции получают административные партии. Усиливающиеся сложности у партий оппозиционных, «цементирование» партийной системы стимулируют появление радикальной несистемной оппозиции, использующей подрывные стратегии и стремящейся мобилизовать сторонников для массовых протестов.

Наконец, отказ от конкурентных выборов, шаги, направленные на закрепление позиций правящей коалиции, означают окончательный отказ от партий как демократических институтов, связывающих власть и общество. Партии постепенно превращаются исключительно в инструмент самоорганизации правящей элитной группы, защита интересов которой минимально зависит от воли граждан.

Примечания

- 1 Подробнее методологию анализа и сравнение развития партийных систем в трансформирующихся странах см.: *Голосов Г.В.* Партийные системы России и стран Восточной Европы. М., 1999.
- 2 См.: *Katz R.* A Theory of Parties and Electoral Systems. Baltimore, 1980.

- 3 См.: *Arendt H.* Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. F/M, 1955; *Bracher K.* Zeitgeschichte: Kontroversen um Faschismus, Totalitarismus, Demokratie. München, 1976; *Friedrich C.* Totalitäre Diktatur. Stuttgart, 1957; *Merkel W.* Systemtransformation. Opladen, 1999. S. 44–56.
- 4 См.: *Linz J., Stepan A.* Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America and Post-Communist Europe. Baltimore, 1996; *Nolte E.* Die Faschistischen Bewegungen. München, 1966.
- 5 См.: *Джанда К.* Сравнение политических партий: исследования и теория // Современная сравнительная политология: Хрестоматия. М., 1997. С. 94.
- 6 См.: *Lipset S., Rokkan S.* Party Systems and Voter Alignments: Cross-National perspectives. N.Y., 1967; *Dalton R.* Citizen Politics in Western Democracies: Public Opinion and Political Parties in the United States, Great Britain, West Germany and France. N.Y., 1988.
- 7 См.: *Panbianco A.* Political Parties. Organization and Power. Cambridge, 1988; *Sartori G.* Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Vol. 1. Cambridge, 1976; *Harmel R., Janda K.* Parties and Their Environments: Limits to Reform? N.Y., 1982.
- 8 См.: *Panbianco A.* Op. cit.; *Sartori G.* Op. cit.; *Schlesinger J.* Political Parties and the Winning of Office. An Arbor, 1991.
- 9 См.: *Sartori G.* Op. cit.; *Janda K.* Political Parties: A Cross-National Survey. N.Y., 1980.
- 10 См.: *Дюверже М.* Политические партии. М., 2000; *Janda K.* Op. cit.; *Schlesinger J.* Op. cit.
- 11 См.: *Downs A.* An Economic Theory of Democracy. N.Y., 1957; *Janda K.* Op. cit.; *Schlesinger J.* Op. cit.
- 12 См.: *Budge I., Keman H.* Parties and Democracy: Coalition Formation and Government Functioning in Twenty States. Oxford, 1980; *Epstein L.* Political Parties in Western Democracies. New Brunswick, 1980.
- 13 Подробнее см.: *Beume K.* Parteien im Wandel. Wiesbaden, 2000.
- 14 См.: *Дюверже М.* Указ. соч.
- 15 См.: *Lipset S.* Op. cit. P. 50; *Beume K.* Op. cit. P. 86; *Mair P.* Party System Change: Approaches and Interpretations. Oxford, 1997. P. 34.
- 16 См.: *Schmidt M.* Allerpweltsparteien in Westeuropa, Ein Beitrag zu Kirchheimers These vom Wandel des westeuropäisches Parteiensystems // Leviathan. 1985. № 13. S. 389.
- 17 См.: *Kirchenheimer O.* Der Wandel des westeuropäischer Parteiensystem // Politische Vierteljahresschrift. 1965. № 6. S. 27; *Mair P.* Op. cit. S. 37.
- 18 См.: *Katz R.* Changing Models of Party Organization and Party Democracy: The Emergence of Cartel Party // Party Politics. 1995. № 1. P. 5–28.
- 19 Ibid. P. 13.
- 20 См.: *Downs A.* Op. cit.
- 21 См.: *Mintzel A.* Die Volkspartei: Typus und Wirklichkeit. Opladen, 1984. S. 23.

Г.М. Михалёва

- 22 См.: *Katz R.* How Parties Organize. L., 1994.
- 23 См.: *Beyme K.* Op. cit. S. 38.
- 24 См.: *Landfried Ch.* Parteifinzen und politische Macht. Baden-Baden, 1994.
- 25 О становлении новых партийных систем в странах ЦВЕ см.: *Kosteletzky T.* Political Parties after Communism: Developments in East-Central Europe. Washington, 2002; *Segert D.* Spätsozialismus und Parteienbildung in Osteuropa nach 1989. Berlin, 1996.
- 26 См.: *Merkel W.* Systemtransformation. S. 155–162.
- 27 См.: *Merkel W.* Die Bedeutung von Parteien im interregionalem Vergleich // *Merkel W., Sandschneider E.* Systemtransformation 3. Opladen, 1997. S. 337–372.
- 28 См.: *Голосов Г.* Указ. соч.; *Beyme K.* Op. cit.; *Segert D.* Op. cit.
- 29 См.: *Kitschelt H.* Formation of the Party Cleavages in Postcommunists Democracies // *Party Politics.* 1995. № 4. P. 447–472.
- 30 Ibid. P. 450.
- 31 К сожалению, большинство исследователей начинают анализ российской многопартийности именно с конца XIX в., усматривая в этом какой-то глубокий смысл. Эта же позиция отражена практически во всех учебниках, см., например: Политические партии в России: История и современность: Учеб. для ист. и гуманитар. факультетов высших учебных заведений / Под ред. А.И. Зевелева и др. М., 2000; Политические партии России в контексте ее истории: Уч. пособие. Ростов н/Д, 1998.
- 32 Подробнее о законодательной базе деятельности партий см.: *Ланева В.В.* Право и многопартийность в современной России. М., 1999.
- 33 Подробнее об изменении законодательства см.: *Заславский С.Е.* Политические партии России: Проблемы правовой институционализации. М., 2003.
- 34 См.: *Beyme K.* Transition to Democracy in Eastern Europe. N.Y., 1996.
- 35 Подробный анализ работы Л. Пая, а также особенностей развития политического процесса в многосоставных обществах, в том числе находящихся в состоянии транзита, см.: *Лейнхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. М., 1997.
- 36 Подробнее см.: *Выборы и партии в регионах России.* М.; СПб., 2000; *Россия регионов.* М., 2000; *Голосов Г.* Указ. соч.
- 37 См.: *Hale H.* Why not Parties in Russia? Democracy, Federalism and the State. Cambridge, 2006.
- 38 См.: *Merkel W.* Die Bedeutung von Parteien.... S. 337–372.
- 39 См.: *Katz R.* Op. cit.

А.А. Сиполс

СОБЫТИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Современная политология все больше уделяет внимания коммуникативным процессам в политическом пространстве, и это неслучайно. На сегодняшний день политика представляет собой борьбу за перераспределение ресурсов, главными среди которых являются средства массовой информации и коммуникации, поскольку они необходимы для функционирования всей политической системы.

Столь высокий интерес к средствам массовой информации со стороны политической элиты связан с тем, что они позволяют трактовать события нужным для ключевых фигур образом.

Благодаря научно-техническому прогрессу, спровоцировавшему развитие всевозможных средств связи, а также благодаря глобализации, сделавшей мир практически единым информационным пространством, большая часть современного человечества, несмотря на территориальную разобщенность, всегда в курсе последних событий, происходящих на разных концах Земли.

В силу того что человек по природе своей существо социальное, он нуждается в постоянном получении информации. Более того, можно сказать, что человеческая жизнь как таковая имеет событийную основу. По сути, время – искусственное понятие, созданное для удобства отсчета событий.

Из сообщений человек получает сведения, которые, если брать в расчет пирамиду потребностей Абрахама Маслоу, удовлетворяют как его первичные потребности – в безопасности и защищенности, так и потребности вторичного уровня – социальные.

Каждый человек в отдельности и общество в целом имеют суверенное право на получение интересующей их информации о событиях без каких-либо ограничений (за исключением сведений, составляющих государственную тайну либо касающихся частной жизни). Это всеобъемлющее право определено Декларацией прав человека и записано в конституциях всех демократических госу-

дарств¹. В первую очередь в современном обществе человек получает информацию из средств массовой информации.

Априори основная задача СМИ заключается в информировании населения о происходящих в мире событиях. Однако в зависимости от расстановки акцентов при освещении события оно может полностью изменить свой первоначальный смысл, получить абсолютно политизированное значение или вовсе не получить общественный резонанс и таким образом потерять свое коммуникативное предназначение.

Средства массовой информации могут события не только интерпретировать, но и создавать. В новой информационной эпохе для создания событий сложились весьма благоприятные условия: появилась возможность с помощью цифровых технологий моделировать происходящие события, формировать виртуальные образы – симулякры, о которых предупреждал Бодрийяр². В результате реальные события и события, созданные искусственно, переплелись, и практически невозможно отличить одно от другого.

Определяя «так называемые псевдособытия», авторы книги «Политические коммуникации» в качестве примера приводят США, где «освещаются не имевшие места поездки политиков по стране, посещение ими детских домов, проведение лотерей для избирателей и т. д.»³. Под псевдособытиями подразумеваются события, которые не произошли в реальной жизни, а были сфабрикованы благодаря умелой операторской и режиссерской работе, спецэффектам и техническим средствам. В российской действительности практика освещения событий (например, поездки президента по стране, которые еще не состоялись) тоже имеет место. Прежде всего это вызвано нормами безопасности.

Безусловно, тактика описания произошедших событий была распространена и до эры информационных технологий. Но не было главного. «Есть картинка – есть событие» – знаменитая фраза, которая так четко характеризует конец XX – начало XXI в.

Целью любого политического события для специалистов в сфере политтехнологий и public relations является изменение знаний, изменение установок, т. е. изменение относительно устойчивых представлений аудитории, изменение поведения получателя информации. Н. Луман в своей книге «Власть» писал, что «общество – система событий, связь между которыми определяется смыслом, соединяющим и разграничивающим различные сферы поведения индивидов»⁴. От того, как эти события будут интерпретированы, зависит общественное поведение.

Получив информацию о каком-либо произошедшем событии, реципиент, если его это заинтересует, осознанно или не вполне осознанно примет информацию к сведению и впоследствии (или даже сразу) может изменить свои политические взгляды и установки, которые затем могут повлиять на его поведение.

Для института власти, как и любого другого института, необходимы специальные механизмы социального контроля и легитимации. Легитимация объясняет институциональный характер власти и придает нормативный характер ее действиям. Конструирование политических событий как раз является одним из способов легитимации власти.

Идея создания политического события в целях привлечения массового интереса не является новой. О специфических формах целенаправленного информационного воздействия на сознание и поведение граждан во имя достижения общего блага говорил, например, Платон, когда в своих размышлениях об идеальном государстве предлагал в воспитательных целях «переписать» мифы и изъять из них все места, где боги предстают перед людьми в невыгодном свете. Аристотель, по существу, впервые обратил внимание на коммуникационный аспект политической деятельности, интерпретируя ее как «общение», направленное на достижение высшего «общего блага».

Таким образом, событийное конструирование существует уже тысячи лет. Оно дошло до нас в лаконичной формуле управления массами: «Panem et circenses!» – «Хлеба и зрелищ!».

В настоящее время этот основной принцип мало изменился, однако его приходится корректировать. Нужно создавать не просто зрелища, а руководствоваться потребностями общества, условиями их жизни, их интересами, позициями. В то же время необходимо разумно влиять на общественное мнение, так как с развитием средств массовой информации возрастает и критический порог восприятия информации у потребителей.

Для того чтобы эффективно влиять на общество, оно должно быть максимально однородным. А поскольку целевой аудиторией, на которое направлено политическое событие, часто является целая страна, однородность сразу исключается, поскольку в эту общность входят люди с совершенно разными интересами, жизненным уровнем, образованием, социальной позицией и т. д. Но так кажется только на первый взгляд.

Человек постоянно находится в социуме, он постоянно взаимодействует с внешним миром начиная с самого рождения. По мнению ученых, эмбриональный период продолжается и после его рождения и длится в течение года. Жизненно важные

процессы развития организма, которые у животных формируются еще до рождения, у человека проходят в непосредственном взаимодействии с внешним миром, с его социокультурным порядком и при постоянном вмешательстве со стороны общества, которое начинается с общения с родителями и затем постоянно расширяется за счет включения в круг общения других людей. Человек получает своеобразный опыт и знания благодаря регулярно совершаемым действиям и происходящим событиям. Для ребенка постоянная повторяемая формула «мы делаем это снова», которая закладывается в процессе воспитания, заменяется формулой «так это делается»⁵. В ходе воспитания, при чтении сказок, просмотре рекламы и т. д. в сознание индивида закладывается представление о том, что такое хорошо и что такое плохо, какое поведение считается «нормальным», а какое – нет. Рассматриваемый таким образом мир приобретает устойчивость, становится более реальным и не может быть легко изменен, и, соответственно, человеческое поведение становится более предсказуемым и практически не составляет потенциальную угрозу для представителей действующей власти. Закладывая в сознание людей определенные установки, институт власти получает в некоторой степени однородную общность с едиными ценностями и реакцией на происходящие события.

В условиях открытого информационного общества человек находится в «гуще» событий, в том числе и политических. Вследствие большого интереса политических институтов к трактовке происходящих событий с поправкой на всеобщую информатизацию и глобализацию, сфера массовых коммуникаций и политика тесно переплелись. Сегодня практически любое событие может считаться политическим или стать таковым. Зачастую невозможно определить, сконструировано ли событие для того, чтобы донести какую-либо информацию в целях решения политических задач, или нет.

Так, события, на первый взгляд кажущиеся абсолютно лишены политической направленности, оказываются крайне политизированными.

Ярким примером этому может служить публикация в главной газете Великобритании. Английская газета «Таймс» от 13 августа 2007 г. вышла с черно-белой фотографией поцелуя на первой полосе, а статья, к которой относилась эта фотография, заняла всю третью страницу газеты. Речь шла о событиях шестидесятидвухлетней давности, когда 14 августа 1945 было объявлено о капитуляции Японии и о победе союзников во Второй мировой войне. В этот день на площади Таймс-сквер в Нью-Йорке

репортеры сделали фотографию, облетевшую весь западный мир и символизировавшую конец войны и начало мирной жизни, радость и эйфорию населения всей планеты.

Сама статья на первый взгляд содержала претензии разных людей, ветеранов флота, на то, что именно они запечатлены на этой знаковой фотографии – целующиеся не были знакомы, и впоследствии не один моряк заявлял, что именно его фотография стала символом того дня. Статья рассказывала о нескольких таких моряках, до сих пор живущих и отмечающих годовщину победы. Также в газете были напечатаны современные фотографии этих людей. Для того чтобы окончательно решить спор, был проведен ряд процедур, целью которых было установление личности по фотографии: анализ формы черепа, рук, коленей и т. д. Надо добавить, что точного решения о стопроцентной идентификации объявлено так и не было. Кроме того, в газете была помещена фотография двух целующихся пенсионеров, специально сделанная перед фотокамерами в 2005 г. на 60-летию события, где они пытаются повторить поцелуй, ставший своего рода иконой XX века.

Казалось бы, вполне невинная статья, не имеющая отношения к политике. Однако «Таймс» – это не бульварная пресса, не так называемые «таблоиды», которые специализируются на подобных сенсациях, ярких фотографиях и броских заголовках с единственной целью привлечь читателя и убедить его приобрести газету. «Таймс» – это уважаемый печатный орган, главная газета Великобритании, ведущий представитель *broad-sheets* – солидных газет, публикующих серьезные новостные материалы. Зачастую эта газета неофициально выражает мнения и интересы британского правительства. Тем не менее на первых полосах она поместила подобные материалы.

Несмотря на то что на первый взгляд здесь нет никакой политической подоплеки, репутация газеты позволяет говорить о том, что подобная статья была размещена неспроста. Если проанализировать нынешнюю ситуацию в Великобритании и США (событиям в которых посвящена газета), то задачи публикации становятся понятны. Оба государства, по сути, ведут войну, пусть и неофициальную, – прежде всего в Ираке, а также в Афганистане и других частях Земли. Люди устали от этой войны, и все чаще звучат призывы к выводу войск – по сути, признанию поражения. Настроения в обществе весьма пессимистичны. Все это вредит репутации власти, а кроме того, вредит и репутации США среди британцев, поскольку именно Америка, по общепринятому мнению, втянула их страну в непрекращающиеся конфликты.

В статье, о которой идет речь, не было ни слова о современной политической ситуации, и обычному читателю, скорее всего, не придет в голову искать здесь какую-либо политическую подоплеку. Однако статья рассказывала о радостных событиях, воссоздавала атмосферу победы и всеобщей радости, вызывала ощущения могущества своих вооруженных сил и дружеского отношения к США, основным союзникам Великобритании как тогда, так и в XI в. Подобная публикация в газете, читаемой огромным количеством людей по всей стране и воспринимаемой серьезно (в отличие от таблоидов, которые хоть и выходят гораздо большим тиражом, но являются обыкновенным бульварным чтивом), может оказать существенное влияние на настроения людей и, соответственно, вызвать у них положительные эмоции, создать иллюзию того, что ситуация в стране и обществе более чем удовлетворительная, и в конечном итоге повысить рейтинг правительства и улучшить восприятие его политики, в том числе союзнических отношений с США.

Очень часто предметом политической манипуляции выступают спортивные мероприятия. Во многих странах, и Россия здесь не исключение, спорт является национальным проектом. Спортивные мероприятия вызывают эмоциональную вовлеченность целевой аудитории, эффект сопереживания, а впоследствии произошедшие события могут долго обсуждаться. Кроме того, в спортивных состязаниях присутствует большой элемент развлекательности. На современном медийном рынке, вовлеченном в гонку инноваций, перенасыщенном всевозможными предложениями и информацией, такая простая ценность, как элемент развлекательности, притягивает к себе больше зрителей. Стоит также отметить, что благодаря использованию большого ряда символов, таких как национальные флаги, гимны, присутствие на мероприятии политических лидеров, общественных деятелей, можно донести до сознания масс идею, например, о том, что спорт – это национальный проект.

Ярким примером трансляции мероприятия, вызывающего ощущение сопричастности у жителей многих стран мира, является трансляция Олимпийских игр. Это мероприятие традиционно собирает большое количество зрителей, которое растет с каждым годом в первую очередь из-за того, что это действо раз от раза становится более зрелищным. Просмотр Олимпиады у жителей практически всех стран мира вызывает рост патриотических чувств, повышение лояльности граждан к институтам власти.

Данный тип мероприятий также хорош тем, что при поражении своей команды можно преподнести информацию о проиг-

рыше абсолютно разными способами. Наиболее востребованным вариантом является испокон веков однозначно успешно срабатывающая «идея внешнего врага». В ситуации со спортивным событием она подается так, как будто усилия представителей других (вражеских) стран направлены на создание всевозможных препятствий, которые не позволяют собственной команде выиграть. Виноваты местные служители, неправомерные проверки на допинг, неправильность хода самой процедуры и многое другое.

В своей книге «О телевидении и журналистике» Пьер Бурдьё посвятил большой фрагмент трансляции Олимпийских игр, назвав их «состязанием атлетов, приехавших со всего земного шара, которое проходит под лозунгом общественных идеалов, а также националистически окрашенных ритуалов шествия сборных различных стран»⁶.

Возвращаясь к вопросу о конструировании событий, необходимо отметить, что несмотря на то что действо – Олимпийские игры – одно, преподносится оно в каждой стране по-разному. Благодаря монтажу, хорошей операторской и режиссерской работе в одной стране показывают одни виды спорта, в другой – другие. Вырезаются различные фрагменты мероприятия. При этом каждый зритель считает, что видел единственно истинное зрелище Олимпиады – то, которое показали по телевизору. Получается, что реально происходящее событие – Олимпиада – в репортажах превращается в сотни различных событий, несущих в себе ту информацию, которую ключевые фигуры каждой страны сочли нужным донести до своих граждан.

Безусловно, тот факт, что международные соревнования тесно переплетены с внешней политикой, общеизвестен и очевиден. Каждая страна старается представить свои успехи на спортивной арене как политическую победу. Борьба за право проведения Олимпийских игр и чемпионатов мира по футболу, командный зачет на олимпийских играх, т. е. соревнование ведущих мировых держав (США, Россия, Китай, Германия), хоккейные баталии между СССР и США с Канадой и многие другие международные соревнования – все это отличные примеры превращения международных спортивных событий в политические.

Зачастую достигнутые спортсменами сборных команд результаты используются и во внутренней политике, прежде всего для демонстрации гражданам мощи своего государства, а следовательно, правильной политики, проводимой властями.

Хотя чаще всего в политических целях используются международные спортивные соревнования, но и внутренние сорев-

нования могут быть превращены в политическое событие. Для этого они, естественно, должны иметь широкий общественный резонанс.

К примеру, в Испании футбол является национальным видом спорта, и за национальным чемпионатом увлечено следит абсолютно все население страны. Во времена франкизма, когда все националистические движения и даже общение на других языках, кроме испанского, были запрещены, футбольный клуб «Барселона» стал символом борьбы Каталонии за независимость. Атрибутика клуба использовалась вместо запрещенного властями каталонского флага, а матчи с основным соперником, мадридским «Реалом», символизировавшим центральную власть (как столичную и наиболее популярную среди испанцев команду), зачастую превращались в аналог борьбы за независимость и эксплуатировались каталонскими националистами в целях распространения своей идеологии.

С другой стороны, и франкистское правительство использовало эти матчи в своих целях. К примеру, в 1941 г. после победы «Барселоны» над «Реалом» со счетом 3:0 на своем поле для руководства страны реванш в ответном матче стал вопросом чести, и матч был превращен в политическое событие. В условиях огромного давления, оказанного властями на команду, и угроз со стороны полиции, «Барселона» проиграла в Мадриде со счетом 11:1, и эта победа была символом повиновения каталонцев Испании.

Сегодня спортивная борьба в Испании не настолько политизирована, как во франкистские времена, но принципиальность и политическая значимость противостояния двух ведущих клубов страны сохраняются. Кроме того, в политическом поле действуют и другие клубы, к примеру «Атлетик» из Бильбао, столицы Страны басков, борющейся за независимость. В эту команду традиционно приглашают только этнических басков, также превращая команду в символ борьбы за суверенитет.

В современном обществе можно найти огромное количество таких примеров. Скорее, даже наоборот: если брать и анализировать все события подряд, наверное, практически все будут иметь политическую окраску. Только сразу нужно оговориться – под «всеми» событиями необходимо рассматривать только события, имеющие общественный резонанс, который в большинстве случаев достигается с помощью СМИ.

Для того чтобы событие считалось политическим, необходима большая целевая аудитория, на которую направлено сообщение о событии, и, как можно было убедиться, не обязательно событие должно иметь политическую окраску.

Само понятие «событие» в толковом словаре живого великорусского языка Владимир Иванович Даль определяет как «событность кого с кем, чего с чем, пребывание вместе и в одно время». Подобную «событность» большой аудитории, особенно в масштабах целой страны, на которую в первую очередь и бывают ориентированы события, можно получить с помощью СМИ, что уже было отмечено выше.

Таким образом, событийное конструирование при правильном выборе целевой аудитории, типизаций и СМИ является эффективным инструментом политической коммуникации.

Примечания

- 1 См.: *Цвик В.Л.* Реклама как вид журналистики: Учеб пособие. М.: Ин-т современного искусства, 2001. С. 21.
- 2 См.: *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Изд-во «Рудомино», 2001.
- 3 См.: Политические коммуникации: Учеб. пособие для студентов вузов [Петрунин Ю.Ю. и др.]; под ред. А.И. Соловьева. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 134.
- 4 См.: *Луман Н.* Власть. М.: Праксис, 2001. С. 25.
- 5 См.: *Бергман П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. С. 98.
- 6 См.: *Бурдье П.* О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Ин-т экспериментальной социологии, 2002.

ПРОШЛОЕ В СОВРЕМЕННОСТИ: К ВОПРОСУ О ТЕХНОЛОГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ

Люди предполагают, что существует некая «нерассказанная» история, где запечатлены все истинные факты событий прошлого. Событие – нечто свершившееся; то, что попало в сферу внимания исследователя, от которого ожидают, что он воспроизведет его правдивый смысл и прошлое станет руководством для будущего, не даст повторить сделанные ошибки. Но такие ожидания обманчивы, поскольку нерассказанных историй не бывает. Ученый не имеет прямого доступа к прошлому, облик и структура воссоздаваемого им события зависят не от истинной природы последнего, а от того социально-политического и интеллектуального контекста, в который это событие включено. Стало быть, событие имеет конструктивистскую природу и не существует независимо от исследователя, который создает его интеллектуальную модель. Он не описывает нечто, лежащее перед ним, он «учреждает» событие, что позволяет собрать отдельные голоса прошлого и придать им смысл. Поэтому объем события зависит от угла зрения ученого, который с помощью интеллектуальных технологий определяет его масштаб и выстраивает исследовательскую логику.

Решающим аргументом конструирования политического события становится новая интерпретация прошлого. Прошлое актуализируется таким образом, что определяет смысл современности, а присутствующие в нем события формируют узлы социально-политической реальности. Прошлое присутствует в современности, а современность предопределяет образ прошлого. При этом то, что воспринимается в прошлом как положительный момент, становится конструктивным элементом политической реальности.

Именно такой политический сценарий реализовался в России после революции 1905–1907 гг., когда на повестку дня было поставлено разрешение крестьянского вопроса и содержание пре-

образований для реформаторов определялось не столько социальной реальностью, сколько интеллектуальным контекстом.

* * *

9 ноября 1906 г. в России был издан указ, имевший скромное название «О дополнении некоторых постановлений действующего законодательства, касающихся крестьянского землевладения и землепользования»¹. В дальнейшем, дополненный и переработанный в III Думе, он стал действовать как закон от 14 июля 1910 г. 29 мая 1911 г. был принят закон «О землеустройстве». Эти три акта составили юридическую основу серии мероприятий, известных под названием «стольпинская аграрная реформа» – социально-политического события в жизни России, значимость и масштабы которого являются объектом дискуссии до сегодняшнего дня.

Такой сложный социально-политический феномен, как аграрная реформа, не может не быть кросскультурным явлением и на его формирование и содержание оказывал влияние целый ряд факторов.

П.А. Столыпин был представителем практичного и законопослушного поколения восьмидесятников, а это значило, что он совершенно сознательно избрал чиновничью карьеру. Именно это и определило тип реформатора-государственника, каким впоследствии стал Столыпин.

Аграрный вопрос постоянно был в центре общественного и политического внимания начиная с «Великих реформ» середины XIX в., гордиевым узлом которого признавалась проблема русской крестьянской общины. У Столыпина не случайно сложилось устойчивое мнение, что именно крестьянская община является главным тормозом прогресса в аграрном вопросе. Большую часть своей жизни он был связан с западным краем. В Ковенской губернии у Столыпина было несколько имений, одно из которых находилось на границе с Германией. Дороги российские всегда были плохи, и поэтому самый удобный путь пролегал через Пруссию. Именно в этих путешествиях Столыпин познакомился с образцовыми немецкими хуторами и уверовал в их экономическую эффективность².

Будучи в 1902 г. уже гродненским губернатором, он впервые публично изложил свои взгляды на реформирование сельского хозяйства. Они в основном сводились к уничтожению крестьянской чересполосицы и расселению на хутора. При этом он прямо заявлял, что народ темен и улучшать быт крестьянства следует независимо от мнения самих крестьян. Это убеждение

Н.В. Иллерицкая

Столыпин пронес через всю свою государственную деятельность³.

В чем же суть столыпинской аграрной реформы? Столыпин имел твердые представления относительно общины, хуторов-отрубов и способов их насаждения. Это стало стержнем его аграрной программы. В итоге ему удалось составить более или менее целостную программу умеренных преобразований. Столыпин стремился снять революцию с повестки дня, разрешив с помощью реформ ее основные политические и социальные вопросы.

Взгляды советских, зарубежных и современных отечественных исследователей на столыпинскую аграрную реформу сильно различаются⁴. Но в них есть и общее основание, поскольку все исходят из утверждения, что целью Столыпина было создание слоя фермеров, а для этого разрушение общины он сделал своей первоочередной задачей. Предполагалось, что первый этап реформы – чересполосное укрепление наделов отдельными домохозяйствами – нарушит единство крестьянского мира. После этого предполагалось приступить ко второму этапу – разбивке всего деревенского надела на отруба и хутора. Последние считались идеальной формой землевладения.

Что же должно было появиться на месте разрушенной общины? Узкий слой сельских капиталистов, как полагали советские историки, или широкие массы процветающих фермеров, как считали западные историки? Первое не предполагалось, а второе не получилось. Переселение в Сибирь и продажа земель через Крестьянский банк не решили проблему крестьянского малоземелья. Концентрация земли в руках кулаков не хотело само правительство, ибо в результате должна была разориться масса крестьян. Сам Столыпин считал, что на месте разрушенной общины должен быть мелкий собственник. Крепкий, работающий собственник, по замыслу Столыпина, должен был формироваться на основе широких слоев зажиточного и среднего крестьянства. Дух предприимчивости, по его мнению, освобожденный от стеснения общины и семьи, в короткое время способен был преобразить даже хилое хозяйство середняка. Каждый должен был стать «кузнецом своего счастья» и каждый такой «кузнец» мог рассчитывать лишь на крепость рук своих и своей семьи, так как сколько-нибудь значительная помощь со стороны на переустройство хозяйства не предполагалась.

Все это свидетельствует о том, что Столыпин, при всей своей практичности, бывал идеалистом. А история нередко зло шутит с идеалистами. Во всей затее с хуторами и отрубам было

много надуманного. Сами по себе хутора и отруба не могли обеспечить подъем крестьянской агрикультуры, а преимущества их перед чересполосной системой хозяйствования, по существу, не доказаны до сих пор. Между тем хутора и отруба упорно рассматривались как единственное универсальное средство, способное поднять крестьянское хозяйство от Польши до Дальнего Востока. При этом жестко подавлялись альтернативные способы развития агрикультуры как «неправильные», хотя они-то были выдвинуты жизнью. Фактический запрет земельных переделов приостановил переход сельских обществ от трехпольной системы к многопольным севооборотам. Задерживался и переход на «широкие полосы», с помощью которых крестьяне сами старались бороться с чересполосицей и мелкоземельем⁵.

Абстрактность замысла столыпинской аграрной реформы часто пытаются объяснить тем, что ее сочинили люди, плохо знавшие русскую деревню. Но убеждает ли это? Откуда мог взяться столь облегченный подход к русской крестьянской общине и уверенность в том, что ее можно ликвидировать сверху? Ведь и в среде дворянства, хорошо знакомого с жизнью русской деревни, бытовало то же самое мнение. Достаточно вспомнить первый съезд уполномоченных дворянских обществ. Он был созван в мае 1906 г. при содействии правительства. С докладом «Основные положения по аграрному вопросу» выступил чиновник МВД Д.И. Пестржецкий (министром внутренних дел в это время был П.А. Столыпин). В докладе резко критиковались популярные в Думе предложения о принудительном отчуждении частновладельческих земель. В нем подчеркивалось, что необходимо принять меры к улучшению крестьянского землепользования, включая переход от общинной к личной собственности, расселение крупных деревень, создание хуторов. При этом в докладе особо отмечалось, что во всем мире переход крестьян к улучшенным системам хозяйства происходил при сильном давлении сверху⁶. Это, по сути, была позиция самого Столыпина.

Настроение прибывших на съезд дворян было однозначным: много резких слов было сказано в адрес крестьянской общины⁷. Вопрос о хуторах и отрубях не вызвал больших прений. Главная забота дворянства сводилась к тому, чтобы «закрыть» вопрос о крестьянском малоземелье и избавиться от общины. Правительство предложило раздробить ее с помощью хуторов и отрубов, и дворянство охотно согласилось.

Конечно, такая неприязнь к крестьянской общине и уверенность в возможности ее устранения имели под собой несколько оснований. Значительную роль здесь сыграла политика:

Н.В. Иллерицкая

в период первой русской революции крестьяне ходили громить помещичьи усадьбы «всем миром». Но только этого было недостаточно. Дело в том, что реформаторские идеи генерировались людьми образованными, знакомыми с новыми научными разработками, поэтому интеллектуальный дискурс академической историко-правовой науки оказывал на них решающее воздействие, тем более что в науке начала XX в. сформировался соответствующий интеллектуальный миф.

К концу XIX в. в науке существование общинного землевладения в Московской Руси XIV–XVII вв. практически не подвергалось сомнению. Оформилось и мнение о древнейшем, доисторическом бытии общин (родовых и территориальных). Большие разногласия существовали по вопросу генетической связи общины Московской эпохи с общинами родовыми и территориальными. Исследователи последней трети XIX в. старались объяснить переход от родовых общин к территориальным с помощью фактов XVI и XVII вв. и по аналогии явления задруги у западных славян. Из этого общего хора резко выделялась позиция В.И. Сергеевича – крупнейшего историка русского права начала XX в., представителя историко-юридической школы. В.И. Сергеевичу принадлежит особенное место среди историков права не только благодаря его выдающимся академическим знаниям, но и потому, что он занимал высокие административные посты: с 1897 по 1899 гг. был ректором Петербургского университета, а в 1906 г. стал членом Государственного совета по избирательной квоте от академиков и профессоров университетов. В результате Сергеевич мог проводить свои идеи не только через научные публикации, но и озвучивать их в стенах высшего законосовещательного учреждения Российской империи, тем самым реально влияя на законотворческий и политический процесс в стране.

В.И. Сергеевич позже других исследователей обратился к проблеме русской общины, главным образом из-за ее политической заостренности – в первую очередь в обширном очерке «Крестьянские права и общинное землевладение в Архангельской губернии в половине XVIII века» (1907 г.), затем в третьем издании «Древностей русского права» (1908–1909 гг.) и в большой статье «Время возникновения крестьянской поземельной общины» (1908 г.). Это дало Сергеевичу возможность обобщить все споры и высветить все новые, сложные вопросы общинного землепользования, правового положения крестьян более чем за 40 лет научного изучения и сделать вполне прагматические и политически острые выводы. Особое влияние на политическую

ситуацию имела его статья «Время возникновения крестьянской поземельной общины», которая являлась публикацией сообщения В.И. Сергеевича как члена Госсовета в Клубе общественных деятелей 7 февраля 1908 г.

Сергеевич особенно подчеркивал, что в конечном итоге в спорах по этому вопросу исследователи разделились на два лагеря: сторонники исключительной древности общины и их противники. Сам Сергеевич считал, что ни патриархальной, ни владельческой общины просто не было. Допущение существования у нас в древности поземельной общины базируется на аналогии с другими славянскими племенами. Сергеевич в целом разделял общинно-задружную теорию Ф.И. Леонтовича, но эта семейная община, на его взгляд, не владела нераздельной собственностью. Каждый член задруги мог выйти из общины и получить свою часть. Но и такая семейная община появилась поздно, ее не было еще в XIV в. Безусловно, по его мнению, можно было принять лишь идею Чичерина о государственном происхождении современной поземельной общины. Все заблуждения, связанные с решением этой сложной научной проблемы, как считал Сергеевич, связаны с состоянием источников.

По мнению Сергеевича, время возникновения поземельной общины не является только нашим русским вопросом: он занимает и ученых Запада. В середине XIX в. Западная Европа узнала о существовании нашей общины. Именно в Германии был сделан заметный шаг вперед в понимании природы общины: такой порядок вещей был общенародным, а не только славянским, все начинали с общины. И такой взгляд многие десятки лет не вызывал никаких возражений. Заслуга Б.Н. Чичерина состоит в том, что он первым усомнился, что русская земельная община представляет первоначальный порядок вещей. Он нашел, что община в настоящем ее виде носит все следы явного недостатка земли. Как же относить ее возникновение к тому времени, когда земли было много, а людей мало? Чичерин высказался против древности нашей общины и доказывал, что возникновение ее есть следствие введения подушной подати Петром Великим⁸.

В Западной Европе, пишет Сергеевич, еще позднее нас у ученых появилось сомнение в древности общинного землевладения. Там эта заслуга принадлежит Фюстель-де-Куланжу. Последний доказывал, что мнение об исконной древности общинного землевладения основано на чистом недоразумении, на неправильном понимании исследователями терминов, которые в древних памятниках употреблялись для обозначения разного вида владений⁹.

Сейчас же, подчеркивает Сергеевич, в распоряжении ученых наконец появились документы, на основании которых можно ясно определить характер нашего древнего землевладения в то время, когда стала слагаться община. На основе этих документов можно выяснить, какой был у нас тип землевладения в XV в. Источники, которые решают этот вопрос – Новгородские писцовые книги, – интереснейшие документы древности. В них точно, по мнению Сергеевича, обозначено, кто владел землей. Владелец крупный назывался боярином, небольшой владелец – «боярышек», и все они – «своеземцы». В этих книгах можно найти только частных владельцев, там нет общинной земли. В числе частных владельцев находятся бояре, горожане, духовенство и т. д., тут и крестьяне – своеземцы, а не общинники¹⁰.

Можно задать вопрос: а как же в других местах? Древняя Русь была разделена на многие княжества и состояла из нескольких самостоятельных государств, но жизнь, утверждал Сергеевич, везде была одинакова. Княжеские порядки были одни и те же во всех княжениях, также были одинаковы нравы высших и средних классов, крестьян. Крестьяне были свободны, переходили с места на место, беспрерывно общались между собою; думать, что в других местах были другие порядки, нет никаких оснований¹¹.

Внешний вид старой деревни, считал Сергеевич, был совсем другой, чем тот, что мы находим теперь. В старину один двор уже составлял деревню. Старое хозяйство было хуторское. Наряду с личным землевладением было «общее», но не общинное – это разные вещи. Возникали деревни в два, три, четыре двора. Это было соединение нескольких владельцев – «сябров» – людей, которые имеют общие участки¹².

Таковы данные, писал Сергеевич, которые мы извлекли из писцовых книг конца XV в. Порядок народного хозяйства слагается не за 2–3 года: это дело веков. Надо думать, что так было и в XIII–XIV вв., и ранее. Этот порядок существовал уже и во времена Русской Правды. Он говорит о частной собственности, дележе недвижимости по смерти отца.

Писцовые книги, по мнению Сергеевича, дают картину и первого возникновения общинного владения. Он имел в виду книги, написанные при Иване III, который предпринял радикальнейшие меры: конфисковал новгородские земли и выселил всех богатых владельцев, семь тысяч, в Низовские земли, а именно в Москву, Кострому, Нижний и на их место переселил московских людей. Все переселенцы получили землю. Однако Иван III Васильевич не все конфискованные земли роздал москвичам:

весьма значительное количество осталось за ним. Эти участки земли перешли к крестьянам, которые сидели на них до этого в качестве арендаторов. Теперь они сидят на государевой земле, а характер и порядок взимания повинностей изменился: Иван Васильевич возложил обязанности платежа на всю общину, а кто будет платить и сколько, ему все равно. Так впервые возникло общинное владение, но не общинное хозяйство. Община владеет землей, она собирает повинности и раздает пустые земли. У разных волостей появились общинные угодья¹³.

Иван III Васильевич, утверждает Сергеевич, впервые создает земли, принадлежащие крестьянской общине. Они назывались землями «Великого Князя, а нашего владения», т. е. крестьянского. Какое же юридическое положение имели эти земли? Князь конфисковал их на себя, он собственник, но сам ими не пользуется, оставляя их за жившими на них крестьянами. Какие же права у крестьян? Земля у них только в пользовании, но они продолжают владеть ею как прежде – лично: они ее продают, закупают, дарят.

А какие права имеет община? Она распоряжается угодьями, собирает повинности и вносит их в казну. Но община не входит в то, что какой-либо крестьянин передал свою землю другому. Предоставленная общинам земля не оставалась за ними вечно. Они пользовались ею до тех пор, пока разрешал государь. Если он передавал землю помещику или монастырю, то крестьяне переходили в прежнее положение: они опять становились сьемщиками господской земли¹⁴.

Сергеевич считал, что Иван III Васильевич был, конечно, не первый, кто конфисковал земли тех, кому не доверял. Это было в обычае и вытекало из завещаний великих князей. Из этого следует, что действительное возникновение крестьянской общины надо отнести ко времени более раннему. Надо думать, что уже в XIV в. начало возникать общинное землевладение. Но владение это общинное, а пользование частное: каждый имел отдельный участок, переделов не было никаких, участки покупались, продавались, завещались, наследовались, и все это можно видеть из документов конца XV – начала XVI в.¹⁵

Этот новый порядок вещей можно наблюдать и в XVIII в. благодаря новым документам – наказам крестьян Архангельской губернии, привезенным депутатами в Екатерининскую законодательную комиссию¹⁶. Тогда Архангельская губерния включала в себя всю Вологодскую и три уезда Костромской губернии. В старину они принадлежали к новгородским землям и там сохранилось более всего «черносошных крестьян». И порядок вещей,

подчеркивает Сергеевич, в черносошных землях XVIII в. был совершенно таким же, как и в новгородских «пятинах» XV в.

В начале XVIII в. Петр I ввел подушную подать. Подушная подать должна была в корне изменить отношение платежных сил к землевладению. Экономическое положение крестьян осложнилось. И что же просят крестьяне в своих наказах? Бедные желают передела земли по душам, богатые желают передела повинностей по земле. Последнее экономически правильнее, считает Сергеевич, и согласуется с тем, что было в старину.

Спорный вопрос был решен в межевой инструкции 1754 г. при императрице Елизавете Петровне. Эта инструкция запретила крестьянам продавать свои земли, занимать под залог земли в долг, и предписывала передел земли¹⁷. Крестьяне не везде подчинились этим распоряжениям и жили по старине. Только в 1781 г. последовал указ, который предписывал всем черносошным обязательно производить переделы¹⁸.

В заключение Сергеевич пришел к твердому убеждению, что общинное землевладение не есть исконно русский порядок вещей. Возникло оно не из народного духа, не из народных обычаев, а в силу правительственных распоряжений, чтобы было с чего платить подушную подать. Он считал, что все это было большой ошибкой эпохи реформ. Но напрашивается и другое умозаключение: община, возникшая в силу правительственных распоряжений, правительством может быть и разрушена.

Если обобщить все споры ученых по проблеме русской общины, следует признать, что возникновение общинного землепользования они никак не могли полностью объяснить какими-либо явлениями, вновь возникшими в Московском государстве, например конфискацией частных имуществ великими князьями, не могли отнести его ни к концу XV в., ни даже к концу XIV в., ибо московская самодержавная власть, усиленно раздавая государственные земли служилым людям, разрушала, а не создавала прежние общинные права волостей. Поэтому исследователи вынуждены были признать, что общинные права волостей, которые они наблюдали в XIV–XVII вв., должны быть отнесены к древнейшим временам, хотя письменных свидетельств ни за, ни против не имелось. Отсутствие же указаний на общинные порядки в новгородских писцовых книгах требовало дальнейшего изучения и уточнения.

Следует констатировать, что все попытки науки объяснить историческое появление общины одинаково мифологичны. Необходимо было отдавать себе полный отчет в том, что действительное появление общины все равно было загадкой из-за

совершенного отсутствия данных. Как в начале XIX в., так и в начале XX в. существовали одни теории. Точка зрения В.И. Сергеевича не обрела значительной поддержки в академической среде, зато получила политические перспективы. Она имела такое же право на существование, как и прежняя гипотеза о доисторическом происхождении общинных союзов из родовых и о связи их с общинами XIV–XVII вв.

В целом сторонники историко-юридической школы, при всем разнообразии видения проблемы общинного землевладения и судьбы крестьянской общины, были едины в утверждении их государственного происхождения. Они исходили из собственного понимания образа древней России как своеобразного, но вполне цивилизованного государства, где общинное землевладение вовсе не является его отличительной, родовой чертой. Именно поэтому они, начиная с трудов С.М. Соловьева и Б.Н. Чичерина, неизменно утверждали, что исторический алгоритм России неизбежно сведет ее в будущем с Западной Европой. Сергеевич лишь разработал наиболее ясную и крайнюю, как было присуще его исследовательскому темпераменту, конструкцию этого русского исторического пути. В политическом же плане это означало, что и европейская модель преобразований в области социально-экономической жизни может быть воспринята как пример для подражания.

Симулятивный характер реформы подтвердила практика: хутора приживались только в некоторых западных губерниях, включая Псковскую и Смоленскую. Отруба подходили лишь для губерний Северного Причерноморья, Северного Кавказа и степного Заволжья. Объяснялось это отсутствием сильных общинных традиций в сочетании с высоким уровнем аграрного капитализма, исключительным плодородием почвы и ее однородностью на очень больших пространствах. Только при таких условиях, как оказалось, переход на отруба приносил пользу. Но все эти территории были исключением из правила, а не нормой для крестьянской России.

Таким образом, аграрные преобразования начала XX в. в России стали своеобразным *case study* политического конструирования, когда интеллектуальный дискурс определил структуру и смысл политического события и создал тот «узел» социальной реальности, который впоследствии историки обозначили как «стольпинскую аграрную реформу».

- 1 Полное собрание законов Российской империи. Т. 26. № 28528.
- 2 См.: *Бок М.П.* Воспоминания о моем отце П.А. Столыпине. Нью-Йорк, 1953. С. 43.
- 3 См.: *Изгоев А.П.* П.А. Столыпин: Очерк жизни и деятельности. М., 1912. С. 16–18.
- 4 См.: *Дубровский С.М.* Столыпинская земельная реформа. М., 1965; *Toktakoff G.* Stolypin' s Agrarian Reform in Russia: An Appraisal // *The Russian Review.* 1971. Vol. 30. P. 2; *Yaney G.* The Urge to Mobilize: Agrarian Reform in Russia. Urbana; Chicago; L., 1982; *Koefoed C.A.* My Share in the Stolypin Agrarian Reforms. Odense, 1985.
- 5 Подробнее см.: *Зырянов П.А.* Петр Аркадьевич Столыпин // Россия на рубеже веков. М., 1991. С. 48–78.
- 6 См.: Труды первого съезда уполномоченных дворянских обществ 29 губерний. СПб., 1910. С. 152–156.
- 7 Там же. С. 54.
- 8 См.: *Сергеевич В.И.* Время возникновения крестьянской поземельной общины: Сообщение члена Государственного Совета В.И. Сергеевича в Клубе общественных деятелей, 7 февраля 1908 г. СПб., 1908. С. 4–6.
- 9 Там же. С. 6–7.
- 10 Там же. С. 7.
- 11 Там же. С. 8.
- 12 Там же. С. 9.
- 13 Там же. С. 11.
- 14 Там же. С. 10.
- 15 Там же. С. 12.
- 16 См.: *Сергеевич В.И.* Крестьянские права и общинное землевладение в Архангельской губернии в половине XVIII века. СПб., 1907. С. 8–10.
- 17 Там же. С. 14.
- 18 Там же. С. 16.

А.С. Мадатов

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В СМЕНЕ РЕЖИМА

Очевидным является факт, что любой политический процесс представляет собой совокупность политических событий. Каждое мало-мальски существенное политическое событие есть показатель функционирования политической системы и политического режима. Нельзя не констатировать тот факт, что анализу места и роли событий в теории политики (если, конечно, не считать рассмотрение конкретных событий на эмпирическом уровне) пока еще уделяется недостаточно внимания, хотя политическая история и сама политическая реальность предоставляют для этого огромный эмпирический материал.

Между тем проблема, связанная с анализом «политического события» (или серии «политических событий»), которая находится на стыке политической истории и политической теории, имеет важное методологическое значение. В политической науке событие трудно рассматривать без обращения к конкретному фактическому материалу на конкретных примерах той или иной страны, что в англоязычной политологической литературе получило название *case studies*. В свою очередь, именно обращение к *case studies* под углом зрения места и роли событий в политическом процессе дает новый материал для обобщений и классификаций. То же относится к событиям, связанным со сменой политического режима.

Если рассматривать политические события под углом зрения классической модели политической системы Д. Истона, то в ее рамках любое событие, находящееся на «входе» (*input*) в политическую систему, является как реакцией на импульсы окружающей среды, так и сигналами обратной связи «выхода» (*output*) из политической системы, т. е. решений и практических действий.

Анализ места и роли событий в историческом и политическом процессе, как и других явлений и объектов, предполагает

А.С. Мадатов

учет онтологических и гносеологических аспектов. В онтологическом плане любое событие выступает как объективный исторический факт. Однако понятия «факт» и «событие» не тождественны. Любое историческое событие есть одновременно и исторический факт, однако не всякий факт выступает в качестве события. Если любой факт представляет собой естественное явление объективной реальности (во многом типичное и повторяющееся), то событие среди множества фактов отличается своей уникальностью и неповторимостью. Как справедливо отмечает в этой связи А.В. Родин, «факт обычен постольку, поскольку это всегда один из возможных фактов, то есть он всегда принадлежит к некоторому существующему полю возможностей. *Событие исключительно постольку, поскольку оно изменяет само это поле* (здесь и далее курсив мой. – А. М.). Поэтому события являются в некотором смысле “невозможными фактами”, *создающими новые возможности и новые основания*»¹. Именно степень воздействия событий на историческое поле, обуславливающая перелом в историческом и политическом процессе, дает исторической науке основание в системе событий выделять *знаковые события*.

Гносеологический (т. е. теоретико-познавательный) аспект событий связан с его субъективной интерпретацией как на уровне теоретического, так и массового сознания. В этой связи представляют интерес рассуждения О.В. Герасимова, который, анализируя соотношения онтологических и гносеологических сторон рассматриваемой проблемы, выделяет три вида исторических событий: в-себе-событие, для-нас-событие и с-нами-событие (или со-бытие)². Историческое в-себе-событие, согласно автору, это – событие прошлого или, иными словами, «фрагмент прошлой исторической реальности, то, что некогда существовало само по себе вне зависимости от нашего знания о нем»². Событие-для-нас формируется на основе осмысления исторического факта и синтеза его с другими фактами. И, наконец, историческое с-нами-событие – это такое событие, участниками которого мы являемся. В этом плане рефлексия «пережитых событий формирует у человека историческое мышление, чувство исторического. Включение человека в исторический процесс позволяет определить с-нами-событие как со-бытие, что показывает совместное бытие субъекта и объекта познания»². Именно в этих трех аспектах проявляется единство онтологического и гносеологического в анализе событий.

Вместе с тем, на мой взгляд, нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что в-себе-событие по-разному преломля-

ется в с-нами-событии и для-нас-событии. Это, в свою очередь, вытекает из неодинакового субъективного восприятия того или иного события, что обусловлено различной политической ангажированностью субъектов, их неодинаковыми социальными и политическими интересами. Результатом выступает различная трактовка исторических событий, а также тот факт, что те или иные события нередко обрастают всевозможными мифами (особенно по мере временной отдаленности).

Политические события всегда протекают в пространстве и времени. Пространственное измерение событий включает в себя: 1) географическое измерение, т. е. страну или регион, в рамках которого протекает то или иное событие; 2) экономическое пространство, т. е. экономический строй общества, рассматриваемый во взаимосвязи с политической системой; 3) политическое пространство, т. е. собственно политическую систему и политический режим, выступающие в качестве детерминанты события; 4) культурное пространство, т. е. культурно-цивилизационный характер общества (включая сюда и воздействие религиозных факторов там, где они играют существенную роль); при этом культурно-цивилизационные особенности необходимо рассматривать не только в статичном состоянии, но и в их динамике.

Когда речь идет о временном измерении событий, то здесь имеется в виду не столько физическое, сколько политическое время. Политическое время – это мера интенсивности политического процесса, которое «измеряется частотой событий в единицу физического времени, может ускоряться или замедляться в зависимости от своей событийной насыщенности»³. Политическое время, таким образом, протекает в рамках физического времени, хотя далеко не всегда совпадает с последним.

В ряде случаев важным компонентом политического времени выступает такой феномен, как *историческая память*. Последняя связана с воспроизводством в общественном сознании каких-то знаковых событий прошлого, которые приобретают особую актуальность при оценке настоящего. В период горбачевской перестройки, например, особое внимание было обращено как на преступления сталинизма (которые ассоциировались с преследованием диссидентского движения в 60–80-е годы и связывались уже с сущностью всей советской системы), так и на кратковременный период хрущевской оттепели, представлявший собой первую робкую попытку либерализации советского тоталитарного режима. В Чехословакии историческая память включала в себя, во-первых, воспоминания о довоенном развитии (поскольку Чехословакия была единственной из восточно-

европейских стран со стабильно функционирующей демократической системой) и, во-вторых, память о «Пражской весне» 1968 г. Подобных примеров на конкретном материале отдельных стран можно привести множество.

Именно в условиях обострения кризиса легитимности «старого режима» (автократического в его тоталитарных или авторитарных проявлениях) наблюдается обострение и актуализация тех или иных компонентов исторической памяти, которая накладывает свой отпечаток на политические события.

Применительно к становлению и развитию демократических форм правления политическое время включает в себя:

- период становления демократического строя и формирования демократических институтов в результате кризиса и поражения тиранических, деспотических, абсолютистских, авторитарных и тоталитарных режимов, т. е. период, связанный с процессом демократизации;

- период относительно стабильного функционирования демократического режима;

- период кризиса демократического режима, который нередко ставит под угрозу само существование последнего;

- период выхода из политического кризиса и сохранения демократического строя в результате относительно мирного разрешения политических конфликтов и частично (в той или иной степени в зависимости от конкретных условий) реформирования демократического режима;

- период упадка демократии и смены ее различными формами тирании или деспотии⁴.

Если сопоставить эти общие временные параметры с политической историей отдельной страны, то почти в каждом случае можно обнаружить соответствующее знаковое событие или последовательность событий, связанных внутренней объективной логикой.

Попутно хотелось бы обратить внимание на то, что при анализе тех или иных событий мы сталкиваемся с широко известной историософской антиномией, т. е. двумя диаметрально противоположными тезисами, имеющими равное право на существование: с одной стороны, в истории нет сослагательного наклонения, а с другой – возможная многовариантность развития. Но анализ этой многовариантности, пусть даже в абстрактно-гипотетическом плане, должен базироваться на реальной социальной и политической ситуации в рамках каждого конкретного исторического отрезка времени.

При рассмотрении политических событий мы всегда сталкиваемся со следующими дихотомиями:

- упорядоченность и хаотичность;
- детерминированность и случайность;
- рациональное и иррациональное.

При этом дихотомии не проявляются в чистом виде. Другое дело, что в каждом конкретном случае преобладающей может быть либо одна, либо другая сторона из вышеуказанных дихотомий. Однако когда речь идет о смене политического режима или о каких-то знаковых событиях, связанных с существенными политическими трансформациями, то здесь, как правило, преобладают детерминированность, упорядоченность и рациональность.

Детерминированность знаковых событий, которые впоследствии ведут к политическим трансформациям и смене политического режима, обусловлены всей предшествующей динамикой социального, экономического и культурного пространства. Изменения в социальном пространстве могут быть выражены в изменениях в социальной структуре общества (например, в увеличении удельного веса среднего класса или в возросшем образовательном уровне населения). Изменения в экономическом пространстве нередко выражаются в экономическом кризисе или неудовлетворенности большинства населения своим экономическим положением. И, наконец, изменения в культурном пространстве обусловлены сменой политико-культурных установок участников событий. Это, в свою очередь, нередко бывает вызвано определенными сдвигами в политико-коммуникационной сфере, в том числе и международными политико-коммуникационными процессами.

Для выяснения того, каким образом событие (или события) способно оказывать влияние на смену политического режима, целесообразно обратиться к вопросу: а что же представляет собой политический режим? Как известно, в политологической литературе существует множество определений политических режимов. Многие из них фактически отождествляют понятия «политическая система» и «политический режим». Однако политический режим, будучи конкретизацией политической системы, выступает в качестве функции последней. По моему мнению, наиболее удачным определением политического режима является определение, предложенное Г. О’Доннелом и Ф. Шмиттером, которые рассматривают политический режим «как всю совокупность явных или неявных моделей, определяющих формы и каналы доступа к важнейшим управленческим позициям, характеристику субъектов, имеющих такой доступ или лишенных его, а также доступные субъектам стратегии борьбы за доступ к управленческим позициям»⁵. Данное определение позволяет лучше классифицировать

политические режимы различных стран, а при анализе политического развития в рамках одной страны – выявить переход от одного режима к другому.

Таким образом, если оценивать события под углом зрения смены политического режима, отталкиваясь от вышеприведенного определения, то здесь можно задать следующие вопросы: 1) какие субъекты принятия решений (в том числе и потенциальные, из числа контрэлиты) заинтересованы в этих событиях; 2) как влияет то или иное событие на последующее изменение институционального дизайна общества, которое, в свою очередь, влечет за собой и меняющиеся каналы принятия политических решений.

В современной транзитологической литературе обычно выделяются следующие стадии процесса демократизации: а) этап либерализации, т. е. подготовка предпосылок к последующей демократизации в рамках сохраняющегося авторитарного режима; б) переход к демократии в узком смысле, когда происходит ломка прежних автократических структур и начинается процесс становления новых, демократических институтов; в) консолидация демократии, связанная с утверждением и укреплением демократических институтов, постепенной демократизацией общества и в конечном итоге с необратимостью демократического процесса. Следует, однако, отметить, что данная периодизация была в свое время разработана преимущественно на материале стран Южной Европы (особенно ярко она иллюстрируется на опыте Испании) и отчасти Латинской Америки. Однако во многих странах, в том числе и в России, выделенные этапы далеко не всегда проявляются в чистом виде.

На мой взгляд, исходя из исторического опыта политических транзитов, можно выделить следующие типы событий, которые могут оказывать решающее влияние на смену политического режима:

- военный переворот;
- смена политического лидера;
- единовременные массовые выступления против старого режима;
- неудачная попытка переворота или путча, которая кардинально меняет вектор политического развития;
- выборы в соответствии с новым законодательством;
- принятие новой конституции;
- заключение общественного пакта.

Рассмотрим на конкретных примерах (case studies) из политической истории факты проявления соответствующих событий.

Примером, когда смена режима происходит через *военный переворот*, служит Португалия, где 25 апреля 1974 г. под руководством оппозиционного движения вооруженных сил (ДВС) был свергнут военно-авторитарный режим и, таким образом, положен конец полувековому авторитарно-диктаторскому правлению. Неслучайно в современной транзитологической литературе португальские события апреля 1974 г. датируются как начало современной волны демократизации. Однако это знаковое событие было обусловлено вызреванием кризиса легитимности авторитарного режима Каэтану. Катализатором этого кризиса стало бедственное экономическое положение, усугубленное колониальной войной и сохраняющимися архаичными социальными отношениями (особенно в деревне). В этих условиях в стране наблюдался рост оппозиционных настроений и движений социального протеста.

Но особые изменения произошли в португальской армии, которая в конечном итоге выступила основным актором революционного процесса. На протяжении по крайней мере десятилетия до разразившейся революции офицерский корпус пополнялся образованными молодыми людьми – выходцами из средних слоев, еще не зараженными кастовыми предрассудками, но уже испытавшими влияние европейской культуры с ее демократическими ценностями. Военные неудачи в португальских колониях в сочетании с экономическими и социальными контрастами между Португалией и остальной частью Европы не могли не привести их к неприятию диктаторского режима Каэтану. В сентябре 1973 г. группа из 140 старших офицеров провела свой нелегальный съезд, на котором было создано Движение вооруженных сил (ДВС), которое осуществило военный переворот, поддержанный широкими слоями общественности и положивший начало демократическому транзиту в Португалии.

После событий апрельского переворота в политическом развитии Португалии можно условно выделить следующие этапы, связанные как с демократическим транзитом, так и с консолидацией демократии:

1) 25 апреля 1974 г. – апрель 1975 г., когда в условиях революционной эйфории был кардинально преобразован политический режим, утверждены права и свободы граждан;

2) второй этап начался с провала попытки узурпации власти со стороны президента А. ди Спинолы и длился до 25 ноября 1975 г., когда провалилась попытка левоэкстремистского путча, подорвавшая позиции как прокоммунистических сил внутри ДВС, так и Португальской коммунистической партии;

3) после ноября 1975 г. когда была сорвана попытка левацкого путча, начинается процесс мирной демократической трансформации португальского общества⁶. Именно перегруппировка политических сил после ноябрьских событий 1975 г. и принятия Конституции 1976 г. заложила элементы необратимости демократической трансформации в этой стране, нейтрализовав леворадикальные тенденции. В свою очередь, начало демократической консолидации в Португалии было связано с конституционными изменениями 1982 г., закрепившими режим буржуазной демократии.

Таким образом, каждому из этапов противоречивого в целом португальского политического транзита соответствовало определенное знаковое событие.

Ярким примером (в какой-то степени даже классическим), когда знаковое событие связано с *заключением общественного пакта*, служит опыт демократического транзита в Испании, где решающей вехой в переходном процессе стал знаменитый «Пакт Монклоа». В октябре 1977 г. правоцентристское правительство СДЦ, не располагавшее большинством в парламенте, пошло на заключение соглашения со всеми политическими партиями, представленными в кортесах. Данное соглашение, срок действия которого был рассчитан до конца 1978 г., содержал программу экономических и политических мероприятий, необходимых для завершения переходного этапа. Уже тогда лидер СДЦ в своих выступлениях отмечал, что политика межпартийного сотрудничества носит временный характер и завершится принятием конституции⁷.

В соответствии с условиями пакта оппозиция предоставила правительству мандат на проведение жестких антиинфляционных мер, включавших замораживание заработной платы, снижение расходной части бюджета, ограничение кредита убыточным предприятиям. В свою очередь, правительство брало на себя обязательства ввести систему прогрессивного налогообложения, улучшить государственную систему социального обеспечения, принять меры по борьбе с безработицей, усилить парламентский контроль над государственными учреждениями и государственными средствами массовой информации.

Таким образом, «Пакт Монклоа» был временным компромиссом: каждая из сторон согласилась на уступки ради достижения общей цели – стабилизации режима представительной демократии и смягчения последствий экономического кризиса. Это соглашение стало возможным в результате компромисса основных политических сил. Показательно, что внутри каждой из

политических партий, участвовавших в выработке пакта, большинство высказались за его подписание. «Непримиримые» как со стороны правофранкистских, так и левых сил были отстранены на второй план и таким образом нейтрализованы.

Межпартийное соглашение, достигнутое благодаря «Пакту Монклоа», создало благоприятный климат для разработки новой демократической конституции взамен старого франкистского законодательства. На протяжении 15 месяцев (с июня 1977 г.) над подготовкой ее проекта работала специальная конституционная комиссия, сформированная из представителей правительства и основных политических партий. В декабре 1978 г. конституция большинством голосов (87,7%) была одобрена на референдуме. Ее принятие юридически оформило режим представительной демократии. Конституция узаконила принцип разделения властей, гарантировала демократические права и свободы, легитимировала в правовом плане конституционную монархию. Конституция предложила также новую формулу решения национально-территориальной проблемы, традиционно болезненной и конфликтной для ряда регионов страны, особенно для Каталонии и Страны басков.

Примером, когда политические события, связанные со сменой режима проявляются в *массовых выступлениях*, служит опыт демократических революций 1989 г. в ряде бывших социалистических стран Восточной Европы. Проиллюстрируем это на примере Чехословакии.

В январе 1989 г. в Праге несколько тысяч человек вышли на демонстрацию по случаю 20-й годовщины самоожжения чешского студента Яна Палеха в знак протеста против ввода войск стран Варшавского договора в 1968 г. Эти демонстрации, которые длились пять дней, сопровождались столкновениями с полицией. В ответ на массовые выступления власти арестовали и приговорили к девятимесячному заключению видного чехословацкого диссидента, одного из лидеров «Хартии 77» Вацлава Гавела (будущего президента страны). Однако попытки разгона демонстрации и арест В. Гавела лишь обострили политическую ситуацию. Массовые протесты как внутри Чехословакии, так и со стороны международной общественности вынудили правительство досрочно освободить В. Гавела.

Чаша терпения была переполнена кровавой расправой над демонстрацией молодежи 17 ноября 1989 г. Она способствовала политической консолидации тех, кто были недовольны режимом, т. е. подавляющего большинство населения. Стала ясна необходимость объединения всех оппозиционных сил. С этой

А.С. Мадатов

целью 19 ноября 1989 г. был создан Гражданский форум, который стал руководящим центром по выработке стратегии демократизации общества. Самой крупной манифестацией протеста, организованной Гражданским форумом, стала пражская демонстрация, состоявшаяся 25 ноября 1989 г., которая собрала 750 тысяч человек. К этому времени общественно-политическая ситуация в Праге и ряде других городов Чехии подошла к тому рубежу, когда правящей верхушке КПЧ оставалось либо подавать в отставку, либо силой подавлять массовые оппозиционные выступления. Однако у руководства КПЧ и правительства хватило мудрости просчитать все негативные последствия силовых акций. Поэтому уже в течение ноября 1989 г. многие официальные структуры политической системы перешли на сторону Гражданского форума. В созданном 10 декабря коалиционном правительстве национального согласия лишь меньшинство портфелей достается коммунистам. 28 декабря Федеральное собрание ЧССР избирает своим председателем А. Дубчека (опального бывшего генерального секретаря КПЧ периода «Пражской весны»), а президентом страны (вместо ушедшего в отставку Г. Гусака) – В. Гавела. Это фактически завершило мирную победу сил оппозиции, возглавляемую Гражданским форумом, и положило начало демократическому транзиту в Чехословакии. Показательно, что немалую роль в чехословацких событиях 1989 г. сыграл такой фактор (о котором говорилось выше), как историческая память.

Все вышеперечисленные примеры показывают, что в процессе смены политического режима, а точнее – в нашем случае – демократических трансформациях, решающую роль играли определенные знаковые события. С одной стороны, каждое из событий представляет собой по-своему уникальный исторический факт. В то же время при сравнительном анализе демократических транзитов в различных странах наряду с уникальностью мы видим во многих событиях и определенные сходные черты и даже повторяемость (естественно, условную и опять-таки с учетом национального и регионального своеобразия). Это особенно относится к таким процессам, как общественный пакт (который, к сожалению, далеко не везде имел место), принятие новой конституции, определяющей (по сравнению со старым режимом) новые демократические правила политической игры, проведение альтернативных выборов на многопартийной основе и т. д.

Рассмотрим подробнее роль политических событий в процессе российского транзита.

В России политический транзит прошел в своем развитии ряд этапов, связанных с изменением политического режима. Автором этих строк уже предлагалась следующая периодизация политического процесса в России⁸:

1. 1985–1987 гг. Первый этап, который берет начало с Апрельского (1985) Пленума ЦК КПСС, связанного с избранием Генеральным секретарем ЦК М.С. Горбачева и провозглашением политики ускорения, а затем и перестройки. Этот период можно охарактеризовать как начальный этап перестройки, в рамках которого сохраняются советская политическая система и все атрибуты советского режима. Вместе с тем здесь намечаются предпосылки перехода к следующему этапу, связанному уже с политическими реформами. В транзитологическом плане этот временной этап можно охарактеризовать *как период подготовки предпосылок к либерализации режима.*

2. 1987–1989 гг. Данный этап охватывает период от Январского (1987) Пленума ЦК КПСС, провозгласившего курс на политическую демократию и развитие гласности, до первых в истории СССР альтернативных выборов в высший орган законодательной власти и начала работы I съезда народных депутатов. На этом этапе начинает открыто проявляться кризис легитимности советской политической системы, в рамках которой намечаются уже существенные изменения и в характере политического режима. Данный этап в социально-политическом плане и явился *этапом либерализации режима.*

3. 1989–1991 гг.: от I съезда народных депутатов до августовских и послеавгустовских событий 1991 г., завершившихся окончательным (точнее было бы сказать – легально оформленным) распадом СССР. Это последний советский этап политического развития России, характеризующийся агонией советской политической системы и ее окончательным распадом. К концу этого периода утвердился качественно иной политический режим, хотя и далекий от какой-то определенной институциональной формы, что в дальнейшем предопределило характер политического конфликта на первом постсоветском этапе. В транзитологическом плане данный этап *уже с 1989 г. можно охарактеризовать как начало демократизации политической системы и политического режима.*

4. 1992–1993 гг. Первый постсоветский этап политического развития России, который характеризуется двумя взаимосвязанными факторами, определившими политический процесс того периода: 1) начало радикальных экономических реформ под руководством Е.Т. Гайдара; 2) конфликт между законодательной

и исполнительной властью. Трагические события 4 октября 1993 г. явились своеобразной развязкой данного тупикового (в рамках того политического режима) этапа и одновременно определили выход из создавшегося тупика, в котором оказалась конституционная реформа. В аспекте демократического транзита данный этап вряд ли укладывается в какую-либо из апробированных стадийных схем. Его скорее можно условно охарактеризовать как *период борьбы за дальнейшую демократизацию режима и общества*.

5. Декабрь 1993 г. – настоящее время. Принятие 12 декабря 1993 г. новой Конституции РФ способствовало окончательной трансформации бывшей советской политической системы и становлению качественно нового политического режима, сохраняющегося, на мой взгляд, до настоящего времени. Сформировавшееся после 1993 г. новое конституционное политическое пространство определило соответствующие политико-правовые рамки, как для правил политической игры, так и для развития (и в значительной степени разрешения) политических конфликтов, существующих в обществе. Поэтому период принятия Конституции РФ, на мой взгляд, можно рассматривать как событие, положившее *начало процессу консолидации демократии*. Другое дело, что здесь проявилась одна из особенностей российского демократического транзита. Во-первых, процесс консолидации демократии в России начался до завершения стадии демократического перехода (в узком смысле), и, во-вторых, впоследствии этот процесс принял застойный и даже попятный характер. В результате в России во второй половине 90-х годов под влиянием целого ряда факторов установился гибридный режим, характеризующийся бифуркационными колебаниями и бифуркационным застоєм между демократией и авторитаризмом. Более того, за последние годы в рамках этого гибридного режима усилились авторитарные тенденции.

Если обратиться к политической истории и политическому процессу современной России, то здесь политический процесс характеризовался следующими крупномасштабными событиями, оказавшими влияние как на постепенную трансформацию политического режима, так и на его качественные изменения:

- избрание в марте 1985 г. на пост Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева;
- Январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС, провозгласивший политику демократизации и гласности; это событие положило начало либерализации советского режима;

- XIX партийная конференция, на которой впервые гласно обсуждались проблемы реформирования советской политической системы;

- I съезд народных депутатов, которому предшествовали первые за семь десятилетий альтернативные выборы; это событие стало источником массовой политической активности и обусловило последующие изменения (в том числе и институционального дизайна позднесоветского общества);

- предпринятая в августе со стороны реакционных сил старого режима попытка переворота, вошедшая в историю как ГКЧП, и поражение последнего. Это событие обусловило уход с политической сцены КПСС, *формальный* переход власти к демократической части политического класса, а также роспуск СССР и окончательную суверенизацию бывших союзных республик, в том числе и России;

- Указ Б.Н. Ельцина № 1400 в сентябре 1993 г. «О поэтапной конституционной реформе» и последующие за этим трагические события октября того же года; эти события привели во-первых, к ликвидации Советов как последнего институционального оплота старого режима и, во-вторых, обусловили принятие на всероссийском референдуме в декабре 1993 г. новой Конституции РФ, которая, в свою очередь, определила новый институциональный дизайн российского общества и новые правила политической игры;

- чеченская война, которая на тот период стала главным тормозом в консолидации демократии;

- избрание в 2000 г. новым президентом В.В. Путина; это событие, в свою очередь, обусловило изменения в характере российского политического режима в 2000-е годы.

Остановимся лишь на некоторых из вышеперечисленных узловых событиях.

Бесспорно, что традиционно присущая для России персонализация политической власти не может не быть связана с таким историческим фактом, как смена политического лидера. С одной стороны, субъективная приверженность М.С. Горбачева идеалам социализма (понимаемого им как «социализм с человеческим лицом»), а с другой – понимание необходимости перемен во многом обусловили последующий ход политических событий.

Апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС, с которого принято вести отсчет горбачевской перестройки, впервые остро поставил вопрос о необходимости перемен. Был признан факт экономического и технического отставания СССР и провозглашен курс на ускорение социально-экономического развития.

В этот период пока еще сохраняется презумпция невинности советского социализма и всей советской политической системы. Однако более открытое и свободное обсуждение накопившихся проблем объективно обусловили дальнейшие изменения в идеологической, политической и социальной сферах.

Следующим знаковым событием стал Январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС, провозгласивший курс на демократизацию и гласность. В частности на этот период приходится обострение исторической памяти, когда и на уровне историко-политических исследований и политической публицистики, и на уровне массового сознания разоблачение преступлений сталинизма и многих негативных явлений 70 – начала 80-х годов связывается уже с сущностными чертами советского режима. Благодаря официально провозглашенному лозунгу о развитии гласности постепенно формируется такой политической феномен, ранее неведомый в советской политической истории, как свобода слова. На этот же период (1987–1989 гг.) приходится рост политической активности среди части населения. Возникают так называемые неформальные организации (в том числе и политического характера), неподконтрольные официальным партийным и советским органам. Их появление одновременно знаменовало начало становления гражданского общества.

Еще одним знаковым историческим событием, с которого, на мой взгляд, берет начало постепенная смена советского политического режима, явился I съезд народных депутатов.

Историческое значение I съезда народных депутатов СССР состоит в следующем:

- было положено начало формированию советского и будущего российского парламентаризма;
- легитимация и легализация политической оппозиции;
- легитимация и легализация политических фракций в представительных органах власти:
 - легитимация и легализация политических конфликтов;
 - появление новых источников рекрутирования политической элиты: с одной стороны – института альтернативных выборов, а с другой – начало становления на базе неформальных организаций массовых общественных движений.

I съезд народных депутатов, как и последующие съезды народных депутатов СССР и РСФСР, стали факторами роста массовой политической активности населения с установками на слом старых тоталитарных структур. Именно в тот период в политический лексикон вошло такое понятие, как «митинговая демократия», которая на том этапе стала частью политического процесса СССР и России.

Последующие события наряду с ростом политической инициативы снизу и политической самодеятельности рядовых граждан были также связаны с постепенным изменением институционального дизайна общества. Последнее проявилось в следующем:

- проведение в марте–апреле 1990 г. альтернативных выборов народных депутатов РСФСР, на которых относительного успеха добились кандидаты от объединения «Демократическая Россия» (впоследствии оформившегося в массовое, хотя и аморфное, политическое движение). В целом, на мой взгляд, 1989–1990 гг. можно охарактеризовать как период парламентской революции в СССР и России;
- отмена в марте 1990 г. шестой статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС;
- введение в 1991 г. в результате всероссийского референдума поста президента России и избрание в июне того же года на этот пост Б.Н. Ельцина.

Таким образом, развитие политического процесса после I съезда народных депутатов в 1990–1991 гг. стало своего рода началом конца перестройки. На этом фоне события 19–21 августа 1991 г., вошедшие в историю как ГКЧП, были последней попыткой антиреформаторской и реваншистской части правящего класса прервать ход набиравшей темпы антикоммунистической демократической революции. Поражение ГКЧП, сопровождавшееся роспуском КПСС и ее подразделений на территории России, последующие Беловежские соглашения, легализовавшие роспуск СССР (распад которого протекал на протяжении предшествующих лет), стали завершающим аккордом всей политики перестройки.

Хотелось бы отдельно остановиться на октябрьских событиях 1993 г. В связи с этими событиями в современном российском общественном сознании широко распространена одна из ярких мифологем, связанная с утверждением о якобы «расстреле парламента» в октябре 1993 г. При этом те, кто выступают с подобным тезисом, сознательно либо неосознанно игнорируют как конкретные факты, предшествующие тем трагическим событиям на протяжении полутора лет, так и хронологию самих событий 3–4 октября 1993 г. В первом случае речь идет о нечеткости полномочий первого всенародно избранного президента, обладавшего гораздо большей легитимностью, чем Съезд народных депутатов (избранных, кстати, еще в период действия 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС) и Верховный Совет РФ, деструктивной роли так называемой не-

примиримой оппозиции, результатах апрельского референдума 1993 г. и самое главное – тех препятствиях, которые чинил конституционной реформе съезд народных депутатов как последний институциональный осколок советской власти. Поэтому своим указом № 1400 (противозаконным формально, но легитимным фактически) президент РФ разрубил гордиев узел конституционного тупика. Что же касается конкретных фактов (отбрасывая при этом провокационные и фальсификационные измышления), связанных с событиями начала октября 1993 г., то здесь уместно напомнить о срыве переговоров, захвате московской мэрии, попытке штурмовать Останкинский телецентр и призывах Руцкого штурмовать Кремль. Хотел бы также напомнить о том, какие силы участвовали в защите Белого дома и штурме мэрии и Останкино – в частности левоэкстремистские «Трудовая Россия» и РКРП и откровенно фашистское РНЕ, т. е. носители лево- и правототалитарных политических установок. Поэтому 4 октября 1993 г. стреляли не по парламенту (которого не было), а по вооруженным экстремистам, засевшим в здании уже бывшего Верховного Совета.

Выше уже говорилось об антиномии, согласно которой в истории нет сослагательного наклонения. Тем не менее от многих факторов (в том числе и случайных) зависят те или иные возможные альтернативы и исторические повороты. Представим себе чисто гипотетически, что в том октябрьском конфликте победила бы противоположная сторона. Допустим, что боевикам непримиримой оппозиции удалось бы штурмом захватить Кремль (к чему призывал Руцкой), физически ликвидировать Б.Н. Ельцина, захватить власть и установить свой контроль на всей территории России; при этом Р.И. Хасбулатов оставался бы во главе Верховного Совета РФ и съезда, а Руцкой занял бы президентское кресло. Здесь нетрудно предсказать возможный вариант развития событий,

Во-первых, можно утверждать с большой долей вероятности, что количество жертв в этом случае составило бы не 150 человек, а значительно больше.

Во-вторых, цементирующим фактором, объединявшим в то время разнородные силы вокруг Хасбулатова и Руцкого, в сентябре–октябре 1993 г. было противостояние Ельцину и его окружению. С исчезновением этого цементирующего фактора исчезло бы и единство тогдашней оппозиции.

В-третьих, лидеры непримиримой оппозиции, особенно ее левого крыла в лице Анпилова, Терехова, Макашова и других, опираясь на свою массовую базу, неизбежно затребовали бы

свою долю в политической власти. Вместе с тем они никогда не простили бы Хасбулатову и Руцкому их позицию в августе 1991 г. Это привело бы к очередному витку политической конфронтации между вчерашними временными союзниками.

В-четвертых, принимая во внимание немалый амбициозный потенциал двух главных лидеров гипотетически победившей оппозиции, т. е. Руцкого и Хасбулатова, неизбежно начался бы новый виток конфронтации между Верховным Советом и новым президентом в лице уже не Ельцина, а Руцкого. С учетом отсутствия конституционных норм разделения властей и опять-таки меньшей легитимности и авторитета Руцкого по сравнению с Ельциным, подобная конфронтация завела бы страну в еще более сложный тупик, способствуя лишь углублению политического хаоса.

Таким образом, в любом случае противоположный вариант развития событий отнюдь не способствовал бы политической стабильности, а, напротив, мог лишь вызвать политический коллапс.

С другой стороны, именно в результате тех трагических октябрьских событий (печально, но факт) 12 декабря 1993 г. наряду с первыми парламентскими выборами на всенародном референдуме была принята новая Конституция РФ, которая, будучи не свободной от недостатков и противоречий, тем не менее соответствует нормам правового государства, гарантируя реальные права и свободы личности (в соответствии с нормами Всемирной Декларации прав человека), определяет механизм разделения властей, конституционные нормы разрешения возможных конфликтов между ветвями власти, а также нормы политического поведения и единые правила демократической «политической игры» для всех сил, в том числе и для оппозиции.

Впоследствии такие знаковые события, как война в Чечне и дефолт 1998 г. в сочетании с сохраняющимся непомерным влиянием бюрократии и усилением во второй половине 90-х годов олигархических тенденций, стали тормозом для углубления демократических трансформаций. После избрания в 2000 г. президентом В.В. Путина в стране наблюдается усиление авторитарно-бюрократических тенденций. Это проявилось в ограничении независимых СМИ, принятии целой серии законодательных актов о политических партиях и выборах, отмене прямых выборов глав субъектов Федерации и т. д. Однако, на мой взгляд, пока еще преждевременно говорить об окончательном перерождении режима и откате к авторитаризму. К настоящему времени в России пока еще сохраняется сложившийся в 90-е годы гиб-

ридный политический режим, в рамках которого усиливаются авторитарные тенденции.

Таким образом, события, связанные со сменой политического режима, могут быть выделены в особую группу. Как уже было отмечено выше, они могут принимать различные формы – и насильственные (военный переворот, вооруженные столкновения), и мирные (заключение пакта, массовые демонстрации, не доходящие до вооруженных столкновений, референдумы, выборы, проводимые по новой процедуре и ведущие к смене политических акторов, и т. д.). Если учитывать, что смена режима (особенно с учетом долгого и противоречивого процесса консолидации демократии) носит длительный характер, то здесь можно говорить о совокупности знаковых событий. Их характер, соотношение и последовательность варьируются от страны к стране в зависимости от особенностей политического транзита и его временной протяженности.

Вместе с тем можно выделить и определенные общие черты.

Во-первых, все события, связанные со сменой политического режима, носят знаковый исторический характер.

Во-вторых, рассматриваемые под данным углом зрения события детерминированы кризисом легитимности старого режима. Этот кризис, в свою очередь, обусловлен соответствующими изменениями в экономическом, социальном или культурном пространстве.

В-третьих, события, связанные со сменой режима, играют как разрушительную, так и созидательную роль. Они, с одной стороны, способствуют разрушению или демонтажу старых политических структур, а с другой – ведут в конечном итоге к формированию новых институтов и правовых норм.

В-четвертых, события, оказывающие воздействие на смену политического режима, отличаются большим охватом политических субъектов, включающих не только представителей элиты и контрэлиты, но и рядовых граждан, т. е. значительные слои политически активной части населения.

В-пятых, все знаковые события в той или иной степени выполняют коммуникативные функции. Однако в переломные периоды, связанные с кризисом старого режима, коммуникативная роль событий возрастает во много раз. Это проявляется в смене политико-культурных установок как на уровне политических акторов, так и на массовом уровне.

- 1 *Родин А.В.* Событие и среда // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2000. № 4. С. 114.
- 2 См.: *Герасимов О.В.* Источник, факт, событие в историческом познании. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1997. С. 17.
- 3 *Демидов А.И., Федосеев А.А.* Основы политологии. М., 1995. С. 107.
- 4 См.: *Мадатов А.С.* Демократия: сущность и методологические проблемы исследования. М.: Уникум-Центр, 2000. С. 13–14.
- 5 *O'Donnell G., Schmitter Ph.* Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore, 1986. P. 73.
- 6 См.: *Данилевич И.В.* Государство и институты гражданского общества в период перехода от авторитаризма к демократии (Чили, Португалия, Испания). М., 1996. С. 31.
- 7 См.: *Хенкин С.М.* Политика пакта: испанские иллюстрации // Полис. 1996. № 5. С. 132–135.
- 8 Подробнее см.: *Мадатов А.С.* Проблемы периодизации политического процесса России после 1985 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». 2006. № 1(6).

Е.В. Барышева

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ КАК СПОСОБ ЛЕГИТИМАЦИИ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Диктатура пролетариата рассматривалась К. Марксом в 1871 г. как теоретическое положение о возможной форме организации политической власти в период революции и первых лет ее функционирования. При этом никакого другого смысла в понятие «диктатура пролетариата» его создателем не вкладывалось. Политическая власть пролетариата должна была включать в себя контроль ассоциированных производителей – рабочего класса, который составляет подавляющее большинство общества, – над производительными силами, которые рабочими же и создаются.

Позднее В.И. Ленин обосновал необходимость завоевания власти революционным пролетариатом и установления диктатуры пролетариата. И не просто обосновал, но предложил детальный план вооруженного восстания¹, реализованный большевиками в октябре 1917 г. Таким образом, российские социал-демократы использовали теоретический концепт Маркса в своих политических практиках, превратив его в технологический проект.

Центральной задачей большевиков в послереволюционный период стало выстраивание оснований собственной легитимности: доверие масс, проявленное в ходе октябрьских революционных событий, надо было еще и удержать. Одним из важнейших способов формирования новой легитимности стало целенаправленное конструирование большевиками политических «событий», которые должны были связать в сознании народа действия власти с требованиями беднейших слоев населения (а таковых было большинство). Таким образом, *диктатура пролетариата* как форма новой власти получала мандат доверия народных масс.

Первыми и самыми важными событиями, легитимирующими новую власть, стали принятые на II съезде Советов декреты, отвечающие насущным требованиям масс. Так, Декрет о мире

Политическое событие как способ легитимации диктатуры пролетариата

предполагал немедленное заключение мира без аннексий и контрибуций (хотя большевистская партия и не отказалась от идеи мировой революции). Этот шаг делался в расчете на завоевание симпатий солдат, рабочих и крестьян.

Еще более значимым политическим событием стал Декрет о земле, составленный на основании крестьянских наказов, объявлявший о конфискации без выкупа частновладельческих земель и о национализации всей земли. Отмена помещичьей собственности на землю отвечала многовековым желаниям всего крестьянства. Большевики ответили на крестьянский запрос, используя установки эсеровской программы и отказавшись на время от замысла Ленина создать из каждого крупного помещичьего имения «образцовое хозяйство на общественный счет», т. е. от полной национализации.

В целом политические события послереволюционного периода явно обозначили «диктаторский» характер новой власти. В течение нескольких месяцев были экспропрированы почти все крупные фабрики, заводы, акционерные предприятия, банки, железные дороги и т. д., был введен сначала «рабочий контроль», а впоследствии и «рабочее управление» фабриками, заводами, железными дорогами.

Одним из первых декретов советское правительство уничтожило чины, звания и сословия, существовавшие в дореволюционной России. Но это было не столько фактическое равенство, сколько исполнение желания угнетаемых превратиться в правящий класс («кто был ничем, тот станет всем», или право кухарки «управлять государством»).

Идеологическое сопровождение этих событий было направлено на закрепление в сознании масс того, что эта *диктатура* защищает интересы рабочих. Трудности, с которыми столкнулись большевики (сопротивление свергнутых классов, продолжающаяся мировая война, внешняя изоляция, масштаб предстоящих задач и пр.), усиливали необходимость формирования новой идеологической легитимности.

Если Маркс и Энгельс не подразумевали под «диктатурой пролетариата» тиранию, абсолютизм или власть одного человека, меньшинства или даже одной партии, а имели в виду лишь политическую власть, осуществляемую большинством населения, то политические события, происходившие в постреволюционной России, продемонстрировали совершенно иной подход.

Инструментом политического воздействия на людей и формирования смысла всех политических событий в сознании общества в это время стал идеологический диктат как на теоре-

Е.В. Барышева

тическом уровне, так и в повседневной жизни. В переломный для России период новая власть настойчиво искала пути теоретического обоснования и новой техники «влияния на массы». Созданное в результате восстания масс государство диктатуры пролетариата на самом деле таковым не являлось в силу как объективных, так и субъективных причин. Как справедливо замечает современный российский демограф и социолог А. Вишневский, массы появились на политической сцене ненадолго и лишь в роли статистов, так как не они определяли ход политического развития России. Их задачей стала подготовка почвы для жестких тоталитарных режимов².

Складывание новой идеологии было призвано санкционировать новый тип власти. Это обстоятельство и обусловило тот факт, что в создаваемых новой властью идеологических концепциях теоретическим обоснованием служили социально-политические стереотипы, формируемые и затем активно эксплуатируемые властью: «об обострении классовой борьбы», о «мировой революции», идея о «ведущей роли» рабочего класса и якобы «реакционности» крестьянства, влиявшая на восприятие городов как символа будущего, об «уничтожении кулака как класса» и др. Наиболее популярным в течение многих десятилетий был миф о «светлом будущем». Это было необходимо, чтобы компенсировать материальные и психологические потери и жертвы, вызванные интенсивным социалистическим строительством.

Эти идеи вошли в принятую на V Всероссийском съезде Советов Конституцию РСФСР, в которой отмечалось, что «основная задача Конституции РСФСР, рассчитанной на настоящий переходный момент, заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в лице мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма...»³.

Власти активно эксплуатировали миф о классовом враге, покушающемся на «светлое будущее». Советское общество, рожденное в эпоху Первой мировой войны, прошедшее через войну гражданскую, жило в постоянном ожидании войны новой. Апеллируя к низменным чувствам толпы, партийные идеологи внушали массам, что политические и экономические неудачи были следствием действий мифического «врага». Объективная необходимость заставляла власть поддерживать в массах ситуацию угрозы.

Советские теоретики марксизма внедряли в массовое сознание понимание неизменности и правильности единственно

верной теоретической концепции, не признавая не только теоретического разнообразия, но и любых его вариантов. Однако для манипуляции массовым сознанием необходимо было не просто обосновать свою концепцию, но заставить массы верить в нее как в единственно верную. Инакомыслие не допускалось, и только безоглядная вера в марксистско-ленинскую теорию являлась пропуском в «светлое будущее». Отказ от марксизма расценивался как предательство и преследовался властями.

Одним из инструментов политического воздействия на широкие массы стала периодическая печать, освещавшая мероприятия молодой власти в заданном партией большевиков идеологическом ключе. С этой целью большевики широко использовали как жесткое ограничение свободы слова, так и борьбу с инакомыслием, включавшую не только преследование конкретных оппонентов, но и закрытие всех оппозиционных и частных изданий, монополизацию права издания средств массовой информации.

Победы на фронтах гражданской войны, трудовой героизм рабочих, крестьян, трудармейцев, молодежи рассматривались как важнейшие политические события. С этой целью выпускались листовки, плакаты, многотиражные газеты. Умелое манипулирование информацией, умалчивание об одном и раздувание другого позволяло влиять на умы.

Британский исследователь Фредерик Корни, размышляя о способах выстраивания исторической памяти и роли большевистской идеологии, отмечает, что «проект конструирования “события основания” для нового Советского государства был, в сущности, проектом идеологическим, сознательно рассчитанным на замену самого способа мышления населения путем изменения способов социальной артикуляции. От населения не просто требовалось выучить новые термины и категории коммунистического проекта, оно всей социальной средой принуждалось использовать их для придания смысла и *артикуляции* социального и жизненного опыта. В этой точке идеология и личный опыт оказались неразделимы. Недавнее прошлое буквально принимало форму внутри этих разных индивидуумов по мере того, как они становились рассказчиками Октября»⁴.

Для утверждения собственной легитимности нужно было продемонстрировать силу. Об этом писал еще Ленин в 1919 г.: «Пролетариат, свергнувший буржуазию, делает этим самый решительный шаг к уничтожению классов и... для довершения этого пролетариат должен продолжать свою классовую борьбу, используя аппарат государственной власти и применяя различ-

Е.В. Барышева

ные приемы борьбы, влияния, воздействия по отношению к свергнутой буржуазии и по отношению к колеблющейся мелкой буржуазии»⁵.

Конструируемыми новой властью событиями становились не только расправы над буржуазией, но и над инакомыслящими в самой партии. В 20–30-е годы прошли публичные политические процессы, направленные на создание образа врага и власти, которая способна с ним справиться во имя построения «светлого будущего». Именно с этой целью процессы, став вполне будничным явлением, подробно освещались в газетах, печатались в виде стенограмм судебных заседаний (как, например, процесс над Н.И. Бухариным).

Интерес представляет уже не сам факт политического события, а то, как он репрезентируется в пропагандистской литературе. Так, например, «новая пролетарская власть» дала свет в крестьянские дома. Известные кадры документального фильма, демонстрирующие крестьянскую семью за работой при электрическом освещении, показывали достижения власти и растущее благосостояние людей.

Действенным инструментом влияния большевики сделали кино. Неслучайно Ленин называл кино самым важнейшим из искусств. Не только документальные ленты, но и художественные кинофильмы (например, «Броненосец Потемкин», «Конармия» и др.) транслировали искусственно созданное политическое событие и привлекали внимание масс к важным для партии и государства моментам истории, при этом давая им собственную трактовку и меняя тем самым восприятие исторического процесса.

Еще одним политическим событием в молодой республике Советов стало уничтожение старых и создание новых памятников, обозначавших исторические вехи. Монументальная пропаганда большевиков широко освещалась в прессе и документальном кино. Она была под неусыпным надзором партии, о чем свидетельствуют многочисленные партийные постановления.

Эту же задачу решали и массовые народные празднества и демонстрации, участие в которых означало поддержку массами государства диктатуры пролетариата. Власть манипулировала массами, создавая поводы для мифологизации недавнего прошлого.

Выборы в органы новой власти становились также знаковым политическим событием, которое было превращено во всенародный праздник (и оставалось таковым вплоть до окончания советской эпохи). Торжественный тон передовицы центральных и местных газет должен был формировать отношение общества к

Политическое событие как способ легитимации диктатуры пролетариата

политике партии. Так, в 1937 г. газеты писали о том, что «цветущая страна социализма» на основе сталинской Конституции – самой передовой, самой демократической в мире – выбирала Верховный Совет «самой могучей, самой авторитетной в мире власти».

Авторы статей убеждали читателей, что выборы – это «все-народный праздник» рабочих, крестьян, интеллигенции, «свободные и действительно демократические выборы... которых не знала ранее история и которые не сравнимы с выборами любой другой страны в мире».

Сложные теоретические идеи классиков марксизма не могли быть восприняты массами без придания им доступных восприятию политических смыслов. Эти смыслы формировались путем организации специальных политических событий: митингов, демонстраций, празднеств, политических процессов и т. д., и способствовали укреплению классового сознания. Использованная большевиками тактика оказалась весьма эффективной: она объединяла рабочих и воспитывала необходимую структуру взгляда на власть.

Примечания

- 1 См.: Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 5–22.
- 2 См.: Вишневецкий А. Серп и рубль. М., 1998. С. 187.
- 3 Конституции и конституционные акты РСФСР: 1918–1937. М., 1940. С. 22–23.
- 4 Corney F.C. Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca; L.: Cornell Univ. Press, 2004. P. 216–217.
- 5 Ленин В.И. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 281–282.

Е.А. Архипова

ЗЕМСКИЙ СОБОР КАК ФЕНОМЕН
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
СЕРЕДИНЫ XIX в.

Господствовавший в интеллектуальной культуре XIX в. историцизм, рассматривавший человека и общество как продукты исторического развития, а историю как единственный метод изучения человеческой природы, обуславливал тесную взаимосвязь между историческим познанием и политической практикой. Поэтому любое политическое событие в рамках той или иной политической системы оказывалось вопросом историческим. И всякое новое политическое образование имело право на жизнь только в том случае, если устанавливалась его преемственность с уже существовавшим в прошлом институтом либо доказывалось, что его создание не противоречит основам исторического развития данного общества.

В российском политическом дискурсе середины XIX в. в связи с подготовкой и проведением реформ и вызванными ими общественными ожиданиями актуализируется вопрос о центральном представительном органе. Во всех спектрах общественной мысли того времени, от славянофильского до революционно-демократического, проекты народного представительства оформлялись путем легитимации политической практики через исторический дискурс. Среди них можно назвать проект созыва выборных от всей земли А.И. Кошелева и проект земского собора К.С. Аксакова, представленные Александру II в 1854 и 1855 гг.; идею создания общесословного, основанного на выборном начале хозяйственно-распорядительного управления в дворянском адресе пяти 1859 г.; проект земского собора в письме А.П. Шапова Александру II 1861 г.; требование созыва Учредительного собрания в агитационных листовках «Великорусса» 1861 г.; народное собрание в «Проекте Уложения Александра II» Н.А. Серно-Соловьевича; и, наконец, план созыва земского собора в рамках агитационно-пропагандистской кампании, начатой Н.П. Огаревым и А.И. Герценом в 1862 г.

Политическая дискуссия выдвинула на первый план изучение истории земских соборов как самостоятельной исторической проблемы. Отправной точкой изучения истории земских соборов принято считать полемику 1856–1857 гг. между К.С. Аксаковым и С.М. Соловьевым, затрагивавшую наряду с другими и вопрос о природе этого политического института Московского государства второй половины XVI–XVII вв.¹ К начальному этапу изучения истории земских соборов также относят работы П.В. Павлова и А.П. Щапова. Вместе с тем, как уже отмечалось в литературе, интерес к земским соборам как специфическому представительному органу русского государства впервые возникает именно в политическом дискурсе: еще во второй четверти XIX в. в контексте разработки конституционных проектов историей этих учреждений активно занялись декабристы, прежде всего М.А. Фонвизин и Н.М. Муравьев². Поэтому следует признать принятую дату начала научного изучения земских соборов весьма условной. Тем более что К.С. Аксаков, критическая статья которого заставила С.М. Соловьева обратить внимание на феномен земского собора, не являлся профессиональным историком и в своих исторических изысканиях преследовал в большей степени идеологические, чем научные цели. К тому же история земских соборов разрабатывалась К.С. Аксаковым, так же как и профессиональным историком А.П. Щаповым, параллельно с политическими проектами создания нового института с аналогичным названием. Таким образом, можно сказать, что и в середине XIX в. тема земских соборов еще находилась на стыке политического и исторического дискурсов. Искусственное же разделение политической сферы и сферы историографической заведомо сужает наше представление об интеллектуальных технологиях как политического проектирования, так и исторической реконструкции середины XIX в. в их взаимодействии.

В рамках настоящей статьи на материале политических и исторических текстов³ А.П. Щапова и К.С. Аксакова будет предпринята попытка описать феномен земских соборов в контексте политологической дискуссии середины XIX в., т. е. попытка определить, как идеологическая позиция накладывает ограничения на высказывания субъекта о политическом событии прошлого и как, в свою очередь, историческая интерпретация ограничивает проект будущего политического института⁴. Мой выбор обусловлен прежде всего тем, что К.С. Аксаков и А.П. Щапов впервые на теоретическом и конкретно-историческом уровне поставили вопрос о природе данного явления, тем самым вызвав дискуссию, не утихавшую вплоть до начала XX в.

Прежде чем приступить к интерпретации высказываний о земском соборе в текстах К.С. Аксакова и А.П. Шапова и выявлению их различий, необходимо определить ту общую базовую позицию, которая обусловила возникновение данной тематики в дискурсах обоих авторов. Во-первых, это специфический взгляд на исторический процесс, в основе которого лежит представление о развитии народного начала. Если в концепции К.С. Аксакова народное начало («мысль народная») оказывалась всего лишь одной из движущих сил исторического процесса, наряду с началом государственным («властью государственной»)⁵, то в концепции А.П. Шапова народное начало, выражавшееся в провинциализме или областности, выступало в качестве определяющего фактора русской истории⁶. Указанные различия в определении народного начала отразятся на интерпретации исторического феномена, однако сейчас важно увидеть общую для Аксакова и Шапова идеологическую установку.

Второй базовой позицией является взгляд на взаимосвязь между историческим познанием и политическим реформированием. Выступая с критикой существующей политической системы и предлагая меры по ее переустройству, Аксаков и Шапов исходят из того посыла, что политическое реформирование невозможно без понимания основ исторического развития российского государства. Так, Аксаков замечает, что общественные недостатки и пороки происходят большей частью от непонимания «общих народных оснований», или от ложного их применения, или от неправильного проявления⁷. По его мнению, страна может достигнуть своего назначения только в том случае, если правительство поймет народный дух и будет рассматривать его в качестве путеводителя⁸. Для Шапова также совершенно очевидной представляется связь между всесторонним и глубоким историческим самопознанием и самопознанием политическим. «Наперекор исторической организации и жизни нашего народа, мы не создадим ничего прочного, нового, не улучшим вдруг быта нашего народа, многое даже можем испортить, как и были уже опыты в нашей истории»⁹. Итак, в основе рассуждений обоих авторов лежит представление о зависимости успешного политического развития от правильного понимания национальных начал.

Однако на этом близость базовых установок К.С. Аксакова и А.П. Шапова заканчивается. Выделяя в качестве одной из сил исторического процесса народное начало, Аксаков наделяет его определенными характеристиками. В его политической концепции русский народ как носитель и выразитель этого начала определяется как «негосударственный, не ищущий участия в

правлении, не желающий условиями ограничивать правительственную власть, не имеющий, одним словом, в себе никакого политического элемента, следовательно, не содержащий в себе даже зерна революции или устройства конституционного»¹⁰. В силу отсутствия «политического духа» в русском народе единственной приемлемой формой правления оказывается неограниченная монархия, которая не предполагает народного участия в деле управления¹¹. В то время как народ живет своею внутреннею общественною жизнью, государство призвано защищать и охранять эту жизнь, обеспечивая ее внешне, доставляя ей все необходимое для процветания и благосостояния¹². Отношения же народа к государству выражаются, с одной стороны, в исполнении государственных требований, что характеризует эти отношения как подчиненные, с другой – в высказывании своего мнения. Именно общественное мнение оказывается формой самостоятельных отношений народа к государству и неполитической, но нравственной связью между ними. Благодаря общественному мнению государство узнает о желаниях страны, о понимании ею своего предназначения, другими словами, о том, чем должно руководствоваться государство, помогая стране исполнить свое призвание¹³. Таким образом, в силу аполитичности русского народа общественное мнение оказывается единственной формой, соединяющей правительство и общество, через которое последнее может влиять на деятельность первого.

Обосновывая свою политическую доктрину «негосударственности русского народа» и в то же время опираясь на нее, К.С. Аксаков обращается к историческому опыту России. История России в его концепции представляется как развитие общинного начала. Полагая в основу общины принцип единогласия, отвергающий всякий элемент принудительности, Аксаков определяет ее через понятия «общего мнения», «общей воли», «общего дела»¹⁴. В качестве же инструмента достижения единства мысли и действия выступает «совещание»¹⁵. Совещание как самостоятельное начало пронизывает всю историю России начиная с призвания Рюрика и в своем развитии эволюционирует от веча удельного периода до земского собора Московского государства¹⁶. Так что совещание как институциональное проявление общины выступает в исторической концепции К.С. Аксакова в качестве еще одного неотъемлемого начала русской истории.

Исходя из представления об идеальных отношениях между правительством и народом, К.С. Аксаков считает, что в полной мере они были реализованы в Московском государстве второй половины XVI–XVII вв., поскольку именно тогда между

правительством и народом были «дружественные», «полные доверенности» отношения¹⁷. В этот период русской истории начало государственное представлено царем, начало земское – в постоянно собираемых царской властью земских соборах. Именно на земском соборе утверждается свободный союз этих двух начал: «Отношения царя и народа определяются: правительству – сила власти, земле – сила мнения. На земском соборе торжественно признаются эти две силы, согласно движущие Россию: власть государственная и мысль народная»¹⁸. Как пишет Аксаков, русские цари знали, «что при искреннем и разумном желании счастья и блага стране нужно знать и в известных случаях вызывать ее мнение. И потому цари наши часто созывали Земские соборы...»¹⁹. Подобные отношения между государством и народом и являются в концепции Аксакова выражением «русского начала».

Однако с царствованием Петра I «русское начало» было нарушено. Свободный союз государства и земли был разрушен, и «образовалось иго государства над землею», «Русская земля стала как бы завоеванной, а государство – завоевательным»²⁰. Государство посягнуло на самостоятельную внутреннюю народную жизнь, а верхнее сословие, оказавшись под государственным гнетом, заняло рабскую по отношению к государству позицию, тем самым отказавшись от «русских начал»²¹. Насажение чуждой русскому народу петровской системы привело к тому, что русский народ стал искать внешней свободы, т. е. свободы политической, выражающейся в конституционных проектах и революционных попытках.

Идеологическая позиция Аксакова, выражающаяся в его политической и исторической концепциях, дала определение земского собора: «мнение Земли», «дума Земли», некое пространство, где «встречаются земля и государство и между ними утверждается свободный союз», «совещательный элемент в новом своем виде» в отличие от старого совещательного элемента удельного периода – веча; «проявление совещательного элемента» в московский период. Однако, не ограничиваясь только абстрактными определениями, Аксаков формулирует и обобщающую дефиницию земского собора, которую можно свести к следующей модели: 1) функция земского собора – на них цари узнавали о мнении страны; 2) инициатива собрания земского собора принадлежит царю; 3) обсуждавшиеся вопросы – все, что касается государства и земли; 4) состав – представители всех сословий от всей России (земские люди, служилые и государевы люди: бояре, окольные, стольники, дворяне; духовенство)²². Давая такие

обобщающие трактовки, Аксаков тем самым замалчивает вопрос о специфике каждого конкретного земского собора как самостоятельного исторического явления.

В дискурсе Аксакова встречаются следующие земские соборы: Земский собор 1549 г. (речь царя Ивана IV на лобном месте); Земский собор 1566 г. (о перемирии с Польшей); Земский собор 1598 г. (избрание Бориса Годунова); Земский собор 1613 г. (избрание Михаила Федоровича); 12 Земских соборов при Михаиле Федоровиче; 2 Земских собора при Алексее Михайловиче (обсуждение Уложения, о принятии в подданство Малороссии); 2 Земских собора при Федоре Алексеевиче 1682 г. (о местничестве, об уравнении служб и податей)²³. При этом Аксаковым, на что указывает С.М. Соловьев, совершенно игнорируется традиция созвания выборных, существовавшая в XVIII в., несмотря на то что некоторые из них, например Уложенная комиссия 1767 г., абсолютно соответствуют сформулированному им определению земского собора²⁴. Подобное замалчивание объясняется позицией Аксакова по отношению к имперскому периоду русской истории, в котором отсутствует союз земли и государства, а следовательно, и всякие проявления совещательности, и уж тем более в форме земского собора.

В то же время не все из рассматриваемых Аксаковым земских соборов московского периода соответствуют заданной им самим модели. Так, собор 1566 г. Аксаков признает земским собором, однако после критической статьи Соловьева ему приходится скорректировать свою позицию и признать, что собор 1566 г. был неполным по составу выборных²⁵. Собор, созванный при царе Федоре Алексеевиче по вопросу местничества, также противоречит данному им определению: на соборе были только служилые люди и не было представителей земли²⁶. Вместе с тем Аксаков грешит не только против своей схемы, но и против исторических источников, за что С.М. Соловьев и критикует его. Так, например, Соловьев отмечает, что собрание выборных для уравнения служб и податей не является земским собором, поскольку в источниках оно так и не называется. Если же Аксаков считает эти собрания земскими соборами, тогда он должен и собрание выборных XVIII в. также признать земским собором²⁷. В ответ на критику Аксаков так поясняет свою позицию: «Но почему же собрание выборных в Москву для такого *важного, земского и государственного дела* – не Земский собор? Об нем знаем мы только косвенную грамоту (пока г. Соловьев укажет нам другой какой-нибудь источник), в которой очень легко мог он и не называться Земским собором. А к тому же, *при отсутствии формальной определенности, название в*

таких актах не составляет большой важности. Перед нами само дело, которое говорит все красноречивее. *Выборные из всех городов созваны в Москву для совещания о предмете государственной и земской важности.* На деле это Земский собор, а поэтому и называем его таким»²⁸. Аналогичную аргументацию мы встречаем и в ответе Аксакова на критику Соловьева относительно собора 1566 г.: «Но если бы г. историк и не захотел видеть здесь земского, хотя не полного собора, который и никогда не имел формальной определенности, то все-таки не может он не видеть *совещательно-го элемента*»²⁹. Таким образом, отмечая некоторые формальные признаки, как, например, состав собора, обсуждаемые на нем темы, Аксаков абсолютизирует главную характеристику земского собора – проявление совещательности, выражение мнения, сам факт участия в обсуждении государственного вопроса представителей народа. Такое широкое толкование данного исторического феномена обусловило и отбор фактического материала.

Как мы видим, земский собор в концепции Аксакова оказывается чисто спекулятивной и внеисторической конструкцией. Рассматривая данный исторический феномен как проявление совещательного начала, присущего русской истории, Аксаков совершенно игнорирует вопросы, связанные с его генезисом и развитием. Так что вопрос о причине появления земского собора в XVI в. и неожиданном исчезновении в XVIII в. остается у Аксакова без каких-либо рациональных объяснений.

Анализируя современную политическую ситуацию, К.С. Аксаков характеризует отношения между правительством и народом как полный «внутренний разлад», причина которого заключается в запрете на выражение народом своего мнения³⁰. Выход из создавшегося положения он видит в восстановлении тех древних отношений государства и земли, которые существовали в допетровский период, т. е. в уничтожении гнета, наложенного государством на землю. Установка на возвращение к прежней политической системе подразумевает одновременно и возвращение характерных для нее форм. Другими словами, должна быть восстановлена та система выражения народного мнения, санкционируемая государством, какой являлись земские соборы. Однако, признавая созыв собора желательным, Аксаков не видит возможности осуществления этого в современной ситуации, поскольку сословия представляют собой разобщенные группы³¹. Он не поясняет, когда собственно собрание земских соборов станет возможным, однако замечает, что они не должны быть обязанностью для правительства и не должны быть периодичны, «правительство созывает соборы и требует мнения, когда

вздумает». Вместо земского собора Аксаковым предлагаются иные каналы выражения общественного мнения: свобода слова, а также отдельные собрания сословий, собираемые правительством в связи с обсуждением какого-либо вопроса, касающегося одного из сословий³². Итак, Аксакову не удалось предложить жизнеспособный проект центрального совещательного органа. Причина этого заключается в том, что он оказался заложником своей собственной интеллектуальной конструкции, в которой политический феномен являлся не результатом исторического развития, а проявлением неких неизменных начал исторического процесса. Идеализация Московского государства и его политических институтов, желание воспроизвести их в первозданном виде в современных условиях, а также полное отрицание западного политического опыта помешали К.С. Аксакову создать конструктивный политический проект.

В концепции А.П. Шапова народное начало проявляется в истории в форме общности. Отсюда и история России представляется им как «история областных масс народа, история постепенного территориального устройства, разнообразной этнографической организации, взаимодействия, борьбы, соединения и разнообразного политического положения областей до централизации и после централизации»³³. Хотя Шапов и не выделяет в качестве самостоятельного государственного начала, он выстраивает исторический процесс именно как противоборство «областного элемента» и «народности» с «централизацией» и «государственностью». Это противостояние оказывается основой для периодизации русской истории, которая распадается на два периода, или две формы общественной жизни великорусского народа: земельно-областную и государственно-союзную. Если в земельно-областную эпоху главным началом, самобытной деятельной силой общественного устройства выступает народ, земский областной элемент, то в государственно-союзную – государство, дух государственности и централизации. Границей между этими двумя общественными формами оказывается время присоединения всех областей к Москве и период Смутного времени³⁴. Однако несмотря на преобладание государства в государственно-союзную эпоху, областной элемент, не будучи подавлен окончательно, противостоит ему в различных формах: в розни областных общин в Смутное время, в земских соборах, в бунтах, в длинной процедуре учреждения губерний и провинций в XVIII – начале XIX в., в конституционных проектах тайных обществ и др.³⁵ Таким образом, в своей исторической концепции Шапов представляет народное начало как начало политически активное. К тому же в отличие от

концепции Аксакова у Щапова несмотря на негативное отношение к централизации отсутствует разрыв в историческом развитии, что позволяет ему видеть проявление народного, областного элемента и в государственно-союзный период.

А.П. Щапов не пытается создать универсальную историческую модель земского собора как политического института с определенным набором параметров и характеристик, поскольку для него земский собор – не «определенное юридическое учреждение» или «систематическая государственная институция», а прежде всего народный обычай, «создание естественно-исторической жизни народа»³⁶. И, следовательно, будучи народным обычаем, земский собор, в интерпретации Щапова, не имеет ни особых письменных правил, ни обрядов, ни формальностей³⁷. Вместе с тем, рассматривая данный феномен как явление XVII в., «века грубого невежества и суеверия», он не склонен его идеализировать и даже, наоборот, подчеркивает грубость его форм и мужиковатость речей и отсутствие каких-либо проявлений юридического самосознания и европейских юридических начал представительных собраний³⁸. Таким образом, народническая позиция в трактовке исторического процесса и отсутствие каких-либо попыток идеализации старины предопределили трактовку земского собора как народного обычая, еще не облагороженного ни просвещением, ни юридическим сознанием.

В текстах Щапова встречаются высказывания только о земских соборах XVII в.: соборе 1613 г., избравшем на престол Михаила Федоровича; соборе 1619 г., на котором центральным вопросом было «исправление» и «устройство земли» после Смутного времени, так называемый Азовский собор 1642 г. и, наконец, соборе 1648–1649 гг., принявшем Уложение. Однако особое место отводится именно собору 1613 г.

Интерпретацию собора 1613 г. следует рассматривать в контексте щаповской концепции Смутного времени, которое представляется им как период конфликта между областными общинами и их борьбы с московской централизацией, а также поиска путей их воссоединения на новых началах. В Смутное время каждая областная община жила своей самостоятельной внутренней жизнью и имела свои местные органы управления – земские областные советы. Однако появление внешней угрозы в лице интервентов заставило общины задуматься об объединении. В представлении Щапова, областные общины стремились не к прежней московской централизации, а к «земской союзности» и «федерации», которая бы не нарушила их географической, территориальной и этнографической целостности и

самобытности³⁹. И именно в соборе 1613 г. выразилась эта «потребность соединительного начала, федерации, союзности, общинности, общей земской совещательности»⁴⁰. Или, как иначе определяет этот собор Щапов, – «результат областных, местных земских советов, результат совещательного решения областных общин быть между собою в любви, совете и соединении»⁴¹. В силу такой трактовки земского собора сам факт избрания Михаила Федоровича оказывается второстепенным событием. Царь, избранный по ограничительной записи, призван исключительно защищать союзные права и интересы всех областных общин, а также поддерживать между общинами федеративные связи⁴². Таким образом, собор 1613 г., во-первых, завершает собой процесс расширения «областного народосоветия», т. е. системы областных земских советов, до «центрального народосоветия», во-вторых, утверждает новый принцип взаимоотношения общин, принцип конфедеративной, всенародной, земско-областной союзности и совещательности. Как мы видим, в данной интерпретации соединились демократизм А.П. Щапова, обусловивший трактовку собора как народного собрания, утвердившего новый политический порядок, и его концепция областности, определившая толкование собора как результата действия местных общин.

В дискурсе Щапова, как уже отмечалось выше, имеются высказывания о соборах 1619, 1642, 1648 гг. На первых двух соборах земские представители указывали правительству истинные основы экономического земского устройства, главным из которых являлся принцип равенства, точнее принцип уравнения всех в земских податях и повинностях по отношению к государственной казне⁴³. Помимо этого, на соборе 1642 г. был поднят вопрос о злоупотреблениях воевод и дьяков в областном управлении и о восстановлении в областях прежнего земского самоуправления и самосуда⁴⁴. Что же касается собора 1648 г., то на нем было совершено важное юридическое дело – объединение всех прав областных общин⁴⁵. Иными словами, в вопросах, обсуждавшихся на этих соборах, Щапов подчеркивает тематику, связанную с местными проблемами. К тому же, по его мнению, на этих соборах активно выступали земские выборные: «Особенно замечательны практически здоровыми, прямыми, коротко-ясными и безбоязненно-беспристрастными речами и советами различных областных выборных земские соборы 1642 и 1649 гг.»⁴⁶. Итак, соборы первой половины XVII в. опять же рассматриваются Щаповым сквозь призму идеи областности.

Традиция земских соборов в концепции Щапова, в отличие от концепции Аксакова, не прекращается с наступлением XVIII в. Собрание депутатов 1767 г. для составления Уложения также определяется им как «земский собор», «земское собрание»⁴⁷. В собрании депутатов Щапов видит «примирение своенародных, естественно-жизненных принципов старых земских соборов с новой западноевропейской идеей представительства»⁴⁸. С одной стороны, на этом собрании после длительного перерыва вновь становится слышен голос народа, «непосредственный жизненно-практический опыт», поскольку депутаты заявляют о народных нуждах и требованиях (о восстановлении своего влияния в делах суда и расправы, в деятельности присутственных мест, об устройении экономического быта, просвещения, образа жизни)⁴⁹. С другой стороны, в отличие от старых земских соборов, организация которых не подчинялась каким-либо особым письменным правилам, в организации Уложенной комиссии проявляется «просветленное юридическое сознание, европейская идея представительства»⁵⁰. Собранию 1767 г. А.П. Щапов приписывает большое значение, поскольку оно, по его мнению, «озарило, просветило отвлеченную идею государства, империи идеей живого народа». С этого момента предметом и целью правительственных реформ оказывается не государство, а общество и народ, а государство от застоя поворачивается к историческому движению путем разнообразных, всесторонних и радикальных реформ⁵¹. Таким образом, не проводя такой четкой границы между московским и послепетровским периодами русской истории, как это делает Аксаков, Щапову удается выстроить традицию земских соборов вплоть до второй половины XVIII в.

Концепция русской истории в целом и представление о земском соборе в частности наложили определенные ограничения на отбор А.П. Щаповым фактического материала. Так, например, им совершенно игнорируются соборы XVI в., представленные в дискурсе К.С. Аксакова. Это, по-видимому, объясняется тем, что в тот период областной элемент, по мнению А.П. Щапова, наиболее полно проявился в отстаивании общинами перед Иваном Грозным своих прав на самоуправление и в получении ими уставных грамот⁵². Что же касается соборов второй половины XVII в., высказывания о которых также отсутствуют в рассматриваемом дискурсе, то, вероятно, в них Щапов уже не видит той активности земских выборных, которой отличались соборы первой половины XVII в. Поэтому в представлении историка областной элемент в этот период русской истории выражается в иных формах: в областных челобитных и в народных бунтах⁵³.

Все вышесказанное позволяет говорить, что в концепции А.П. Шапова земский собор осмысливается именно как исторический феномен: историк не только выстраивает его преемственность с предшествующими политическими институтами, описывает его генезис в XVII в., но и показывает трансформации, произошедшие с ним в последующие периоды.

В политических построениях А.П. Шапова можно увидеть два варианта земского собора. Первая модель изложена Шаповым в записке к Александру II 1861 г. Обосновывая возможность восстановления областных и центральных земских советов, Шапов указывает на современную практику возвращения к древним началам устройства вольных сельских обществ и волостей. Предлагая императору воссоздать областные и центральные земские соборы, Шапов отвергает возможность их организации в «грубых формах XVII в.». По его мнению, организованные в просвещенных формах XIX в., земские соборы вместе с тем сохраняли бы принцип, заложенный естественно-исторической природной жизнью народа. Земские соборы могли бы существовать или в форме временных собраний областных депутатов по призыву государя, или в определенные сроки в год в качестве постоянных институций. Земские соборы должны быть всеобщими и представлять интересы земледельческие, сельские, купеческие, ремесленные, ученые, духовные и проч. Выбор депутатов в центральные земские соборы принадлежит областным советам⁵⁴. Таким образом, земские соборы как бы венчают собой систему народного представительства, фундамент которой составляют сельские и волостные сходы. Функция центральных земских советов, или соборов, сводится к представлению нужд и интересов провинций, обсуждению общегосударственных дел: отчету перед государем об областных сборах и бюджетах, сообщению материалов для общего законодательства, обсуждению вопросов, связанных с железными дорогами, телеграфными нитями, войском⁵⁵. Итак, земский собор представляет собой совещательный орган, на котором представители всех сословий доводят до сведения императора нужды провинции. Этот проект в целом соотносится с конструированной Шаповым исторической моделью соборов XVII в.

В более позднем и радикальном проекте А.П. Шапова земский собор приобретает иную функцию – установление «федеративной социально-демократической конституции» и создание новой политической системы «общинно-социального земского народосоветия и самосуда». При этом инициатива собрания земского собора уже принадлежит не только императору, но и са-

тому народу, император же в любом случае, выступит ли он инициатором его созыва или нет, должен отречься от престола. Центральным органом в этой системе оказывается союзный федеративный земский собор, или, как иначе называет его Щапов, общий федеральный союзный совет. Этот орган, так же как и в записке к Александру II, венчает собой систему народного представительства, в основании которого лежат сельский мир, волостные и городские сходы, областные земские советы⁵⁶. Таким образом, в этом проекте, с одной стороны, земский собор выступает в качестве постоянного представительного органа, а с другой – играет роль учредительного собрания, призванного определить основы нового политического устройства. Другими словами, данный проект структурно повторяет историческую модель собора 1613 г.

Итак, в политическом проекте А.П. Щапова соединяются историческая традиция как некий основополагающий принцип и новая форма, соответствующая современному уровню развития политических институтов как в России, так и на Западе.

Проведенный анализ показал, что в интеллектуальных построениях К.С. Аксакова и А.П. Щапова земский собор как исторический феномен имеет чисто конструктивистскую природу, т. е. является продуктом идеологии, а не результатом конкретного исторического исследования. Общая для обоих авторов установка на поиск народных начал в русской истории предопределила появление в их дискурсах высказываний о земском соборе. Вместе с тем специфика их политических позиций и исторических концепций наложила определенные ограничения как на отбор конкретного исторического материала, так и на обобщающее определение и временную локализацию рассматриваемого исторического феномена. Пример политических проектов К.С. Аксакова и А.П. Щапова показывает, что только рациональная историческая модель политического события создает благодатную интеллектуальную базу для разработки конструктивных политических проектов. И хотя проект А.П. Щапова не был воплощен в середине XIX в., его жизнеспособность доказывается уже тем, что система советов была не только воспринята народнической традицией, но и реализована в ходе Февральской революции, а затем и в Советском государстве.

- 1 См.: *Стратонов И.А.* Заметки по истории земских соборов Московской Руси. Казань, 1912. С. 5–10; *Авалиани С.Л.* Земские соборы: Литературная история земских соборов. Одесса, 1916. С. 5–14; *Черепнин Л.В.* Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 8–11. См. также: *Маджаров А.С.* Сословное (народное) представительство в России XVI–XVII вв. в отечественной историографии 20–60-х гг. XIX в. (Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, А.П. Щапов) // Сословное (народное) представительство в России XVI – начала XXI в.: Третьи Щаповские чтения. Иркутск, 2003. С. 9–26.
- 2 См.: *Волк С.С.* Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958. С. 391–395.
- 3 Под политическими текстами понимаются тексты, посвященные актуальным политическим проблемам и выполняющие либо функцию убеждения, либо мобилизующую функцию. См. понятие «политический текст»: *Алтунян А.Г.* Анализ политических текстов. М., 2006. С. 11; *Он же.* От Булгарина до Жириновского: идейно-стилистический анализ политических текстов. М., 1999. С. 9–12.
- 4 В данном случае мной применяется определение дискурса как системы ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции (см.: *Серио П.* Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 2002. С. 26).
- 5 См.: *Аксаков К.С.* История России с древнейших времен: Соч. Сергея Соловьева. Т. 6 // Русская беседа. 1856. Т. 4. С. 28–29.
- 6 См.: *Щапов А.П.* Общий взгляд на историю Великорусского народа // Щапов А.П. Неизданные сочинения. Казань, 1926. С. 12.
- 7 См.: Записка К.С. Аксакова «о внутреннем состоянии России», представленная Государю императору Александру II в 1855 г. // Ранние славянофилы А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. и И.С. Аксаковы. М., 1910. С. 69.
- 8 Там же. С. 71–72.
- 9 *Щапов А.П.* О конституции // Щапов А.П. Неизданные сочинения. С. 41.
- 10 Записка К.С. Аксакова «о внутреннем состоянии России»... С. 72.
- 11 Там же. С. 77.
- 12 Там же. С. 80.
- 13 Там же. С. 81.
- 14 См.: *Аксаков К.С.* Краткий исторический очерк земских соборов // Аксаков К.С. Полн. собр. соч. М., 1889. Т. 1. С. 285–286.
- 15 Там же. С. 281, 285.
- 16 Там же. С. 281. См. также: *Аксаков К.С.* История России с древнейших времен... С. 28–29.

Е.А. Архипова

- 17 См.: *Аксаков К.С.* Краткий исторический очерк земских соборов. С. 284.
18 *Аксаков К.С.* История России с древнейших времен... С. 29.
19 Записка К.С. Аксакова «о внутреннем состоянии России»... С. 81.
20 Там же. С. 86.
21 Там же. С. 85.
22 Там же. С. 81–82. См. также: *Аксаков К.С.* Краткий исторический очерк земских соборов. С. 284.
23 См.: *Аксаков К.С.* История России с древнейших времен... С. 30–31, 33–34.
24 См.: *Аксаков К.С.* Замечание на статью г. Соловьева: Щлецер и антиисторическое направление // Русская беседа. 1857. Т. 3. С. 137–138; *Соловьев С.М.* Щлецер и антиисторическое направление // Русский вестник. 1857. Т. 8. С. 450–451.
25 См.: *Аксаков К.С.* Замечание на статью г. Соловьева... С. 134.
26 См.: *Аксаков К.С.* История России с древнейших времен... С. 34.
27 См.: *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 450.
28 *Аксаков К.С.* Замечание на статью г. Соловьева... С. 137.
29 Там же. С. 134.
30 См.: Записка К.С. Аксакова «о внутреннем состоянии России»... С. 89–93.
31 Там же. С. 93–94. См. также: *Аксаков К.С.* Дополнение к записке: о внутреннем состоянии России // Аксаков К.С. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 631.
32 См.: Записка К.С. Аксакова «о внутреннем состоянии России»... С. 94–95.
33 *Щапов А.П.* Общий взгляд на историю Великорусского народа. С. 13.
34 Там же. С. 17–18, 22.
35 Там же. С. 13.
36 *Щапов А.П.* Земский собор 1648–1649 и собрание депутатов 1767 г. // Щапов А.П. Сочинения: В 3 т. СПб., 1906. Т. 1. С. 734.
37 Там же. С. 734. См. также: *Щапов А.П.* О конституции. С. 50.
38 См.: *Щапов А.П.* Земские соборы в XVII столетии: Собор 1642 г. // Щапов А.П. Сочинения. Т. 1. С. 714; *Он же.* Земский собор 1648–1649... С. 734.
39 См.: *Щапов А.П.* Великорусские области и Смутное время (1606–1613 г.) // Щапов А.П. Сочинения. Т. 1. С. 695.
40 Там же. С. 704.
41 *Щапов А.П.* Земские соборы в XVII столетии: Собор 1642 г. С. 710.
42 См.: *Щапов А.П.* Общий взгляд на историю Великорусского народа. С. 26–27; *Он же.* О конституции. С. 50; *Он же.* Великорусские области и Смутное время (1606–1613 г.). С. 704, 707–709; *Он же.* Земские соборы в XVII столетии: Собор 1642 г. С. 710.
43 См.: *Щапов А.П.* Земский собор 1648–1649 и собрание депутатов 1767 г. С. 749.

Земский собор как феномен политического дискурса середины XIX в.

- 44 См.: *Щапов А.П.* Общий взгляд на историю Великорусского народа. С. 27.
- 45 См.: *Щапов А.П.* Земский собор 1648–1649 и собрание депутатов 1767 г. С. 749.
- 46 Письмо А.П. Щапова Александру II в 1861 г. // Красный архив. 1926. Т. 6 (19). С. 162.
- 47 См.: *Щапов А.П.* Земский собор 1648–1649 и собрание депутатов 1767 г. С. 734, 751.
- 48 Там же. С. 734.
- 49 Там же. С. 740.
- 50 Там же. С. 734.
- 51 Там же. С. 746–747.
- 52 См.: *Щапов А.П.* Общий взгляд на историю Великорусского народа. С. 18–19; Письмо А.П. Щапова Александру II в 1861 г. С. 161.
- 53 См.: *Щапов А.П.* Общий взгляд на историю Великорусского народа. С. 27–29.
- 54 См.: Письмо А.П. Щапова Александру II в 1861 г. С. 162.
- 55 Там же. С. 162–163.
- 56 *Нечкина М.В.* Щапов А.П. в годы революционной ситуации: Письмо к П.П. Вяземскому от 8 октября 1861 // Литературное наследство. М., 1959. Т. 67. С. 657–658, 661–662.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ НА УКРАИНЕ–2007: «ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ», ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ИЛИ ПУТЬ К КОНСОЛИДАЦИИ ДЕМОКРАТИИ?¹

События на Украине, особенно после известных «революционных» потрясений конца 2004 г. и прихода к власти президента В. Ющенко, не перестают привлекать внимание политических публицистов и политологов-исследователей. Простое перечисление работ, посвященных политическому процессу на Украине в 2004–2007 гг. – от ангажированных до вполне объективных, от откровенно публицистических до теоретических – заняло бы немало страниц. Вместе с тем приходится констатировать, что наше политологическое сообщество пока еще незначительно приблизилось к пониманию сущности этих событий, а главное – к более или менее адекватному политическому прогнозу. После серии внутриэлитных пактов о распределении ресурсов и установлении формальных «правил игры» многие исследователи пришли к выводу о том, что украинская политическая система имеет все шансы на консолидацию демократии путем перехода к «борьбе по правилам» как к такому результату трансформации политического режима, при котором отсутствие доминирующего актора и высокая степень фрагментации политической элиты заставляют политических акторов учреждать конкурентные политические институты и распределять власть между разными сегментами элиты². Создание коалиционного правительства и «сосуществование» разных политических сил у власти как будто подтверждали эти выводы. Однако недавние события, центральным из которых было решение президента о роспуске Верховной рады, а также многое из того, что ему предшествовало, и все то, что за ним последовало, заставляют сильно усомниться в тезисах подобного рода.

Представляется, что цикличность и в известной степени «спиралевидность» (понимаемая как возвращение на новом этапе к знакомой ситуации с прежними игроками и постоянные попытки «вернуть» ситуацию обратно, «отыграть» ее) кризисов

подобного рода в украинской политике способствуют возникновению у исследователей интеллектуального затруднения. Оно заключается в вопросе о природе подобных кризисов: являются ли они действительно «кризисами», т. е. неким отклонением от «нормального» политического процесса, или события и процессы, принимаемые за кризисы, и есть сам способ существования украинского политикума? Это ставит перед политологами и более теоретическую проблему, касающуюся трансформации политического режима в целом: можно ли рассматривать события, связанные с выборами в Верховную раду (парламент) в 2006 г. и ее роспуском в 2007 г., в контексте общей постсоветской политической трансформации на Украине или следует признать, что «переход» в целом завершился?

В литературе имеется ряд интерпретаций событий на Украине, связанных с «оранжевой революцией» и последовавшей за ней серией «политических кризисов». В центре каждой интерпретации находится какая-либо группа факторов политического процесса – экономических, политико-правовых, социальных, культурно-цивилизационных, внешнеполитических и геополитических.

Авторитетный украинский исследователь В. Якушик предлагает интерпретировать события 2004–2006 гг. как серию трех революций: «оранжевая революция» (победа В. Ющенко на выборах в 2004 г.), «сине-белая революция» (победа Партии регионов на выборах в Верховную раду в марте 2006 г.), «революция духа» (создание коалиционного правительства в августе 2006 г.). Результатом последней стал, по его мнению, союз «этнонационалистов» в лице блока «Наша Украина» и «цивилизационных консерваторов» в лице Партии регионов, Социалистической и Коммунистической партий; с экономической же точки зрения – это союз представителей среднего и крупного капитала³.

Т. Гузенкова оценивает все независимое украинское 15-летие как «хронический кризис со стадиями ремиссии и обострения», отмечая преемственность основных тенденций политического процесса в 1991–2007 гг.⁴

С. Мирзоев анализирует политические события 2004–2006 гг. с юридической точки зрения, приходя к выводу о том, что сущностью политических процессов был их неправовой характер, постоянная манипуляция правом и грубые нарушения Конституции и законов Украины⁵.

А. Кузьмин и М. Зорин рассматривают указанные процессы с точки зрения теории социальных сетей, при этом в центре внимания исследователей оказываются не столько элитные акторы,

Н.А. Борисов

скольким массовые «сети повседневности» и различные стратегии их поведения⁶. Напротив, В. Гельман полагает, что социальные сети непосредственного влияния на политику не оказывают, а массы являются лишь ресурсом, который элиты могут в той или иной степени мобилизовывать в своих интересах⁷.

В. Пантин выступает за продуктивность анализа политических процессов на Украине с точки зрения «революционной целесообразности», подчеркивая, что сама логика «революционного» процесса ведет к неправовым решениям политических акторов и радикализации политики⁸.

Признавая ценность и продуктивность указанных подходов, сосредоточим внимание главным образом на правовых проблемах современного украинского политического процесса, оценивая с этой точки зрения перспективы демократизации политической системы. При этом будем исходить из гипотезы о том, что институциональные рамки, равно как и их игнорирование, оказывают значительное влияние на политический процесс. Рассмотрим недавние политические события на Украине, выявляя соотношение формальных и неформальных институтов в контексте перспектив демократизации политического режима и возможной консолидации демократии.

Даже поверхностному наблюдателю ясно, что главная особенность политических процессов на Украине, начавшихся с решения президента о роспуске Верховной рады 2 апреля 2007 г., – это их нелегальность, явный выход за рамки конституционного и вообще правового поля. Однако, если проанализировать политические события «революционного» и «постреволюционного» периодов, можно прийти к выводу о том, что самые значимые из них также носили явно антиправовой характер. Так, само решение о проведении «третьего тура» президентских выборов в декабре 2004 г. явилось уникальным в мировой электоральной практике и не имело правовой основы ни в украинском, ни в международном праве, но подавалось как гарантия «перехода к настоящей демократии». Если вспомнить, что в «пакете» с решением о третьем туре было принято и решение о проведении конституционной реформы, станет очевидным, что сама новая политическая система, появившаяся в результате исхода «третьего тура», уже имела «родовую травму» в виде явной нелегальности своего фундамента, основываясь исключительно на неформальных внутриэлитных договоренностях. Нужно учитывать и то, что сама конституционная реформа была во многом ситуативной, поскольку при ее принятии обе политические силы исходили из необязательности для себя тех институтов, которые

ею учреждались. Со слов Ю. Тимошенко известно высказывание В. Ющенко во время голосования за закон о внесении изменений в Конституцию о том, что в дальнейшем эту реформу можно и нужно будет отменить.

В январе 2006 г. Верховная рада выразила вотум недоверия Кабинету министров во главе с Ю. Ехануровым, в результате которого, по Конституции, правительство должно было уйти в отставку. Однако президент и правительство, сославшись на то, что Верховная рада, утверждая Ю. Еханурова в качестве премьер-министра одновременно с программой действий Кабинета министров, обязалась в течение года не ставить вопрос о доверии правительству, не посчитали необходимым принять решение о его отставке. В результате сложилась ситуация, при которой Верховная рада считала премьер-министра и министров «исполняющими обязанности», президент же и министры – полноценными членами правительства.

Еще одна политико-юридическая коллизия была связана с формированием Кабинета министров и утверждением премьер-министра в мае–августе 2006 г. По Конституции, коалиция депутатских фракций, обладающая правом предлагать президенту кандидатуру премьер-министра, должна быть сформирована в течение месяца после начала работы вновь избранного парламента (т. е. 25 июня 2006 г.), в противном случае президент распускает Верховную раду. В действительности же процесс формирования коалиции растянулся до конца июля, а премьер-министр был утвержден только 4 августа, что явно не вписывалось в правовые рамки. Примечательно, что и в этом случае формирование правительства стало продуктом неформальных компромиссов элитных группировок с их последующей легализацией в виде постановлений Верховной рады.

Показательным также был «случай» с министром иностранных дел Б. Тарасюком, который был отправлен в отставку постановлением Верховной рады и впредь не допускался на заседания правительства. В этой ситуации президент издал беспрецедентный Указ «О продолжении исполнения министром иностранных дел Украины Б. Тарасюком своих должностных обязанностей»⁹, которым предписал министру продолжать исполнять свои обязанности. В результате становилось неясным, как сам президент понимает статус Б. Тарасюка: как уже отставного министра или как еще действующего? В обоих случаях подобный указ выглядит юридически бессмысленным.

Таким образом, игнорирование формальных правил задолго до нынешнего «кризиса» уже стало вызывающей опасения

Н.А. Борисов

традицией политической жизни Украины, особенно с учетом преобладающей роли неформальных институтов.

Антиконституционный роспуск Верховной рады в апреле 2007 г. также должен рассматриваться в контексте этой тенденции. Очевидно, что указ президента о роспуске парламента явился «актом политического отчаяния» в ситуации стремительной потери ресурсов президентом. Основные этапы «перетекания» ресурсов и соответственно предпосылки, непосредственно предшествовавшие решению о роспуске парламента, состояли в следующем.

1. Принятие Верховной радой в декабре 2006 г. Закона «О Кабинете министров Украины», который серьезно ограничивал полномочия президента путем конкретизации полномочий правительства в сфере обороны, безопасности и иностранных дел; предусматривалась также возможность освобождения Верховной радой министров, в том числе обороны и иностранных дел, от занимаемой должности без согласия президента и возможность назначения премьер-министра Верховной радой без участия президента, если он в установленный срок не внесет кандидатуру, предложенную коалицией фракций. Президент дважды налагал на закон вето, однако оно было преодолено Верховной радой, причем депутатами не было учтено ни одно из возражений президента, включая технико-стилистические поправки.

2. Быстрыми темпами стало расти число депутатов, переходящих из фракций «Блок Юлии Тимошенко» и «Наша Украина», в целом лояльных президенту, во фракции иных политических сил, составляющих правящую коалицию (Партии регионов, Социалистической и Коммунистической партий), при этом число депутатов в коалиции возросло с 260 до 280 (до конституционного большинства в 300 голосов оставалось совсем немного – и это означало, что президент утрачивает практически все значимые полномочия).

3. Выход из Кабинета министров в ноябре–декабре 2006 г. министров, вошедших в него от фракции «Наша Украина» или по квоте президента (кроме министра обороны), и назначение на эти должности представителей парламентского большинства чрезвычайно ослабили позиции президента, практически полностью лишившегося контроля за правительством. Особенно чувствительным был уход с поста министра внутренних дел одного из самых близких союзников президента Ю. Луценко и назначение на этот пост социалиста В. Цушко, фактически обвинившего прежнего министра в развале органов внутренних дел страны¹⁰. Это означало, что важнейший ресурс любой власти – внутрен-

ние войска и милиция – перешел под контроль Кабинета министров и Верховной рады.

4. Начавшееся противостояние между секретариатом президента и Кабинетом министров по поводу института контрасигнатуры – необходимости скрепления ряда указов президента подписями премьер-министра и ответственного министра. По ряду документов возникали серьезные конфликты, поскольку секретариат президента не направлял документы на подпись в Кабинет министров в определенные законом сроки.

Таким образом, все эти действия Верховной рады и Кабинета министров практически лишали президента значимых ресурсов. В сочетании с возможным образованием в Верховной раде конституционного большинства, до которого оставался один шаг, это привело бы к превращению его в представительскую фигуру, не имеющую реальных властных ресурсов. Именно этим, на наш взгляд, прежде всего и объясняется неправоовой характер указа о роспуске Верховной рады, если рассмотреть его как последнюю решительную попытку вернуть президенту утраченные полномочия в ситуации отсутствия иных ресурсов. Интересно заметить, что, все чаще сравнивая в последнее время украинскую конституционную модель с французской, многие забывают о том, что президент Франции имеет право распустить парламент «после консультаций с премьер-министром и председателями палат» (ст. 12 Конституции Французской Республики)¹¹, т. е. в любое время по своему усмотрению. Конституция же Украины четко определяет возможности роспуска парламента президентом, серьезно ограничивая его права и фактически нарушая сбалансированность полупрезидентской (или премьер-президентской) модели. Получается, что Верховная рада и формирует правительство и освобождает от должности его членов, но при этом фактически неподконтрольна Кабинету министров и президенту – он может распустить ее только в следующих случаях: если на протяжении одного месяца Верховная рада не сформировала коалицию депутатских фракций; если в течение 60 дней после отставки Кабинета министров не сформирован новый состав правительства; если на протяжении 30 дней одной сессии не могут начаться пленарные заседания (ст. 90 Конституции Украины)¹². Это с очевидностью порождает для президента тупиковую ситуацию и создает основы для политического противостояния.

В качестве обоснования роспуска Верховной рады в указе было отмечено, что коалиция депутатских фракций, сформировавших правительство, была создана не только из членов данных

фракций, но и из перешедших в эти фракции депутатов, причем отмечалось, что такие переходы особенно участились в марте 2007 г. (здесь фактически идет речь о необходимости введения императивного мандата). На этом крайне слабом с юридической точки зрения аргументе и строилась вся президентская аргументация роспуска парламента. Заявления президента о неконституционности сформированной коалиции явно входили в противоречие с его же высказываниями о том, что «определение парламентского большинства и формирование на этой основе украинского правительства состоялось при соблюдении всех демократических процедур», и его оценкой мартовских выборов 2006 г., которые он назвал «первыми честными выборами» на Украине¹³.

Однако, повторим еще раз, нелогичным такое решение президента выглядит только по форме. По своей сути оно во многом было «запрограммировано» особенностями современного украинского институционального дизайна. Если обратиться к известному интервальному методу измерения полномочий президентов, предложенному М.С. Шугартом и Дж. Кэри¹⁴, можно обнаружить, что законодательные полномочия президента Украины составляют 4 балла, а незаконотательные – 2 балла. Иначе говоря, президент имеет крайне мало полномочий в отношении определения состава правительства и его смещения, зато наделен законодательной инициативой, правом вето и правом инициировать референдум. Такое соотношение законодательных и незаконотательных полномочий, по мнению авторов, делает политические системы подобного рода наименее устойчивыми. Данная система попадает в классификации Шугарта и Кэри в «пустой» сектор, в котором отсутствуют государства с демократическими режимами. Случай Украины как нельзя лучше иллюстрирует утверждение о том, что если «не существует “демократического принципа”, определяющего, кто может рассчитывать на посты в кабинете... то конфликты в своей самой первобытной форме (*sic!* – Н. Б.) вполне допустимы. Министры – они чьи, президента или законодательного собрания?..»¹⁵. Попытка разрешения именно такой проблемы и стала одной из главных причин нынешнего политического противостояния.

Антиправовое решение о роспуске парламента породило цепь иных антиправовых актов. За ним последовало постановление Верховной рады, которое объявляло президентский указ антиконституционным¹⁶ (хотя очевидно, что заключение о соответствии нормативных актов Конституции может давать исключительно Конституционный суд). Отказ Кабинета министров от

финансирования выборов привел к изданию еще двух указов о роспуске парламента, в которых досрочные выборы переносились сначала на май, а затем на июнь 2007 г.¹⁷ Одновременно активизировались и юридические фантазии некоторых депутатов Верховной рады, посчитавших, что даже в случае проведения досрочных выборов заседания парламента прежнего созыва могут продолжаться вплоть до начала работы вновь избранного парламента. 26 апреля 2007 г. Верховная рада приняла постановление о проведении досрочных выборов президента и парламента не позднее 9 декабря 2007 г.¹⁸ Очевидно, что это постановление также носило явно антиправовой характер: парламента не имел права назначать досрочные парламентские выборы, тем более не было оснований для проведения выборов президента, поскольку действующий президент не уходил в отставку и не был отрешен от должности.

Следующим этапом «гибели права» стала дискредитация Конституционного суда, который начал рассмотрение дела о конституционности указа президента о роспуске Верховной рады, подвергаясь при этом постоянному давлению со стороны секретариата президента, органов парламента и правительства и улицы, что изначально предопределяло нелегитимность любого его постановления в глазах важнейших политических акторов. Среди основных методов давления использовались увольнения судей, недопуск их на работу, принуждение к «добровольному» уходу в отставку. Поступала информация и о прямом подкупе судей¹⁹. Апофеозом вмешательства в деятельность Конституционного суда можно считать удивительное с юридической точки зрения исковое заявление В. Ющенко (вероятно, как гражданина, а не как президента Украины) о запрете судьям Конституционного суда осуществлять судопроизводство, поданное им в Голосеевский районный (!) суд города Киева²⁰. Поскольку президент впоследствии издал еще два указа о роспуске Верховной рады, отменив предыдущие, Конституционный суд принял поистине «мудрое» решение, закрыв дело о рассмотрении первого указа, который был отменен самим президентом. Началось противостояние между президентом и парламентом и по вопросу о назначении Генерального прокурора Украины, проходившее за рамками Конституции. Новый Генпрокурор был назначен только в результате внутриэлитного компромисса, которому, очевидно, предшествовал продолжительный политический торг.

Таким образом, в результате указанных выше неправовых действий оказались дискредитированными важнейшие демократические институты: подвергнута сомнению легитимность пар-

Н.А. Борисов

ламенты, прокуратуры, обязательность исполнения Конституции, а самое главное – авторитет институтов арбитража, основным из которых является Конституционный суд. Практика показала, что он не в состоянии быть реальным арбитром в споре между ветвями власти как в силу оказанного на него давления, так и в силу недоверия к суду всех участников конфликта и, что немаловажно, большинства населения.

Делегитимация основных формальных институтов и обусловила, на наш взгляд, выход из сложившейся ситуации в рамках неформальных институтов, в первую очередь в силу самоочевидности этого выхода для субъектов конфликта. 27 мая 2007 г. президент В. Ющенко, премьер-министр В. Янукович и председатель Верховной рады А. Мороз подписали совместное заявление, в котором согласились о проведении досрочных выборов 30 сентября 2007 г., отмене предыдущих указов президента о роспуске парламента и о подтверждении всех законов, принятых парламентом в апреле–мае 2007 г.²¹ Таким образом, промежуточным итогом разрешения конфликта вновь стало неформальное внутриэлитное соглашение, причем, как и ранее, без каких-либо гарантий его выполнения всеми сторонами. Очевидно, что оно могло быть нарушено любой из сторон, если бы она сочла, что дальнейшие издержки от его соблюдения превышают выгоды (именно поэтому вплоть до конца августа 2007 г. было неочевидно, что выборы состоятся именно в сентябре, а Верховная рада, ссылаясь на наличие кворума, была готова продолжать работу в прежнем составе в период осенней сессии).

Таким образом, нынешний украинский «кризис» был вызван стечением ряда политико-правовых обстоятельств и факторов (в данном случае мы оставляем в стороне экономические, внешнеполитические и культурно-цивилизационные факторы конфликта).

Во-первых, нынешний «кризис», связанный с противостоянием законодательной и исполнительной властей и высокой ролью неформальных институтов является традиционным для украинской политики. Весь политический процесс 2004–2007 гг. (и даже еще раньше, при Л. Кучме) можно рассматривать как серию внутриэлитных пактов, которые должны были способствовать переходу от «игры с нулевой суммой» к «игре с ненулевой суммой» и в итоге, как предполагалось, «к борьбе по правилам». Однако постоянные стремления одной из сторон разрушить эти пакты и вновь перейти к «игре с нулевой суммой» возобновляли конфликт, результатом которого становилось новое внутриэлитное соглашение, и т. д. Таких «точек бифуркации» в 2004–2007 гг.

можно насчитать несколько: пакетное соглашение 2004 г. о «третьем туре» и конституционной реформе, отставка правительства Ю. Тимошенко и «перемирие» В. Ющенко с В. Януковичем в 2005 г., образование коалиционного правительства в 2006 г. Все три соглашения были разрушены из-за изменения соотношения сил, стремления политических акторов вновь перейти к игре с нулевой суммой и максимизировать властные ресурсы. Однако сопротивление иных акторов не давало возможности завершить эту максимизацию, что приводило к новым конфликтам. Это еще раз подтверждает тезисы о полицентризме украинской политической системы и чрезвычайной фрагментированности политической элиты, которую невозможно «отменить», а можно только институционализировать.

Во-вторых, как отмечалось, конфликт был заложен на формально-правовом уровне, с принятием поправок к Конституции в 2004 г. и с дальнейшим поэтапным «урезанием» властных ресурсов президента на практике. Неустойчивость формы правления, определявшаяся разрывом между широкими законодательными полномочиями президента и практическим отсутствием у него законодательных полномочий, прежде всего контроля за деятельностью правительства, и фактическая невозможность роспуска парламента изначально закладывали в фундамент данной системы «мину замедленного действия», которая привела к невозможности функционирования политической системы. Все это тем не менее позволяет рассматривать нынешний «кризис» не в качестве «отклонения», а в качестве вполне традиционного способа существования украинской политики.

Но даже все это не вело бы с однозначностью к конфликту, угрожающему разрушением всей политической системы, если бы имелись легитимные институты арбитража и регулирования конфликтов. Однако быстро выяснилось, что таких авторитетных для всех политических акторов институтов не существует, действующие институты подверглись быстрой делегитимации, а единственным выходом из сложившейся ситуации стали внутриэлитные соглашения. Однако сомнительно, что в результате таких неформальных соглашений будет укореняться демократическая политическая конкуренция и в итоге – демократические процедуры и институты. Демократия в качестве необходимой предпосылки предполагает наличие правового фундамента, самым важным в котором является наличие институтов регулирования конфликтов, и не может быть основана на преобладании неформальных институтов. Давно понятно, что демократия совсем не гарантирует бесконфликтного развития, но она тем и от-

Н.А. Борисов

личается от авторитаризма, что имеет институты для *правового* регулирования конфликтов, причем такие, которые не оспариваются ни одной из политических сил (именно в силу того, что они являются правовыми, т. е. абстрактными, имперсональными²²). Осознание необходимости поиска таких институтов должно привести к отказу от иллюзий относительно возможности развития демократии на неправовом фундаменте. В то же время вряд ли стоит утверждать незыблемость существующих правовых норм и Конституции, которые постоянно нарушаются и во многом дискредитированы. Давно известно, что если право постоянно нарушается на практике, то целесообразней все-таки изменить правовые рамки, чем пытаться, не обращая внимания на политический процесс, объявить «неприкосновенными» или «не подлежащими изменению» дискредитировавшие себя и фактически «мертвые» конституционные нормы.

Украинский случай еще раз показал, что институциональные рамки функционирования политики, являясь продуктом соотношения сил при учреждении новой системы, тем не менее оказывают определяющее влияние на развитие политического процесса, задавая степень его конфликтности, конкурентности и устойчивости, являются безусловным фактором эволюции политического режима.

Построение новых правовых оснований украинской политической системы – задача чрезвычайно трудная, но, по всей видимости, необходимая, иначе политическая система будет обречена на постоянное возникновение конфликтов, регулированием которых будут заниматься институты, созданные *ad hoc*, что дает возможность политическим акторам «отбросить» данный институт как балласт, как только он начинает уменьшать его властные ресурсы. Очевидно, что необходимо устранять и конституционный дисбаланс полномочий законодательной и исполнительной властей, прежде всего в направлении предоставления президенту больших полномочий по контролю над Верховной радой и правительством в целях создания системы сдержек и противовесов. В частности, министры, назначаемые по представлению президента, должны и смещаться только с его согласия. Президент должен, по нашему мнению, получить и право роспуска парламента в ответ на вынесение парламентом вотума недоверия президенту либо вообще без ограничений. Даже если эти полномочия не будут использованы на практике, у президента появится важный ресурс для легального контроля над парламентом, а у парламента отпадет стремление к провоцированию конфликтов с президентом и правительством.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на ущербность однозначных трактовок относительно «правых» и «виноватых» в современном украинском кризисе. Чаще всего, ссылаясь на неправомерные шаги президента, публицисты, политики и некоторые исследователи объявляют «правыми» В. Януковича и представителей правящей коалиции (реже наоборот), и для поверхностного наблюдателя это вполне очевидно. Однако именно представители коалиции сделали ряд последовательных шагов по постепенной концентрации ресурсов в своих руках, а президентское решение было лишь ответным шагом. Более того, нет никаких гарантий, что коалиция, вновь перейдя к «игре с нулевой суммой», пожелала бы делиться с кем-либо ресурсами или стала бы править «лучше» президента: было бы наивным полагать одну из сторон конфликта бескорыстной и моральной, а другую – узурпатором власти в качестве самоцели, поскольку обе участвовали в многочисленных пакетных соглашениях, стремясь неправомерным путем увеличить ресурсы. Именно поэтому и необходимо создавать действенную систему сдержек и противовесов, препятствуя максимизации ресурсов каждым из политических акторов.

В украинском случае проблема заключается еще и в том, что парламентарно-президентская система здесь существует еще столь краткий период, что объективно оценить ее преимущества и недостатки не представляется возможным. Так, например, мы не знаем, как функционировала бы эта система в случае «существования» президента с правительством из лояльных ему политических сил и наличия пропрезидентского большинства в парламенте. Так или иначе, становится очевидным, что задачи по созданию надежного фундамента для консолидации демократии на Украине еще далеко не решены, и это, по всей видимости, осознается основными политическими силами, которые стремятся к продолжению конституционной реформы. Трудно не согласиться с заявлением президента В. Ющенко по случаю Дня Конституции Украины 27 июня 2007 г., в котором, в частности, отмечается: «Вмешательство в Основной закон в 2004 году завело страну в глухой тупик и создало жизненную угрозу украинской демократии»²³.

Остается только надеяться, что разные подходы к этой реформе не приведут к полному отказу от попыток построения конкурентной системы, основанной на формальных институтах, в пользу возврата к «игре с нулевой суммой» в виде передачи всех формальных полномочий и ресурсов какому-либо политическому актору или одной из ветвей власти, что было бы наихуд-

Н.А. Борисов

шим исходом конфликта и надолго воспрепятствовало бы консолидации демократии.

Примечания

- 1 Статья была написана в мае–сентябре 2007 г., поэтому анализ собственно выборов в Верховную раду, последовавшее за ними формирование нового Кабинета министров и нового соотношения сил политических акторов хронологически и содержательно выходят за ее рамки. Вместе с тем к настоящему времени не произошло никаких событий, которые бы опровергали основные тезисы и выводы, изложенные в работе.
- 2 См., например: *Гельман В.Я.* Из огня да в полымя? Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе // *Полис.* 2007. № 2. С. 81–108.
- 3 См.: *Якушик В.М.* Политические и цивилизационные аспекты украинской революции 2004–2005 гг. // *Политэкс.* 2006. № 2. С. 15–40.
- 4 Запись выступления Т.С. Гузенковой на «круглом столе» «Политический кризис на/в Украине в контексте политических трансформаций на постсоветском пространстве», 22 мая 2007 г., Москва, ИНИОН РАН (личный архив автора).
- 5 См.: *Мирзоев С.* Гибель права: Легитимность в оранжевых революциях. М., 2006.
- 6 См.: *Зорин М.А., Кузьмин А.С.* Политологические миражи и социологическая действительность: Украина 2000–2006: Сети повседневности, неустойчивые неформальные институты и «цветные революции» // *Полития.* 2006. № 1. С. 51–65.
- 7 Запись выступления В.Я. Гельмана на Пятой общей конференции Евразийской сети политических исследований «Политическая наука и политические процессы в Российской Федерации и Новых Независимых Государствах постсоветской Евразии», 2 февраля 2007 г., Москва, Институт философии РАН (личный архив автора).
- 8 Запись выступления В.И. Пангина на «круглом столе» «Политический кризис на/в Украине в контексте политических трансформаций на постсоветском пространстве», 22 мая 2007 г., Москва, ИНИОН РАН (личный архив автора).
- 9 См.: Указ Президента України «Про продовження виконання Міністром закордонних справ України Б. Тарасюком своїх посадових обов'язків» от 5 грудня 2006 року № 1033/2006 // Верховна Рада України: Офіційний веб-сайт [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Київ, сор. 1994. Режим доступа: <http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=1033%2F2006>, свободный.

- 10 См.: Стенограммы пленарних засідань Верховної Ради України, Третя сесія Верховної Ради України п'ятого скликання, засідання дванадцате, 23 лютого 2007 року // Верховна Рада України: Офіційний веб-сайт [Електронний ресурс]. Електрон. дан. Київ, сор. 1994. Режим доступа: http://www.rada.gov.ua/zakon/new/STENOGR/23020703_12.htm, свободный.
- 11 См.: Конституция Французской Республики // Конституции зарубежных государств / Сост. В.В. Маклаков. 2-е изд., испр. и доп. М., 1999. С. 110.
- 12 См.: Конституція України: Прийнята 28.06.2006 г., із змінами, внесеними згідно із Законом № 2222-IV від 08.12.2004 г. // Відомості Верховної Ради (ВВР). 1996. № 30. Ст. 141; 2005. № 2. Ст. 44.
- 13 Стенограма прес-конференції Віктора Ющенка для українських ЗМІ 15 грудня 2006 року // Офіційне Інтернет-представництво Президента України [Електрон. ресурс]. Електрон. дан. Київ, сор. 2005. Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/news/data/print/12594.html>, свободный.
- 14 См., например: *Шугарт М.С., Кэри Дж.* Президенты и законодательные собрания // Теория и практика демократии: Избр. тексты / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева, Б.Г. Капустина. М., 2006. С. 228–232.
- 15 Там же. С. 231.
- 16 Постанова Верховної Ради України «Про політичну ситуацію в Україні, пов'язану з оголошенням Указу Президента України від 2 квітня 2007 року “Про дострокове припинення повноважень Верховної Ради України”» від 2 квітня 2007 року № 839-V // Верховна Рада України: Офіційний веб-сайт [Електронний ресурс]. Електрон. дан. Київ, сор. 1994. Режим доступа: <http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=839-16>, свободный.
- 17 2 августа 2007 г. президент издал четвертый (!) указ о роспуске Верховной рады, с тем чтобы формализовать окончательную дату проведения выборов – 30 сентября (дело в том, что по Конституции досрочные выборы должны быть проведены в течение 60 дней с момента роспуска парламента).
- 18 Постанова Верховної Ради України «Про вибори Президента України та народних депутатів України» от 30 квітня 2007 року № 998-V // Верховна Рада України: Офіційний веб-сайт [Електрон. ресурс]. Електрон. дан. Київ, сор. 1994. Режим доступа: <http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=998-16>, свободный.
- 19 Так, крупный бизнесмен и политик М. Бродский публично, в прямом эфире украинского телевидения, обвинил Ю. Тимошенко в том, что она обратилась к нему с просьбой изыскать денежные средства для подкупа судей Конституционного суда.
- 20 См.: Ющенко обратился в суд относительно запрета судьям КС осуществлять судопроизводство [Електрон. ресурс]. Електрон. дан. Режим доступа: <http://www.korrespondent.net/main/191067>, свободный.

Н.А. Борисов

- 21 См.: Спільна заява Президента України, Голови Верховної Ради України і Прем'єр-міністра України щодо невідкладних заходів, спрямованих на розв'язання політичної кризи шляхом проведення позачергових виборів до Верховної Ради України від 27 травня 2007 року // Верховна Рада України: Офіційний веб-сайт [Електронний ресурс]. Електрон. дан. Київ, сор. 1994. Режим доступу: <http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=n0009100%2D07>, свободний.
- 22 Наряду с классиками политической науки (М. Вебером, С. Хантингтоном и др.) об этом же замечательно и ярко писал французский политолог Ж. Бурдо, рассуждая о происхождении современного института государства: «Люди изобрели государство, чтобы не подчиняться другим людям... Вместо того, чтобы считать, что власть является личной прерогативой лица, которое ее осуществляет, они разработали форму власти, которая независима от правителей. Эта форма и есть государство» (цит. по: *Пивоваров Ю.С.* Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М., 2006. С. 120). Создание подобных абстрактных институтов оказалось для постсоветских политических элит чрезвычайно сложной и пока нерешенной задачей.
- 23 См.: Промова Президента України з нагоди Дня Конституції 27 червня 2007 року // Офіційне Інтернет-представництво Президента України [Електрон. ресурс]. Електрон. дан. Київ, сор. 2005. Режим доступу: http://www.president.gov.ua/news/data/11_17027.html, свободний.

Н.В. Шатина

«ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ»
КАК ОБЛАСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
РОССИЙСКОГО ЭКСПЕРТНОГО
СООБЩЕСТВА

Политическое событие занимает центральное место в политическом процессе. Организация (выстраивание) этих событий по различным основаниям превращает политическое как сферу бытования в политический процесс, а политику – в способ организации социального мира.

Для более адекватного анализа предметной области интерпретации категории политического события необходимо прояснить содержание самого этого понятия. На мой взгляд, политическое событие не совпадает с реальным фактом, связанным с областью политического (выборы, соглашения, политические решения, выступления политических лидеров, забастовки и др.). Политический факт может стать (или не стать) основанием политического события в результате его введения в публичное поле с помощью различных средств, каналов и механизмов коммуникации, т. е. в результате его интерпретации и репрезентации (экспертные оценки, комментарии политиков, неформальное обсуждение на бытовом уровне, общий информационный контекст). Резонанс, вызванный политическим событием (а точнее интерпретацией этого события), определяет значимость факта, может привести к определенным политическим последствиям или быть использованным для того, чтобы произвести политические изменения (например, отмена выборов губернаторов после террористического акта в Беслане). Политический факт в чистом виде – есть лишь информационный повод, и только интерпретация и репрезентация факта превращают последний в событие, формируя смысловое поле политики. Следует иметь в виду и то, что политическое событие не всегда носит «стихийный» характер. Оно может создаваться специально, например как часть PR-кампании политического лидера или партии.

Значение политических событий как области интерпретации и репрезентации в современном мире резко возрастает. Это

Н.В. Шатина

связано с тем, что сама политическая современность в развитом информационном обществе становится продуктом целенаправленного конструирования¹. Политическое событие (а точнее его репрезентация) в предложенном понимании является важнейшим инструментом такого проектирования. В результате «разыгрывания» («инсценировки») событий, ориентированных на широкий общественный резонанс, реальная политика (в центре которой находятся распределение властных полномочий и принятие политических решений) уходит из публичного поля в теневую сферу, а обществу предлагается событийная канва, ориентирующая его на поддержку политического курса властвующей элиты.

Одним из способов конструирования и виртуализации политической реальности является установление информационной повестки дня как набора наиболее важных в определенное время проблем². Через «установление повестки дня» политическая элита внедряет необходимый ей набор актуальных проблем в сознание аудитории, таким образом создавая или усиливая интерес общества к определенным проблемам и, соответственно, формируя векторы политического процесса. Так, российский исследователь Г. Ковалев, анализируя технологии виртуализации политической реальности, пишет о том, что решающую роль в ней играют СМИ. «Конструирование политической реальности, – по его словам – представляет собой процесс “разыгрывания” (“инсценировки”) неких событий в рамках проводящейся политической кампании, ориентированных на широкий общественный резонанс»³.

Исследуя механизм принятия политических решений в современной России, известный российский политолог А.И. Соловьев отмечает, что «нынешняя власть за счет контроля за медиарынком... добилась состояния, при котором она может уверенно форматировать политические процессы и выстраивать ту электоральную конфигурацию или архитектуру в правящем классе, которая ей необходима в центре или конкретном регионе». В своих выводах он основывается на последовательном повышении роли СМИ в продвижении целей и проектов правящего режима, которые не просто демонстрируют приоритеты медиатехнологий по сравнению с пресловутым административным ресурсом, но свидетельствуют о «перестраивании всей политической системы под воздействием управляемых информационных потоков». Используемые режимом технологии власти и управления, разработки и продвижения политических проектов, по его мнению, «начинают де-факто изменять форму

«Политическое событие» как область интерпретации...

правления в государстве», разрушая позиции граждан в оценке существующих проблем и параллельно снижая статус независимого экспертного сообщества. Для нас интересен его вывод о том, что «разрушение механизмов представительства групповых интересов, точнее формализация этой системы, предполагающее искусственное выстраивание повестки дня, означает утрату этой системой всей своей репрезентативности». По его словам, «вместо политизации зоны администрирования» правящие круги осуществляют «администрирование всего пространства российской политики»⁴.

Даже без внимательного анализа основных проблемных зон формируемой СМИ практически во всем мире информационной повестки дня сегодня ясно, что в ней центральное место занимают проблемы безопасности. Об этом свидетельствует появление государственных доктрин и концепций «национальной безопасности», «энергетической безопасности», «информационной безопасности», «продовольственной безопасности» и др., выявляющих системные угрозы и риски и предполагающих политические стратегии и механизмы обеспечения безопасности.

Выбор властвующими элитами и репрезентирование СМИ в качестве ключевого концепта «безопасности» в проектировании современности представляется совершенно не случайным. Актуализация угроз, целенаправленно осуществляемая политической элитой, должна обеспечить доверие к власти (государственным институтам), призванной осуществлять роль «гаранта безопасности».

Конструируя политическую современность, власть в значительной степени апеллирует к реалиям, актуализируя определенные угрозы, порождающие в обществе страхи. В этом конструкте работает следующая модель:

Н.В. Шатина

В этих условиях вполне естественной оказывается актуализация «политологами-комментаторами» политических фактов, так или иначе «угрожающих» безопасности (от проблемы расширения НАТО на восток и до появления на российском рынке западных генно-модифицированных продуктов).

Как правило, именно «государственная» аналитика (официально-государственный политический дискурс) в современной России приковывает к себе наибольшее внимание и общества и исследователей российской политики. Влияние академического экспертного сообщества на политическую реальность и политический процесс проявляется не столь явно. Соответственно академический дискурс как область интерпретации, включенная в формирование политической реальности, во многом остается за рамками анализа, что ограничивает представление о коммуникативных политических смыслах современности. В связи с этим проблема «актуализации политической событийности» российским академическим сообществом и исследования факторов ее влияния на установление политической повестки дня достаточно актуальны. В данной статье предпринята попытка некоторого заполнения обозначенной лакуны.

Особый интерес представляют определение ключевых проблем современности, раскрытие их смыслового содержания и проектирование на их основе политической повестки дня и стратегии власти и общества. Речь идет прежде всего о тех политических фактах, к которым привлекает внимание общества и власти российское академическое сообщество.

Российская политическая наука (политические науки) как профессиональная область хотя и сформировалась сравнительно недавно, уже вполне конституирована. Существует академическое сообщество, включающее более 3 тыс. кандидатов и 500 докторов политических наук, развивается политологическое образование, издается значительное количество монографий, учебников, специализированных журналов («Полис», «Полития» и др.), функционируют научные ассоциации (Российская ассоциация политических наук, Российская ассоциация международных исследований, Евразийская сеть политических исследований), проходят научные конференции и конгрессы. Есть уже и российские исследователи (В.М. Сергеев, Н.И. Бирюков, Ю.С. Пивоваров и др.), признанные западным научным сообществом, чьи работы переведены на иностранные языки. Однако степень влияния академического сообщества на политические процессы (в частности, на формирование политической повестки дня) весьма невелика.

По справедливому замечанию А. Казанцева, российское общество считает политологами политических журналистов, обозревателей, писателей, не являющихся представителями политической науки в ее международном понимании, но узурпировавших ярлык политологов путем самонаименования в массмедиа. Эти «политологи», по словам автора, играют весьма своеобразную роль, занимаясь «не столько анализом политической реальности, сколько составлением прикладных проектов по ее преобразованию». Их «популярная» экспертиза политического востребована обществом и оказывает определенное (хотя и, безусловно, не чрезмерное) воздействие на власть⁵. Основными востребованными задачами политических экспертов оказываются прежде всего политические технологии, а не знания об обществе. Эти специфические технологии могут включать в себя организацию провокаций, проведение тайных информационных и пропагандистских операций. Большинство чисто экспертных в западном понимании (связанных со знанием об «объективных закономерностях» общественно-политической жизни, с научным обеспечением проводимой властями политики) функций российских политологов практически не востребуются.

В отличие от Запада академическая политология в России отстранена и от населения и от власти (а в результате – и от важных источников влияния: СМИ и финансовых ресурсов). Кроме того, западная политология четко дифференцирована от смежных научных сообществ. Политические науки на Западе пользуются собственным методологическим инструментарием, выступают с позиции ценностной нейтральности, не допускающей симбиоз литературы и журналистики с наукой. В связи с этим они оказывают серьезное экспертное влияние на власти и население.

Академическое сообщество политологов (особенно в России) во многом имеет дело с «актуализированной», опосредованной «политологами-популяризаторами» реальностью. Определение роли академической науки в формировании информационной повестки дня и политической современности в целом требуют выявления точек пересечения «проблемных зон» «медиаполитологии» и академической политической науки.

В первую очередь обращает на себя внимание то, что академические дискуссии о политических процессах современности, во всем мире, так же как и дискуссии в «медиаполитологии», ведутся вокруг проблем национальной безопасности. При этом «медиаполитология» концентрируется на выявлении рисков и угроз, а академическая политология исследует содержание осно-

Н.В. Шатина

вополагающих понятий, структурно-институциональные основания, причинно-следственные связи в сфере безопасности.

В современной политической науке признано, что национальная безопасность все больше становится типом политического выживания стран, способом гарантирования идентичности и условием моделирования и трансляции национальных интересов на мировом уровне. При этом она (проблема безопасности. – *Н. Ш.*) по своему содержанию начала трансформироваться из идеи защиты, ограждения населения отдельной страны, локализации от угроз внешних конфликтов в проблему самореализации и решения собственных глобальных вопросов. Понятие «безопасность» стало чрезвычайно широким, распространившись практически на все сферы жизни общества, начиная от защиты личной безопасности и заканчивая защитой информационного пространства.

Более чем пятнадцатилетний период исследования проблематики национальной безопасности характеризуется неоднозначностью в восприятии учеными и специалистами самого явления «национальная безопасность», а также различными подходами к исследованию данного явления как феномена современной политической действительности. В результате в политической теории вплоть до настоящего времени не сложилось единого мнения в отношении терминологического определения понятия «национальная безопасность».

К каким же «политическим событиям» обращается сегодня российское академическое сообщество?⁶

Академическое сообщество во многом следует за информационной повесткой дня, актуализированной СМИ. В этом смысле весьма показательной видится лекция известного российского политолога А.А. Галкина, прочитанная им на IV Всероссийском конгрессе политологов 20 октября 2006 г. Не случайным оказывается и то, что его же статьей, написанной на основе этой лекции, открывается второй номер одного из ведущих политологических журналов («Полития»).

Автор классифицирует типы противоречий и угроз человечеству, наиболее актуальных для начала XXI в. Он выделяет первичные, вторичные и третичные противоречия и угрозы, определяющие содержание и качество современной безопасности, и приводит достаточно основательный их анализ.

К первичным угрозам Галкин относит «катастрофически возрастающее давление» человека на окружающую среду и связанную с ним угрозу дефицита невозобновляемых природных ресурсов (особенно энергетических). При этом он акцентирует

внимание не столько на ее экологическом аспекте, сколько на темпах обострения проблемы и ее общественно-политических последствиях, которые часто игнорировались исследователями прошлого столетия. Кроме этого, он отмечает, что данные проблемы «мультиплицируются еще и тем, что реакция мирового сообщества на кризисное развитие биосферы несоразмерна с масштабами нависшей угрозы»⁷.

В качестве наиболее серьезных вторичных угроз в статье выделены угрозы, являющиеся следствием прогрессирующей глобализации, обостряющей кризисные ситуации в различных сферах существования человеческого сообщества. Так, по его мнению, перемещение производства в регионы с дешевой рабочей силой и внедрение трудосберегающих технологий ведут к массовой безработице. Глобализация резко усиливает дифференциацию стран и регионов, следствием которой являются нарастающие темпы накопления протестного потенциала. Здесь важным мне представляется вывод автора о последствиях данной угрозы, а именно «растущей ностальгии по патерналистским порядкам, всплеске патернализма, ксенофобии и религиозного фундаментализма».

Особенно интересно то, что Галкин называет одной из важнейших причин массового противодействия глобализации ее (глобализации. – *Н. Ш.*) «унификационный характер», «ориентацию на внедрение ценностей лишь одной из существующих ныне цивилизаций – западной». При этом автор указывает на то, что протестные настроения и общественное недовольство не просто существуют в сознании общества, но и «трансформируются в действия», причем в действия достаточно острого характера. Это, по его словам, придает новое качественное содержание существующим противоречиям. Именно с этими Галкин связывает массовые факторы распространения религиозного фундаментализма (особенно исламского), рассматривающего глобализацию как современный вариант «христианского натиска»⁸.

Следствием обострения этой проблемы является всплеск международного терроризма, который становится той основной проблемой, которая, пожалуй, наиболее актуализирована СМИ.

Еще одной «вторичной» угрозой человечеству XXI в., по мнению Галкина, является проблема массовой миграции, выходящая далеко за регулируемые пределы, грозящая «вылиться в новое Великое переселение народов» и способствующая ее «активному сращиванию с организованной преступностью»⁹. При этом автор отмечает, что в потоке новых иммигрантов «существенно возросла доля выходцев из стран с компактным мусуль-

Н.В. Шатина

манским населением, принесших с собой менталитет, образ жизни и систему ценностей, с большим трудом стыкующиеся с менталитетом, образом жизни и системой ценностей подавляющего большинства коренного населения Европы».

Новые иммигранты, по выводу автора, не стремятся (в отличие от своих предшественников) «слиться с окружением, овладеть языком страны пребывания, принять утвердившиеся в ней обычаи, образ жизни, культуру»¹⁰. Обозначенные факторы стимулируют праворадикальные настроения и этнонационализм.

Среди третичных противоречий и угроз XXI в. наиболее заметными, по мнению Галкина, становятся «неправильная трактовка процессов», происходящих в современном мире, и «основанная на них политическая практика»¹¹.

Автор ставит вопрос и о том, что «неправильная трактовка» происходящих в обществе политических процессов может сама по себе стать реальной угрозой. Обозначенный подход свидетельствует о том, что академическое общество в качестве важного фактора формирования политической современности рассматривает ее проективность.

Авторы многих других публикаций ведущих политологических изданий также в качестве центральных выделяют главным образом политические события, которые так или иначе актуализируют проблемы безопасности. Так, большинство статей, опубликованных в том же втором номере журнала «Полития», связывают проблематику исследования с концептом безопасности. В статье Ю.В. Ирхина¹² в качестве одной из центральных угроз названа угроза «неработающей демократии»; в статье О.Г. Зевинной и Б.И. Макаренко – в качестве важной для политической современности – выделяется проблематика малых субкультур¹³; в статье А.Г. Арбатова выявляются внешнеполитические смыслы проблемы безопасности для России¹⁴; в работе В.Е. Петровского исследуются проблемы энергетической безопасности и безопасности личности в странах СНГ¹⁵.

Значительное количество работ, опубликованных в академических периодических изданиях, на первый взгляд выпадают из обозначенной проблематики (например, связанные с политическими технологиями). Однако при более пристальном их прочтении обнаруживается, что они тем или иным образом актуализируют концепт безопасности.

Так, изучая электронные практики в регионах, исследователи в первую очередь выделяют в качестве основных тем избирательных кампаний, актуализированных российскими и политическими партиями, сюжеты, связанные с защитой гражд-

дан от вызовов и угроз (бедность, терроризм, безработица, защита интересов коренного населения).

Таким образом, дискурс, формируемый российским академическим экспертным сообществом, в целом совпадает с ранжированием событий и проблем официально-властным российским и мировым экспертным сообществом.

В целом оценки вызовов и угроз человечеству, актуализированных академическим сообществом, оказываются гораздо более глубокими и в то же время еще более катастрофичными. Однако, несмотря на серьезность и глубину исследований, их результаты не становятся значимыми для политических практик российской властной элиты.

Само обращение государства к научному сообществу не формулируется в виде вопроса о реалиях происходящих событий, а превращается в практико-политическую и весьма конъюнктурную задачу создания привлекательных для общества «громких» проектов и формирования доктрин. Такая «заданная» доктринальность, актуализирующая проблемы безопасности, имеет скорее презентационный, чем научный характер, позволяя власти всемерно усиливать себя самое.

Следствием обозначенной ситуации для России становится широкое распространение различных манипулятивных политических технологий, использующих проблематику безопасности как способ продвижения политических партий, лидеров и проектов власти, использующих «силовую» терминологию и закрепляющих традиционную для российского менталитета идею «сильного государства» («вертикали власти»).

Использование проблем безопасности в манипулятивных целях подменяет решение актуальных задач «декларацией о намерениях», не опирающейся на реальные практики и механизмы их осуществления. Его основная цель обозначенной «имитационной» государственно-политической активности состоит не в обеспечении безопасности, а в легитимации действующей политической власти. Сознательное (а в ряде случаев искусственное) конструирование или актуализация угроз в политических целях различными акторами формируют весьма своеобразную реальность, требующую специального политического анализа, направленного на выявление:

- реальных и проектируемых угроз и рисков;
- причин, конкретных обстоятельств и способов актуализации этих угроз;
- целей акторов, способствующих актуализации угроз и участвующих в принятии соответствующих решений.

- 1 См.: *Rheingold H.* The Virtual community: Homesteading on the electronic frontier. N.Y., 1993; *Idem.* Smart mobs: The next social revolution. SF, 2002; *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М, 1995; *Рикер П.* Что меня занимает последние 30 лет // <http://www.philosophy.ru/library/gicoeur/last.html>
- 2 Естественно, что ряд событий, непосредственно затрагивающих ключевые интересы граждан, не требуют специальных интерпретаций для осознания их значимости. В этом кроется причина несовпадения между информационной и публичной повесткой дня.
- 3 *Соловьев А.И.* Дискурс медиакратий: реалии информационной эпохи // Полис. 2004. № 2.
- 4 *Ковалев Г.* Символизация политической власти: концептуальное поле исследования. Ч. 1 // <http://politics.in.ua/index.php?go=News&in=view&id=965>
- 5 См.: *Казанцев А.* Отечественная политическая наука как подвиг // <http://www.allrus.info/APL.php?h=/data/prensa/15/nz021100/nz0b2032.txt>
- 6 Наш анализ построен на материалах прошедшего осенью 2006 г. IV Конгресса политологов и работах, опубликованных в профессиональных академических журналах.
- 7 *Галкин А.А.* Противоречия и угрозы XXI века // Полития. № 2. 2006. Лето. С. 6–21.
- 8 Там же. С. 12.
- 9 Там же. С. 13.
- 10 Там же. С. 14.
- 11 Там же. С. 18.
- 12 См.: *Ирхин Ю.В.* Всемирный политологический конгресс в Японии: «работает ли демократия» // Полития. № 2. 2006. Лето. С. 32–50.
- 13 См.: *Зевина О.Г., Макаренко Б.И.* Политические субкультуры – далекие и близкие // Там же. С. 50–74.
- 14 См.: *Арбатов А.Г.* Расширение НАТО и национальные интересы России // Там же. С. 94–104.
- 15 См.: *Петровский В.Е.* Энергетическая безопасность и безопасность личности в СНГ: Человеческое измерение постсоветской интеграции // Там же. С. 104–117.

М.А. Штейнман

КРИЗИС САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

В современной России используются наиболее актуальные модели рекламы и PR, но тем не менее существует определенный ментальный зазор между советским и постсоветским восприятием действительности. Иными словами, путь, который проделал Запад с 1945 г. – формирование, расцвет и трансформация общества потребления, – Россия попыталась пройти примерно за 7–10 лет, с 1991 г. Экономически и психологически болезненные трансформации, претерпеваемые населением страны в период «построения капитализма», привели к очевидной двойственности сознания: с одной стороны, активно усваиваются «западные» модели поведения и жизненных ценностей, а с другой – пассивное, но упорное сопротивление им, стремление смоделировать некую универсалию, уходящую корнями в советскую ментальность. В результате мы можем говорить о затяжном кризисе самоидентификации российских граждан, не в последнюю очередь обусловленном воздействием новых тенденций в развитии социокультурной сферы общества потребления.

Общество потребления: пространственно-временные границы

В настоящее время общества потребления часто связывают с понятием постиндустриального общества, конститутивным признаком которого является занятость большей части трудоспособного населения в сфере услуг.

Однако установлением общества потребления мы обязаны во многом Генри Форду и его «фордистскому режиму накопления», хронологические рамки которого Ф. Уэбстер определяет с 1945 по 1973 г.¹ Массовое производство электротоваров и автомобилей на огромных предприятиях Форда обеспечивало практиче-

М.А. Штейнман

ски полную занятость рабочих («синих воротничков») и, соответственно, рост заработной платы. Именно благодаря Форду, который обеспечил возможность массового выпуска дешевых товаров, были заложены основы будущего общества потребления. Уэбстер подчеркивает, что именно массовое потребление стало стержнем постоянного и стабильного массового производства.

Таким образом, необходимыми предпосылками массового потребления можно считать все возрастающую заработную плату, снижение цен на потребительские товары, отсутствие безработицы и активное внедрение покупок в рассрочку и в кредит. Характерно, что первая кредитная карточка (Diner's Club) появилась в 1950 г.² Соответственно, требовалась и стимуляция потребления. Одним из наиболее мощных способов стимуляции на тот момент стала так называемая двухчастная концепция новизны. Первая часть подразумевала очевидность новизны. Новизна покупки отождествлялась с ее первосортностью, при этом долгий срок служения вещи, напротив, связывался с ее выходом из моды и потерей престижа. В это время поговорка «Не отставать от Джонсонов» становится как нельзя более популярной. Вторая часть концепции новизны связана с устареванием вещи. Появились целые списки дорогостоящих предметов потребления, на которые распространялся так называемый принцип «запланированного устаревания». Меняя цвет и внешний вид автомобилей и холодильников, производители стремились увлечь потребителя в безнадежную гонку за модой. Главный дизайнер General Motors сформулировал задачу так: «Всеми силами старайтесь получить вещь, а потом откажитесь от нее. Наша работа – ускорять устаревание. В 1934 г. средний период владения автомобилем составлял пять лет, сегодня – два года. Мы сможем считать, что добились цели, когда он сократится до одного года»³.

Для поддержания этого уровня потребления, безусловно, была необходима реклама, которая активно использовала медийные каналы коммуникации. Однако ее целью оставалось стимулирование потребления вполне вещественных продуктов.

Перенос акцента с индустриального производства на информационные технологии, развитие транснациональных корпораций, глобализация – вот одни из факторов, которые кардинальным образом повлияли на развитие общества, соответственно, модифицировав и модель потребления.

По сути, консюмеризм держится в первую очередь именно на развитии информационной сферы, поскольку только с помощью различных информационных каналов «корпоративный ка-

питализм убеждает людей, что потребление – существенный и неизбежный элемент их образа жизни»⁴. Или, как подчеркивает Дж. Сивулка, создается модель поведения ультрапотребителя, возникшая в среде яппи (yuppie – young urban professional).

По словам Ж. Бодрийяра, массовые коммуникации дают нам не действительность, а головокружение от действительности⁵. Вслед за Р. Бартом он подчеркивает, что это «головокружение» создается определенной системой знаков. Стратегия их интерпретации в нашей повседневной жизни и есть то, на чем держится общество потребления.

Переход от потребления товаров к потреблению знака – признак так называемого общества изобилия, где расточительство дополняется перманентной «ситуацией нехватки». Это не относится к удовлетворению базовых потребностей, выделенных А. Маслоу. Напротив, только потребляя излишек, индивид заявляет о своем более высоком социальном статусе. При этом реклама преследует цель лишить товары потребительской ценности⁶. Подобное обесценивание товаров приводит к насаждению у потребителя постоянного чувства неуверенности и стимулирования погони за новыми доказательствами статуса.

Таким образом, рекламная коммуникация в обществе потребления предстает, по Бодрийяру, как система манипулирования знаками, служащими процессу статусной дифференциации. Именно знаки определяют позицию членов общества, поскольку всегда движутся от элиты к более низким социальным слоям: «Никогда не потребляют объект в себе (в его потребительской ценности) – всегда манипулируют объектами (в самом широком смысле) как знаками, которые отличают вас, то ли присоединяя вас к вашей собственной группе, взятой как идеальный эталон, то ли отдаляя вас от нее и присоединяя к группе с более высоким статусом»⁷.

Следовательно, общество потребления как знаковая структура стимулирует создание альтернативной, рекламной реальности, где индивидуумы делятся на манипуляторов и объектов манипулирования. Соответственно, новым героем времени становится обладатель рычагов управления знаками – т. е. специалист по связям с общественностью, порой отождествляемый с рекламистом. Именно он становится носителем новых жизненных ценностей.

Интеллигенция: деактуализация позиции

Для постсоветской России внедрение новых ценностей сопровождалось закономерным и предсказуемым отрицанием предыдущей духовной парадигмы, носителем которой в течение многих десятилетий выступала интеллигенция.

Г.С. Кнабе дает следующее определение интеллигенту – это человек, «открытый переживанию судеб общества и участию в истории»⁸. Автор прослеживает формирование феномена русской интеллигенции начиная с правления Ивана III. Важнейшие качества этой социально-психологической общности – духовная самостоятельность, образованность и открытость западноевропейскому опыту – были залогом формирования особого отношения к ней государственной власти. Подобный подход сохранялся на протяжении нескольких столетий.

С одной стороны, интеллигенция воспринималась как своего рода культурный и интеллектуальный резерв, но при этом самим фактом своего существования вызывала у власти недоверие. «Резерву этому не доверяли ни широкие слои населения, ни власть, хотя он только и делал, что обслуживал и одних и других, и в этом смысле был необходим всем»⁹. При этом духовное назначение интеллигенции неизменно виделось в просветительском контексте, в служении народу. Подобное мировосприятие достигло кульминации в XIX столетии.

Затем, однако, от имени народа заговорила масса. Придя к власти в 1917 г., эта масса потребовала от интеллигенции непосредственно служения себе как воплощению «воли народа». Именно здесь лежат истоки самообмана интеллигенции, ее «актуального противоречия»¹⁰, следствием которого явился конформизм, готовность сотрудничать с режимом, говорившим от имени народа.

В свою очередь, Исая Берлин в своих работах подчеркивает, что сталинское государство предписывало интеллигенции «не интерпретировать, не обсуждать, не анализировать, тем более не распространять марксистское учение на новые сферы жизни, но упрощать его, усвоив общепринятую точку зрения, а затем повторяя и буквально вдалбливая одну и ту же санкционированную истину, любыми средствами и по любому поводу»¹¹.

При этом недоверие государства к интеллигенции не только сохранялось, но и росло. Г.С. Кнабе, в частности, усматривает здесь противоречие между микроидентификацией в образованных слоях общества и макроидентификацией масс с властью, имевшее место в России начиная с реформ Петра I. Народ угады-

вал во власти «недоверие к “шибко грамотным”, а тем самым и близость себе»¹². «Инстинктивная идентификация народа с властью», по формулировке Г.С. Кнабе (т. е. макроидентификация), инициирует его недоверие по отношению к интеллигенции.

Сходную позицию высказывает У. Эко, заявляя, что функция интеллигенции – выявлять «посильное приближение к представлению об истине». Иными словами, интеллигент видит свою задачу в том, чтобы «выпячивать двусмысленности и освещать их»¹³. Это, в свою очередь, возможно только в том случае, когда рефлексия не отступает перед идеологией.

После распада Советского Союза, однако, интеллигенция стала стремительно утрачивать даже ту позицию в социуме, которой обладала. Характерно, что причина распада интеллигенции оценивается двояко. В частности, И. Берлин указывает на деструктивное влияние тоталитарной системы, которая, по сути, уничтожила не только интеллектуальный, но и нравственно-этический потенциал советской интеллигенции.

Л. Гудков считает, что последствием коммунистического режима стала «практически полная кастрация самых образованных слоев российского общества. Сегодня элита не в состоянии ни задать ориентиры общественного развития, ни обеспечить внесение в социальную практику норм правового общества...»¹⁴. Интеллектуальное сообщество не в состоянии предложить ничего нового. «Интеллигенция» (т. е. репродуктивная и обслуживающая бюрократия) работает с готовыми образцами, которые подразумевают адаптацию либо продуктов массовой культуры, либо советских идеологем¹⁵.

А. Агеев, напротив, не отказывает постсоветской интеллигенции в умении находить свое место под солнцем. В его представлении прессу (особенно при Ельцине) контролировала именно интеллигенция. «Это, пожалуй, единственное, что досталось ей при разделе огромного социалистического пирога»¹⁶. Агеев наделяет интеллигенцию потребностью «иметь власть, которую можно любить». Потребность сотрудничества с властями, по его мнению, взрастил в среде интеллигентов именно советский строй.

Очевидно, что позиция интеллигенции в 1990-х годах зеркально отражает общую ситуацию в стране.

«Русская интеллигенция отчетливо самоидентифицировалась до тех пор, пока самоидентифицировались две другие общественные силы, из контраста с которыми и из связи с которыми она возникла, – власть и народ»¹⁷. Соответственно, она оказывается не в состоянии выполнить свою миссию в новой России, по-

скольку не готова и не способна принять на себя новые полномочия. Иными словами, после исчезновения советского строя и тоталитарного общества исчезла и сама интеллигенция как социокультурный феномен.

Г. Кнабе, в частности, развивает мысль об «испытании долларом, утрате самоидентификации, обесценивании научной истины»¹⁸. Ту же мысль, но только иными словами формулирует В. Пелевин: «Мы исходим из того, что средний класс в России формируется как раз из интеллигенции, переставшей мыслить национально и задумавшейся над тем, где взять денег»¹⁹.

Таким образом, все вышеперечисленные черты интеллигенции, включая духовную самостоятельность, оказываются не только не востребованными, но и не актуальными в современной ситуации. В романах Т. Устиновой, П. Дашковой и С. Минаева подчеркиваются неприспособленность и несостоятельность героев-интеллигентов.

Т. Устинова не скупится на характеристики своему интеллигентному персонажу: «Самый выдающийся, самый многообещающий – и хуже всех приспособленный к жизни. Никто не виноват – революция девяносто первого года уничтожила науку, а с ней и всех ученых». Или же: «Он всегда был неловок, носил какие-то нелепые укороченные брючата, раздражал всех рассуждениями о богачах и недоумках, захвативших власть, и по его выходило, что богачами и недоумками стали все, кто нашел работу в бизнесе или получает иностранные гранты»²⁰.

Китайские кеды, трикотажные треники с вытянутыми коленами, тельняшки, куртки-штормовки – вот те реалии, которые окружают аутсайдеров в книгах П. Дашковой и Т. Устиновой. К этому перечню можно добавить запах щей и отбеливателя в квартире матери-одиночки, занимающей должность старшего научного сотрудника Музея на Волхонке.

Иными словами, здесь очевидно стремление авторов романов-пocketбуков подчеркнуть, что люди науки и искусства не только беспомощны, но и несостоятельны в новой экономической ситуации.

Интеллигенция в книгах С. Минаева еще менее симпатична, ибо имеет целью своего существования сопротивление обществу. Так, в «Повести о третьем сроке» внешность прибывшего из Лондона олигарха наделена специфической чертой: «пронзительные голубые глаза, из тех, что бывают у чекистов в чине либо у старых советских диссидентов»²¹. Это приравнивание чекиста к диссиденту, между которыми, по мнению автора романа, нет никакой разницы, представляется крайне зна-

чимым в контексте книги. Этот олигарх, будучи проводником воли некоего еще более инфернального персонажа, представляется «старшим научным сотрудником». В дальнейшем на страницах появляется череда унылых немолодых людей, рассуждающих о «наследии Синявского и Даниэля», истеричных дам среднего возраста и т. п. Вывод, к которому подводят нас и беспринципный служитель медиа и сам Минаев, мало чем отличается от предположения А. Агеева: постсоветская интеллигенция настроена против власти только потому, что власть не предлагает работать на нее.

Поиски новой идентичности

В 1990-х годах реклама и PR воспринимались не только как совершенно новые сферы коммерческой деятельности, но и как могущественные инструменты воздействия на сознание человека. Более того, поскольку данные виды деятельности пришли в постсоветскую Россию с Запада, они вполне закономерно воспринимались как проводники капиталистического образа жизни и как шкала новых нравственных ценностей.

Однако поскольку в информационном обществе обладание информацией приравнивается к обладанию властью, то те профессии, которые используют медийные каналы коммуникации для передачи собственного сообщения, неизбежно подвергаются мифологизации. Одним из первых авторов, поместивших специалиста по связям с общественностью в контекст литературного мифа, стал английский писатель К.С. Льюис. В романе «Мерзейшая мощь» (1955; заключительная часть так называемой «Космической трилогии») он изображает молодого ученого-социолога по имени Марк, перед которым стоит задача подготовить общественное мнение к позитивному восприятию спровоцированных беспорядков в университетском городке. Бунт должен послужить основанием для получения чрезвычайных полномочий. К этому стремится некое учреждение, чья цель – установить контроль над городом. Марк получает задание заранее подготовить статьи, ориентированные на восприятие различных социальных слоев.

Ситуация в целом не может не напоминать сюжет знаменитого фильма Б. Левинсона «Wag the dog» (1997; в российском прокате «Плутовство»): управление потоками информации, встраивание заранее срежиссированных сюжетов в новостные блоки становится частью избирательной кампании по выбору президента США. Основная задача – отвлечь внимание общест-

М.А. Штейнман

венности от реально произошедшего сексуального скандала с участием президента.

Интересно, что в романе К. Льюиса, написанном четырьмя десятилетиями раньше, авторская позиция обозначена более чем прозрачно: подделывать реальность значит служить врагам рода человеческого. За спиной загадочного учреждения скрываются некие темные силы, враждебные всему живому. Подобное отношение к искусственно созданному зрелищу не может не напомнить выпады Э. Ги Дебора в адрес «общества спектакля».

Итак, мифологизация профессии специалиста по связям с общественностью и/или рекламиста, начавшаяся достаточно давно, достигает своей кульминации в конце 1990-х годов – как и развитие «общества потребления». Характерно, что в России в 1999 г. появляются сразу несколько романов, в центре которых располагается именно эта загадочная, почти магическая фигура – от «Generation П» В. Пелевина до лав-стори Т. Устиновой «Гроза над морем», позже изданного под заголовком «Персональный ангел».

Особое место здесь принадлежит книге В. Пелевина, сочетающей в себе черты памфлета, философского эссе и производственного романа. Жизнь российского рекламиста изображается здесь через призму мифологического сюжета о поиске избранного героя. Текст представляет собой причудливое сочетание явных цитат и скрытых аллюзий на широко известные работы, посвященные теории рекламы и массовых коммуникаций: «Откровения рекламного агента» Д. Огилви, «Позиционирование: битва за узнаваемость» Э. Райса и Д. Траута, «Общество спектакля» Э. Ги Дебора, «Understanding Media» М. Маклюэна и «Система вещей» Ж. Бодрийяра.

При этом в романе Пелевина представлена весьма жесткая модель прощания с Советским Союзом. «На смену приходила только серая страшноватость, в которой душа советского типа быстро догнивала и проваливалась внутрь самой себя. Газеты уверяли, что в этой страшноватости давно живет весь мир, и оттого в нем так много вещей и денег, а понять это мешает только советская ментальность»²².

Характерно, что главный герой романа, окончивший Литинститут и подпадающий под определение интеллигенции, совершенно не заботится о том, какая ментальность должна прийти на смену советской. Он занят вопросами выживания. Так что вопрос о новой национальной идентичности поднимает у Пелевина «новый русский». Он глубоко убежден, что деньги как таковые не могут быть носителем национальной идеи. В этом и

заключается проблема постсоветской России: «У нас раньше было православие, самодержавие и народность. Потом был этот коммунизм. А теперь, когда он кончился, нет никакой идеи вообще, кроме бабок. Но ведь не могут за бабками стоять просто бабки, верно?»²³ Так что с выводом, к которому приходит Пелевин в своем последнем романе, сложно не согласиться: «Молодость России доставалась ценой полного отказа от идентичности»²⁴.

Таким образом, оппозиция «рекламист – интеллигент», подразумевающая соотношение «победитель – неудачник», может сохранять свою актуальность лишь до тех пор, пока существуют обе ее составляющие. Именно поэтому образ интеллигента, при всей своей гротескности, не покидает страниц массовой литературы. Достаточно долгое время он служит отправной точкой развития идеологии потребления.

Реклама: развенчание власти

Начиная с 2000 г., однако, сакральный образ «пиарщика» и рекламиста начинает профанироваться, развенчиваться. Первым выступает здесь Ф. Бегбедер с его «99 франками» (русский перевод опубликован в 2002 г.), а спустя четыре года французский сюжет пересказывает, приспособив к российским реалиям, С. Минаев в «Повести о ненастоящем человеке» (2006). Герой Бегбедера протестует против общества потребления, отождествляя систему и ее членов. В результате он совершает убийство в духе героя «Заводного апельсина» Э. Берджесса. Напротив, российский рекламист в интерпретации Минаева находит только один, вполне архитипический вариант протеста: алкоголь. Отказавшись от профессии, он напивается и уезжает прочь из Москвы на электричке, стремясь уподобиться герою Венички Ерофеева.

В свою очередь, недавняя книга Пелевина «Ампир В» (2006) представляет, по сути, самопародию. Развивая идею о тотально несвободном обществе потребления, он создает гротескный образ сверхцивилизации вампиров, опираясь на образ, промелькнувший в его раннем романе: в телевизоре, перевернутом вверх ногами, ведущий «очень походил на летучую мышь, свисавшую с невидимой жердочки»²⁵. Если в «Generation П» власть идентифицировалась с тайным обществом халдеев, слуг богини Иштар, репрезентируемой симулякром телевизионного вещания, то в «Ампире В» уже сами халдеи являются не более чем ассистентами расы сверхчеловеков, точнее нечеловеков – вампиров.

М.А. Штейнман

В пространстве восприятия, смоделированном Пелевиным, власть обладает четкими характеристиками «чужого» начала, чья логика не может быть до конца понятна. Герой «Ампира В», только-только влившийся в этот загадочный круг, остро ощущает свою отстраненность от тех, кто располагает реальными рычагами для принятия решений. Несмотря на смену статуса, он не идентифицирует себя с хозяевами жизни.

В рамках российского общества потребления все заметней становится размывание границ устоявшейся дихотомии «успешный рекламист (пиарщик) – интеллигент-неудачник». Место интеллигента занимает интеллеktуал, который хорошо осознает относительность как моральных норм, так и благ, ради которых ими можно пожертвовать.

В этом контексте справедливым представляется замечание Ф. Уэбстера, который подчеркивает, что основная черта культуры постсовременного общества – отказ от поиска аутентичности. «Вместо догм культура постсовременности предлагает нам разнообразие выбора, карнавальность, бесконечное количество решений»²⁶. Данная точка зрения соотносится с концепцией Дж. Сибрука «nowbrow». Под этим понятием подразумевается отсутствие в современной культуре иерархии как таковой – не высокой (highbrow) и не низкой (lowbrow), и даже не средней (middlebrow) культуры, а культуры, существующей вообще вне старой иерархии вкуса²⁷. Социокультурная сфера, таким образом, приобретает аморфные черты, а общество потребления предстает как питательная среда для развития некоей новой идентичности, идентичности «nowbrow».

Примечания

- 1 См.: Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 87.
- 2 См.: Сивулка Дж. Мыло, секс и сигареты. СПб.: Питер, 2002. С. 308.
- 3 Цит. по: Bayley S. Harley Earl and the American Dream Machine. L.: Wiedenfeld & Nicholson, 1991. P. 93.
- 4 Уэбстер Ф. Указ. соч. С. 208.

Кризис самоидентификации в обществе потребления

- 5 См.: *Бодрийяр Ж.* Общество потребления: его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006. С. 16.
- 6 Там же. С. 71.
- 7 Там же. С. 87.
- 8 *Кнабе Г.С.* Перевернутая страница. М.: РГГУ, 2002. С. 10. (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 31.)
- 9 Там же. С. 16.
- 10 Там же. С. 30.
- 11 *Берлин И.* Молчание в русской культуре // Берлин И. История свободы: Россия. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 347.
- 12 *Кнабе Г.С.* Жажда тождества: культурно-антропологическая идентификация: Вчера. Сегодня. Завтра. М.: РГГУ, 2003. С. 26. (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 39.)
- 13 *Эко У.* Осмысляя войну // Эко У. Пять эссе на тему этики. СПб.: Симпозиум, 2002. С. 28.
- 14 *Гудков Л.* Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам // Гудков Л. Негативная идентичность: Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение; ВЦИОМ-А, 2004. С. 682.
- 15 Там же. С. 683.
- 16 *Агеев А.* Мужик и бабы // Агеев А. Газета, глянец, Интернет: Литератор в трех средах. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 281.
- 17 *Кнабе Г.С.* Перевернутая страница. С. 49.
- 18 Там же. С. 46.
- 19 *Пелевин В.* Generation П. М.: Вагриус, 1999. С. 225.
- 20 *Устинова Т.* Гений пустого места. М.: ЭКСМО, 2006. С. 51.
- 21 *Минаев С.* Media Sapiens: Повесть о третьем сроке. М.: Астрель; АСТ, 2007. С. 68.
- 22 *Пелевин В.* Generation П. С. 32.
- 23 Там же. С. 175.
- 24 *Пелевин В.* Амфир В. М.: Эксмо, 2006. С. 386.
- 25 Там же. С. 268.
- 26 *Уэбстер Ф.* Указ. соч. С. 320.
- 27 См.: *Сибрук Дж.* Nowbrow: Культура маркетинга, маркетинг культуры. М.: Ad Marginem, 2005. С. 19.

Abstracts

I. Klyukanov

The Event of Communication

In the present paper the event of communication is discussed in terms of several interconnected stages of meaning development. The first stage is predominantly spatial with each of the following stages revealing their increasingly temporal nature. It is shown how communication eventually returns to the first stage albeit in a new quality as the objective reality is now filled with human spirit. It is emphasized that the event of communication is not simply an ontological, but also ethical phenomenon. Every event of communication requires its recognition or response so response-ability is viewed as inherent to communication.

D.I. Axenovsky

A Political Event as an Economy and Limit of Power: the Experience of Categorisation

A political event is not only a sign of practicing power, but the method of power economy through constructing special rationalization. Such rationalization is the knowledge of such alternatives of political actions, that political subjects seek to avoid. On this basis a suitable variant is being selected. Thus the political event is a mnemo-technical sign of an exchange between those who are in power and those who are not. Because of that, the political event is not a type of cohesion of power with the practices of social life. Within the political event one can face different variants of political actions through the alternatives in revealing the limit of power, exercised by the participants of political relations.

A.A. Kalmykov

The Communicatology and the Virtualistics: the Experience of Social Ontology Engineering

The author describes a modern view on the social ontology basing on the concepts of communicatology and virtualistics as scientific disciplines. Sociality is considered to be a function of communica-

tive practices as well of practices of virtuality. A model of reality is suggested. This model is formed by two basic vectors (space and time), and by additional dimension – virtual. Consequently such hyperplanes as “space-time”, “virtual-space”, and “virtual-time” appear corresponding with the following concepts: ontology, content, outness.

The author develops the content of the key virtualistics term “SOB” (some kind of “self”), represents structures of human realities including such ontomodalities as corporeity, consciousness, personality, will, internal human. The concept “SOB” applied to social media, and to “political event” is considered to be a factor for changing ontomodalities of political subjects. It is argued that the current state of the Russian society is characterized by actualization of a person’s reality.

S.V. Klyagin

Timing as Mapping the Ontology of Event

The article deals with ontological foundations of event as a phenomenon of social and political life. Consequently main attention is paid to temporal and spatial parameters of event. Depending on the mode of event including in a structure of social reality and being on the whole (M. Heidegger’s approach) a range of types (epochs) in event disclosing and event managing is characterized. The author describes the Epoch of events acceptance, when event discovers that something naturally overflows a horizon of reality. In this case time parameters schedule marking of event. Within the Epoch of Cognition event traces trajectories of subject activities, eventually time maps a space of discourse. Finally the Epoch of Presence opens the plenitude of event in gathering and putting forward to reality potentials and power of being. Hence, time traits of event are discovered as multidimensional and involving human life span in maintaining and keeping up the eventfulness of being. Contextually to the depicted epochs a classification project for typical social and political technologies is suggested.

M.A. Gordeyeva, Ya.V. Lapitskaya

Interpretations of Political Events in the Process of European Political Integration: between Intention and Implementation

This article explores the impact of different political events through mechanisms such as resonance and everyday symbols, symbols of identity which are common currency in popular cul-

ture, which can come to have the power to determine entire courses of political action. While the existence of these symbols impacts on political behaviour, it is almost impossible to predict the shape, course and strength of this impact. The author develops the notion that some events are “points of entry” for individuals thinking of issues at the collective national level. The popular accessibility of certain myths, memories and symbols creates a “consistency” across the collective, through communication and political action.

V.D. Zimina

Revolutionary Eventuality in the Context of Russian Political Discourse in Early 20th Century

The paper is devoted to the problem of the formation of new political discourse under the conditions of the dynamic development of the revolutionary processes in the Russian Empire in early 20th century. Author demonstrates that the transformation of the Russian political space in the context of European political communication was influenced by the democratic dominant of the political values of the world community. Special attention is given to the problem of the application of discourse analysis for the study of Russian revolutionary eventuality.

A.L. Zverev

The Impact of Event Context on the Political Socialization of Russian Citizens

The article is devoted to the issue of the influence of event context on the political socialization of Russian citizens. The article considers political events that influenced people's beliefs in the course of their political socialization. The article presents the analysis of such phenomena as “selected trauma” and “selected fame”, as perceived by the public opinion of the country that suffered the Great Patriotic War. The author also presents the results of the empiric research of people's perception of political events that influenced the political views of different generations of Russian citizens. The main conclusions the author makes are about young people's lack of political knowledge, about the most active generation of the middle age who are much interested in the political events and about the disappointed old generation who feel nostalgic about the political events of the Soviet past.

G.M. Mikhaleva

The Institute of Political Parties: the European History and the Russian Experience of Establishing Multi-Party System

The article describes the nature of parties, their formation, functioning and peculiarities under various regimes. In the first part of the article the formation of parties in Europe and their evolution from clubs to cartel parties is studied.

The second part is devoted to the developing of party systems during the period of post-socialist transformations and the specifics of political party pluralism in Russia. The differences and similarities of political party systems in Europe and in post-socialist Russia are pointed out. Various characteristics of administrative and civil parties in Russia are analyzed in comparison with their European counterparts in different historic periods.

A.A. Sipols

Event as a Tool of Political Communication

The author analyses the role of event engineering in the contemporary political sphere. The modern society passing through an exformation age triggered by the development of mass media and globalisation. Political scientists and public relations experts, that make a special focus on studying political communications, underline the growing importance of their activities in the political sphere and even in the legitimising of authority. Event creation becomes one of the most important tool of political communication. Events can influence agenda settings of the target audience and modify its actions. Mass media turns into powerful mean of political communications as media makes it possible to create events rather than simply interpret them. The penetration of the political sphere into all other spheres of life allows to create events of any sphere and turn them into political events. The author also analyses specific examples of political events that do not initially appear as political ones.

N.V. Illeritskaya

The Past in the Present: the Technology of Constructing a Political Event

Researchers have no direct access, to the past: the image and structure of the event being reconstructed don't depend on its nature but on the social and political context. Thus a political event is of a

constructivistic nature and depends on the researcher, who constructs it as an intellectual model. So the “amount” of the event depends on the scholar’s point of view, who, by means of intellectual technologies, defines its scale and builds up the logic of the research. It is this political script that was written in Russia, when modification of agriculture was at the agenda at the beginning of the XX century. The intellectual discourse of the historical and legal science (as presented in V.I. Sergejevich’s version) was of the decisive influence on the way of solving this problem. The agrarian modifications at the beginning of the XX century – Stolypin’s agrarian reform – was a kind of case study of political construction, when the “knot” of social reality, that historians defined later as “Stolypin’s agrarian reform”, had been reconstructed by means of intellectual efforts.

A.S. Madatov

The Role of Political Events in Regime Change

Every essential event is a showing of the functioning of political system. If we consider the political events under the point of view of David Easton’s classical model of political system, we would see that political events both are at the input of this as the reactions to the impulses from environment and the signals of reverse communication of output. Besides one has to take into account the ontological and gnosiological aspects of the problem. All the political events appear and develop in certain spatial and temporal frameworks. There are different levels of social and political space and various stages of time. They determine the character of political event. As to political events connected with regime change they have always marked character. The author points out the following political events having an impact for the change of political regime: military *coup d’etat*, the replacement of political leader, the concluding of social pact etc. Special consideration of the article is given to the case studies on the examples of Portuguese, Spain, and Russia. At the end of the article the author distinguishes the common features of the events connected with the regime change.

E.V. Barysheva

A Political Event as the Way to Legitimate Diktatura Proletariata

After the October Revolution, 1917, one of the ways to mould legitimation has become constructing by Bolsheviks the political events that immediately demonstrated the dictatorial nature of the

new power. The article considers the political events constructed by the authorities aimed at searching theoretical foundations and new methods of mass manipulation. Thus, Bolsheviks sought to build up an available to the broad masses of proletariat political meaning of theoretical doctrines of Marxism and bring up a necessary attitude to the Soviet power.

E.A. Arkhipova

Zemsky Sobor as a Phenomenon of Political Discourse in the Middle of the XIXth Century

The article is devoted to the influence of ideological position on historiographical constructions and political projects. In the Russian political discourse in the middle of the XIXth century one of the most important questions was the question of the central representative body. Historicism as a dominant philosophical concept determined the close correlation between historical study and political practice. Thus practically every political project made the previous tradition of representation of the people relevant. The article concentrates on the comparison of two historiographical constructions of Zemsky Sobor created by K.S. Aksakov and A.P. Schapov and their political programmes. The author describes how ideological positions impose a limitation on the selection of historical facts, the definition of historical phenomenon and its temporal localization. The contrastive analysis has shown that only rational historical model provides a basis for constructive political projecting.

N.A. Borisov

Political Events in Ukraine-2007: Perpetual Repetition, Political Crisis or the Way to the Consolidation of Democracy?

The article is devoted to the features of political process in Ukraine in the period after President Yushchenko's decision on the dissolution of the Supreme Rada (April–September, 2007). Analyzing modern crisis in wider historical and political contexts, the author comes to the conclusion about continuity of the basic mechanism of regulation of conflicts in the Ukrainian political system, pointing out, that the establishment of new institutional design has not led to prevalence of formal institutes and to “to struggle by rules”. These reasons gave birth to both the presence of tradition of intralite pacts as the basic institutes of political process in Ukraine, and predetermination of conflicts by the constitutional formula. It is

obvious, that the strong basis is necessary to consolidate democracy within official institutions. It makes it necessary to make amendments into the Constitution and to establish legal institutions aimed at settling political conflicts.

N.V. Shatina

“Political Event” as a Field of Interpretation for Russian Expert Community

The article is devoted to the problem of “political event” as an interpretation and representation spheres and the main instrument of projecting and construing the reality. As the result of “simulating” the events, directed at the broad social response, real policy (in the centre of which there is distribution of top authorities and political decision making) retreats from public to shadow sphere. So the society deals with the facts, oriented at the support of the elite’s political course.

M.A. Shteynman

Modern Russia: Crisis of Identity in Consumer Society

Nowadays Russia displays two completely different types of mentality: the first follows some certain capitalist models, but the other adheres to former Soviet basics. The cause of such duality is quite obvious: utterly painful process of “building capitalist society” in Russia in the nineties leads to a lingering crisis of identification. A former Soviet person fails to transform completely into an experienced consumer. And the function of preserving moral values fulfilled by Soviet intelligentsia lost its significance as well as intelligentsia itself. This social estate was replaced by the most powerful community of public relations experts. Being considered as a manipulator of public opinion this social group has become a sacred one embodying power both of advertising and public relations. Thus we still face the lack of identity in former Soviet Russia, and its most distinctive trait is eliminating the myth about intelligentsia.

Сведения об авторах

- Аксеновский Дмитрий Иванович* – кандидат философских наук, доцент кафедры современных коммуникативных, социальных и политических теорий. Специалист в области коммуникационного менеджмента, стратегий инвестирования в социальные коммуникации, управления PR-проектами и PR-кампаниями.
- Архипова Екатерина Анатольевна* – аспирант кафедры истории и теории исторической науки, специализируется в области российской политической истории и политической историографии.
- Барышева Елена Владимировна* – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и теории исторической науки, специалист в области политической историографии, истории и теории политических учений, автор работ по проблемам российской политической мысли и политических практик современного транзита.
- Борисов Николай Александрович* – кандидат политических наук, преподаватель кафедры общей политологии и специальных политических дисциплин, специалист в области политических процессов на постсоветском пространстве, автор работ по данным проблемам.
- Гордеева Мария Александровна* – кандидат исторических наук, доцент, специалист в области политической конфликтологии, автор работ в сфере исследования современных социальных и политических конфликтов.
- Зверев Андрей Леонидович* – кандидат политических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций и технологий, специалист в области политической психологии, политической социализации, политики и СМИ, политического консалтинга, политического PR, политической рекламы.
- Зиминая Валентина Дмитриевна* – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой общей политологии и специальных политических дисциплин, специалист в области политической истории и управления современными политическими процессами, автор работ в области политической истории России.
- Иллерицкая Наталья Владимировна* – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории исторической науки, специалист в области русской историографии, а также исторических и культурных коммуникаций, автор работ в области политической истории и историографии.
- Калмыков Александр Альбертович* – кандидат педагогических наук, доцент кафедры современных коммуникативных, социальных и

политических теорий, специалист в области политической информации, речевых коммуникаций, экологии и культуры, автор работ по проблемам информационного обеспечения коммуникативных процессов.

Клюканов Игорь – доктор филологических наук, профессор Восточно-Американского университета (г. Спокан, штат Вашингтон, США), специалист в области теорий коммуникаций, семиотики, межкультурной коммуникации. Автор многочисленных работ по данным темам.

Клягин Сергей Вячеславович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникативных, социальных и политических теорий, специалист в области философии и методологии социально-коммуникативных практик. Автор работ по перечисленным проблемам.

Лапцкая Яна Викторовна – магистрант колледжа Европы (Брюгге, Бельгия). Специалист в области Евросоюза, европейской интеграции и новой европейской идентичности.

Мадатов Александр Сергеевич – доктор политических наук, профессор кафедры общей политологии и специальных политических дисциплин. Специалист в области политических систем и политических исследований. Автор работ по данным темам.

Михалёва Галина Михайловна – кандидат философских наук, Dr. Phil (Бременский университет), доцент, автор многочисленных работ на немецком, английском и русском языках по политической регионалистике, транзитологии, сравнительной политологии, внешней политике.

Сиполс Анастасия Александровна – аспирантка кафедры культуры мира и демократии, специализируется в области коммуникативных технологий в политическом пространстве, автор работ по данной теме

Шатина Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций и технологий, специалист в области коммуникативистики, политологии.

Штейнман Мария Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современных коммуникативных, социальных и политических теорий, специалист в области теории и практики межкультурных коммуникаций, автор работ по проблемам культурных практик.

Редактор *О.Н. Панкова*
Корректор *Л.П. Бурцева*
Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Подписано в печать 14.01.08.
Формат 60×90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 15,5. Уч.-изд. л. 15,9.
Тираж 1050 экз. Заказ № 3

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
12599, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
по различным аспектам гуманитарных знаний
выходит 12 раз в год.

Подписка принимается всеми отделениями связи
без ограничений (индекс 36626).

Не забудьте своевременно подписаться
на наш журнал!
